

Б. Г. Джонуа

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

СУХУМ - 2002

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И.ГУЛИА
АН АБХАЗИИ

Б.Г.Джонуа

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА
В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Сухум 2002

81. 2 Абх.
Д 42

Работа издана Сухумским отделением
Фонда Сороса

Редакторы: **Климов Г.А.**

Хагба Л.Р.

Корректор **Дбар С.А.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Введение	7
Древнейшие заимствования.....	24
Аланские заимствования.....	56
Адыгские заимствования	63
Тюркские, арабские и персидские заимствования..	83
Картвельские заимствования.....	107
Русские заимствования.....	132
Заключение	146
Сокращения.....	152
Литература.....	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальные задачи разработки сравнительной грамматики абхазо-адыгских языков выдвигают настоятельное требование четкого взаимного разграничения их исконного и заимствованного материала. Между тем, трудно сказать, что в абхазской лексикологии это элементарное по существу требование выполняется успешно. С одной стороны, в исследовательской практике заимствованные лексемы очень часто признаются исконными (и даже иногда кладутся в основу древних звуковых соотношений между абхазо-адыгскими языками). С другой стороны, встречаются и случаи трактовки собственного лексического наследия в качестве материала, усвоенного извне. Естественно, что такое положение заставляет обратиться к самим критериям соответствующего разграничения абхазского словарного состава.

Настоящая работа может рассматриваться как первый в абхазской лексикологии опыт систематического рассмотрения заимствованного фонда. Перед автором стояла задача отбора соответствующих семантических и фонетических критериев и применения их к конкретному материалу. Последующая задача заключалась в систематизации всех представленных в нем лексических групп в качестве хронологически различающихся словарных пластов, восходящих к нескольким основным источникам. Немаловажной задачей мы также считали по возможности исчерпывающую конкретную атрибуцию заимствованных лексем.

Разработка настоящей темы составляет одно из актуальных направлений современного абхазо-адыгского языкознания, поскольку ее проблематика до сих пор не получила удовлетворительного решения. Между тем, необходимость освещения ее вопросов (в частности, установления общего объема и тематической характеристики заимствований, выявления соотношения пластов, хронологии и, наконец, принципов структурной адаптации) с необходимостью вытекает из современного состояния изучения абхазского языка. Выявление соответствующего лексического фонда должно устранить его из сферы применения сравнительно-исторических взаимоотношений абхазского языка с его современным и историческим окружением.

Решение данной задачи предполагает выполнение совокупности задач подчиненного порядка:

1) разработка некоторого комплекса формальных (фонетических) критериев атрибуции неисконных лексем к определенному языку-источнику;

2) разносторонняя характеристика различных пластов лексических заимствований в абхазском языке в определенной хронологической перспективе;

3) выявление ранее нераспознанных заимствований, с одной стороны, и, напротив, ошибочно определявшихся в качестве усвоенных лексем, с другой;

4) анализ исторических путей фонетической адаптации и семантического освоения заимствований в лексической системе абхазского языка.

Специфика поставленных перед настоящей работой задач обуславливала применение в ходе их решения нескольких методов. Ведущую роль играл системный анализ фонетики и семантики рассматриваемого лексического материала. Важное место отводилось диахроническому рассмотрению

установленных групп лексических заимствований. Наконец, в ряде контекстов, в частности, при отграничении адыгизмов от исконного абхазского лексического наследия, использовалась методика сравнительно-исторического исследования. Использованы также и закономерности акцентологии исследуемого языка в целях конкретной атрибуции единиц неисконного фонда.

Роль такого исследования для подготовки историко-этимологического словаря абхазского языка очевидна. Исследования подобного рода способны внести свой вклад и в изучение синхронной проблематики абхазского языкознания. В частности, анализ приемов фонетической адаптации лексических заимствований помогает установлению фонологической структуры абхазского слова.

Наконец, разработка настоящей темы представляется достаточно актуальной и в плане этнокультурной истории абхазов. Должно быть понятным, что в условиях определенной скудности различного рода источников по истории Абхазии (особенно – ранней), свидетельствам языка, и прежде всего, его лексического состава, принадлежит важнейшая роль в раскрытии неизвестных страниц истории.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении своей многовековой истории абхазский народ, места обитания которого всегда располагались на одном из оживленных путей между Европой и Азией, постоянно вступал в контакты с другими народами, что не проходило бесследно для абхазского языка и, прежде всего — для его словарного запаса.

К сожалению, наиболее ранние культурно-экономические и языковые контакты абхазов не нашли своего освещения в специальной литературе. Однако, даже по уже имеющимся данным можно говорить об их отражении в заимствовании отдельных лексем “культурного” фонда, предполагающих семитский или древний индоевропейский а также, индоарийский, древнегреческий и несколько позже, по-видимому, древнегерманский источники.

Наиболее реально ощутимыми из хронологически самых ранних пластов заимствований здесь являются индоаризмы и грецизмы, которые могли проникнуть в абхазский язык начиная с VII — IV вв. до н.э. К этому периоду греческие мореплаватели становятся главными посредниками в торговле черноморского региона. В эту эпоху на базе местных приморских поселений возникает целый ряд греческих факторий, что способствовало большему контакту местного населения с экономикой, культурой и языком древней и затем — античной Греции.

Следующим заметным пластом лексических заимствований в абхазском языке являются аланизмы (древние осетинизмы), проникающие сюда вплоть до XIII в., когда вследствие разгрома алан татара-монголами алано-абхазские контакты оказались прерванными.

Наиболее мощными слоями в абхазском словаре представлены заимствования из русского, картвельских и тюркских (большей частью собственно турецкого) языков.

Если контакты абхазов с картвелами продолжались в течение очень длительного времени, то турцизмы стали проникать широкой волной в абхазский язык начиная с середины XVI столетия, т.е. одновременно с началом экспансии Османской империи на Кавказ, и проникали сюда вплоть до конца XIX века. Соответствующее языковое воздействие подкрепляется фактом использования грузинского (в основном XI-XIV вв.) и турецкого (в XVI-XIX вв.) языков в эпиграфике Абхазии. Здесь следует сразу же оговориться, что под картвелизмами и турцизмами в настоящей работе понимаются лексические включения в абхазский, проникшие непосредственно из картвельских (конкретно – грузинского или мегрельского) или турецкого источника. Само собой разумеется, что в конечном счете соответствующие лексемы в целом ряде случаев оказываются иного происхождения, что и специально отмечается по мере необходимости. Однако такой подход необходим для того, чтобы, во-первых, реальная картина исторических контактов абхазского народа не была искажена; во-вторых выявление принципов адаптации, и в первую очередь, фонетической, требуют конкретной атрибуции непосредственного языка источника.

Большую часть турецких заимствований абхазского языка составляют слова арабского и персидского происхождения. Таким образом, собственно турецкий язык в его позднесредневековой разновидности, выступал как посредник, благодаря

которому в абхазский язык проникли заимствования и из других восточных языков. Если исключить отдельные слова, которые могли быть заимствованы абхазами самостоятельно или через посредство каких-либо других языков, то принадлежность заимствований к обоим указанным языкам служит одним из этимологических признаков их проникновения непосредственно из турецкого. При этом важным и необходимым сопутствующим признаком ранних заимствований является их максимальная семантическая и фонетическая близость к соответствующим среднетурецким прототипам (заметим, впрочем, что те фонетические признаки, которые могут служить основой для определения времени и источника заимствований, оказываются не всегда достаточными, поскольку один и тот же признак иногда характеризует как ранние, так и, наоборот, поздние турцизмы).

Картвельский по происхождению пласт абхазского словаря в количественном выражении представлен в диалектах абхазского языка неравномерно.

Если исходить из показаний абазинского лексикона, число древних картвелизмов в абхазском незначительно. Основной их приток, по всей вероятности, приходится на период с XVIII века до середины XX, и, прежде всего, судя по анализу периодической печати, на 30 – 50-е годы XX столетия.

Отдельный пласт образует в абхазском лексика адыгского происхождения, основной состав которой был усвоен в период расцвета феодализма у адыгов, т.е. в XVII-XVIII вв. Хотя, учитывая, что языковые контакты абхазов с абазинами, в силу отсутствия языкового барьера, были более тесными чем с адыгами, многие адыгизмы могли проникнуть в абхазский через посредство абазинского языка. Однако, близость

абхазского и абазинского языков не позволяют вычлениить собственно абазинизмы от адыгизмов.

Самый поздний, и, пожалуй, самый мощный пласт заимствований идет из русского языка.

Самый незначительный фрагмент абхазского словаря составляют аланизмы (старые осетинизмы), а также лексемы, отражающие ранние контакты абхазов.

В настоящей работе предпринимается опыт решения совокупности основных проблем, возникающих при изучении заимствований в абхазском. При опоре на максимум соответствующего фактического материала (хотя и без полной его инвентаризации), мы стремились поставить исследование рассматриваемой проблематики на определенную методическую основу. Поэтому наряду с общей характеристикой выделяемых здесь лексических пластов, в работе устанавливаются тенденции в фонетическом и семантическом преобразовании заимствований с акцентом на решение некоторых теоретических вопросов, без более или менее ясного ответа на которые невозможны исследования подобного плана. Думается, что такой характер работы подготовлен историей соответствующего исследования.

Специально вопросу лексических заимствований в абхазском языке посвящены немногие работы. Можно, однако, считать, что начало изучения данного вопроса связано с именами первых исследователей этого языка. Впервые, еще в 1863 году, А.Шифнер отметил несколько заимствованных лексем).¹ Правда, здесь к заимствованному фонду были причислены и

¹ Schiefner A. Ausführlicher Bericht über Generals Baron Peter von Uslar's. Abchasischen Studien. – Mémoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, t. VI, № 12, 1863, S. 43-63.

исконные – всего около половины предложенных слов. Небольшая часть из предложенных заимствований требовала к тому же уточнения языка-источника. В дальнейшем, как и у А.Шифнера, заимствованная лексика абхазского языка в качестве сопутствующего материала выявляется в ряде работ Н.Я.Марра¹, Н.С.Джанашия², А.М.Дирра³, С.Н.Джанашия⁴. Сюда же следует добавить труд П.Чарая, посвятившего один раздел своей монографии заимствованной лексике абхазского языка⁵.

Во всех перечисленных выше работах авторы не касаются вопросов фонетического оформления и семантики заимствованной лексики в абхазском языке. Некоторые рассуждения о таких преобразованиях, с показом конечного результата на материале абхазских картвелизмов, находим лишь у П.Чарая. Впрочем, они оказываются не всегда верными. Последняя работа отличается от предыдущих

---

¹ Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ, V, Спб., 1912, сс.6,23,30,31,33.

² Джанашия Н.С. Абхазский культ и быт. Христианский восток. IV, вып. 3, Спб., 1917, сс. 11, 25, 28, 33, 35, 44, 48, 52, 54, 57, 59, 60, 61, 64, 65, 70, 71, 79, 80, 83-85, 87-89, 93, 94, 104, 107, 109.

³ Дирр А.М. Материалы к изучению языка и быта абхазцев. – СМОМПК, вып. XI, отд. 4. Тифлис, 1915, сс. 11-19.

⁴ Джанашия С.Н. О форме названия верховного абхазского бога. – Труды, т. III. – Тбилиси., 1959, с. 212, 219, 220

⁵ Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. – МЯЯ, т. IV, Спб., 1912, сс.9-16, 35,41,45,49.

наличием большого количества фактического материала, чем она не потеряла своей ценности и по сегоднешний день.

Первым исследователем, предложившим фонетическое обоснование заимствованного характера ряда абхазских слов, следует назвать А.Н.Генко. В работах «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта», «Абхазский вокализм», и «Фонетические взаимоотношения абазинского и абхазского языков»¹ автор на основе изучения вокализма абазинского и абхазского языков, а также способов передачи в названных языках адыгских латеральных согласных, предложил целый ряд убедительных соположений абхазского и абазинского материалов с картвельскими, тюркскими и адыгским. Автором были использованы материалы Н.Марра из его «Абхазско-русского словаря»². В дальнейшем несколько заимствованных основ были выявлены в публикациях А.Дирра «Язык убыхов»³ и К.Боуда «Абазин-

---

¹ Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. – М., 1955, с.38-87; Он же. Абхазский вокализм. – Известия АН СССР, VII серия, отд. гуман. Наук. №1, Л., 1928. С.48-51. Он же; Фонетические взаимоотношения абазинского и абхазского языков. – Труды АБНИИ, т. 29, Сухуми. 1957. С.191-192.

² Марр Н.Я. Абхазско-русский словарь: Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Л., 1926.

³ Dirr A. Die Sprache der Ubychen. Sondendruck aus Caucasica, fasc. 4 und 5. Leipzig. 1928.

ский – неизвестный диалект абхазского языка»¹. Нетрудно увидеть, что интенсивная разработка абазинского языка сослужила хорошую службу делу выявления заимствованных лексем в абхазском языке.

Здесь, наряду с трудами А.Н.Генко, следует упомянуть работы Г.П.Сердюченко «Словарные расхождения в диалектах абазинского языка (с параллелями из абхазского)» и «Язык абазин».² На основе сопоставления лексики диалектов абазинского и абхазского языков, автором был предложен ряд новых слов, предполагающих иноязычный источник.

Отдельные интересные в рассматриваемом отношении наблюдения отмечаются в работах С.А.Амичба³ и

---

¹ Bouda K. Das abasinische, ein unbekannte abchasische Mundart. – Zeitschrift der Deutschen Morgenlndischen Gesellschaft. Bd. 94, H.2 (Neue Folge, Bd. 19)/ Berlin-Leipzig, 1940

² Сердюченко Г.П. Словарные расхождения в диалектах абазинского языка (с параллелями из абхазского). ЯСКД, т. II, М.-Л., 1949, сс. 6, 7, 17, 20, 21, 23, 24, 30, 31, 33, 34, 38.

³ Амичба С.А. Лексика тапантского диалекта по сравнению с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов абхазского языка. Автореферат канд. дисс. ... Тбилиси., 1969; Она же. Названия частей человеческого тела в абхазско-абазинских диалектах. // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967, с. 147-155; Она же. Названия животных в тапантском диалекте по сравнению с абхазскими диалектами. // Сборник статей преподавателей и аспирантов СГПИ. Сухуми., 1970, с. 189-196.

В.Х.Конджария¹, посвященных сопоставительному анализу лексики диалектов абазинского и абхазского. Много интересного, в этом плане мы находим в работах К.В.Ломтатидзе, где продолжена линия по обоснованию заимствованного характера на основе фонетики². Отдельные лексемы турецкого и картвельского

---

¹ Конджария В.Х. Некоторые вопросы правописания заимствований в абхазском языке. – «Алашара», №10, Сухуми, 1977 (на абх.яз.); Она же. К вопросу об иноязычных основах в абхазо-абазинских диалектах.– Известия, №1, Сухуми, 1972 (на абх. яз.); Она же. Из истории развития абхазского литературного языка (дореволюционный период). Сухуми, «Алашара», 1984; Она же. Ашхарский диалект и его лексика по сравнению с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов абхазского языка. \\\ Ежегодник ИКЯ. I, 1974, с. 255-266; Она же. Лексический состав ашхарского диалекта. \\\ Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967, с. 131-146, и др.

² Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. С абхазскими и абазинскими текстами. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), с. 17, 27-28, 47, 48, 51, 52, 59, 60, 63, 64, 83, 113, 140, 149, 150, 158, 159, 169, 170, 191, 192, 222, 235-237, 245, 249, 312-315, 317-332, 334-338; Она же. Тапанский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944 (на груз. яз., с резюме на русск. яз.); Она же. О древних названиях месяцев в абхазском и абазинском языках. Ежегодник ИКЯ, т.II, Тбилиси, 1975, с.40-46; Она же. Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазского языка. XXV. Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации

происхождения, относящиеся к учебно-педагогической и литературной терминологии абхазского языка, затронуты в публикациях З.П.Костиковой.¹ Некоторые материалы подобного плана выявлены и в работах Н.Б.Экба².

Выявление основной совокупности абхазских аланизмов (старых осетинизмов является заслугой В.И.Абаева³. Наряду с аланизмами в «Историко-

---

СССР. М., 1960; Она же. Die Spiranten f und f'° in Lehnwörter der abchasisch-adyghischen Sprachen. // Sprache in Geschichte und Gegenwart. Jena, 1980, s. 165-172.

¹ Костикова З.П. Источники образования учебно-педагогической терминологии абхазского литературного языка. // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967; с. 174-180; Она же. Развитие терминологии абхазского литературного языка в советскую эпоху. Преимущественно на материале учебно-педагогической терминологии. Автореф. канд.дисс... М., Наука, 1974, с.10, 12, 13, 14, 17, 22.; Она же. Роль иноязычного влияния на формирование и развитие учебно-педагогической терминологии абхазского языка: Научная сессия, посвященная 10-летию Кафедры абхазского языка и литературы: Тезисы докладов. Сухуми, «Алашара», 1967, с.20-22. и др.

² Экба Н.Б. Заимствования в лексике учащихся школ народов абхазо-адыгской группы.— Русский язык в национальной школе. М., 1975; Он же. Лингвистические основы изучения русского языка в школах народов абхазо-адыгской групп. Черкесск, 1975.

³ В.И.Абаев Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.-Л., 1949, с.312-316. Он же. Историко-этимологический словарь осе-

этимологическом словаре осетинского языка» автор отмечает большое количество других абхазских лексем заимствованного характера. Правда, данные основы нередко отмечаются без указания на языки-источники. Как правило, это основы восточного происхождения.

В недавно вышедшей статье В.М.Бганба «Межабхазо-осетинские (аланские) лексические взаимодействия»¹ автор приводит около тридцати соположений, правда, большинство из которых требует дополнительного обоснования.

Вопросам внутригрупповых заимствований в западнокавказских языках посвящены работы Г.А.Климова и А.К.Шагирова. Первым на основе этимологического анализа установлен ряд достоверных адыгизмов абхазского языка.² С именем А.К.Шагирова³ связано об-

---

тинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; т. II. М.-Л., 1973; т. III. М.-Л., 1979; т. IV. М.-Л., 1989.

¹ Бганба В.М. Межабхазо-осетинские (аланские) лексические взаимодействия. // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Материалы международной конференции, посв. 100-летию со дня рождения доктора филол. наук К.С. Шакрыл (28-30 мая 1999 г., Сухум). Сухум, 2000, с. 49-62.

² Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). «Этимология 1966». М., 1969, с. 289-295.

³ Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I. А-Н; Т. II. П-Я. М. Наука, 1977. Он же. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., «Наука», 1989.

наружение основного числа адыгизмов абхазского языка и большого числа иных заимствований. Особой заслугой А.К.Шагирова перед западнокавказским языкознанием является создание «Этимологического словаря адыгских (черкесских) языков», в котором нашли свое концентрированное выражение в большинстве своем достоверно определяемые заимствования как в адыгских, так и в убыхском, абазинском и абхазском языках. В этом труде, как и в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В.И.Абаева, отмечается первоисточник без указания на непосредственный язык, послуживший для абхазского языка источником заимствования. Но в более поздней монографии «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков» автор отмечает и непосредственный язык-источник для того или иного языка. На сегодняшний день данная монография является единственной, где в наиболее полной форме представлены как внешние, так и внутригрупповые заимствования.

Отдельные абхазские лексемы картвельского происхождения приводятся также в работах М.М.Циколия¹ и Г.И.Мачавариани².

---

¹ Циколия М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969 (на груз. яз. Резюме на русск. яз.).

² Мачавариани Г.И. К вопросу о субстрате в западно-картвельском (занско-сванском) лингвистическом ареале.— Ежегодник ИКЯ. Т. XV, Тбилиси, 1966, с.165-168 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

В своем фундаментальном исследовании бзыбского диалекта абхазского языка Х.С.Бгажба отметил целый ряд диалектных заимствований, в том числе, — впервые в ономастике абхазов¹. Этот же автор специальную статью посвятил русским лексическим заимствованиям досоветской эпохи².

Отдельные указания на материал, усвоенный из русского и картвельских языков, можно найти в грамматиках абхазского языка³ и в работе Н.В.Аршба⁴.

Выявлению ряда лексических заимствований абхазское языкознание обязано А.И.Абдокову⁵.

---

¹ Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследования и тексты. Тбилиси, 1964. с. 102, 105, 106, 111, 112, 118, 138, 139, 203-209, 213, 215, 216, 218-222, 224, 225, 228, 229.

² Бгажба Х.С. Абхазские лексические заимствования из русского языка. — Известия АБИЯЛИ, III, Тбилиси, 1974, с.66-74.

³ Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П. Абхазский язык. (Фонетика и морфология). Курс лекций с использованием лекций проф. К.В.Ломтатидзе. Сухуми, 1966, (на абх. яз.). с.15, 17. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Сухуми: Алашара, 1968, с.15, 19, 22, 24, 52.

⁴ Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. — Тбилиси, 1979, с. 8-9.

⁵ Абдоков А.И. Внутригрупповые заимствования в абхазско-адыгских языках. — V региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Проблемы языковых контактов на Кавказе). Тезисы докладов: — Орджоникидзе. 1973, С.1.

Лексике турецкого происхождения Г.З.Шакирбай посвятил, специальную статью с большим практическим материалом¹. Подобного же плана, видимо, предполагалась и работа М.А.Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа». Однако, отнесение основного состава турцизмов абхазо-адыгских языков к карачаевскому и балкарскому, а также несколько вольное обращение с исконным фондом западнокавказских языков принизили значимость работы².

Вопросы заимствования находят свое выражение в главах ряда работ по абхазской лексикологии. В монографии, посвященной животноводческой (пастушеской) лексике, В.Е.Кварчия, наряду с этимологиями непрозрачных лексем исконного происхождения, констатирует и заимствованные слова из картвельских, адыгских и восточных языков. Сюда включены и отдельные лексемы, проникшие в абхазский еще в древнейшую эпоху³.

---

¹ Шакирбай Г.З. О турецких лексических заимствованиях в абхазском языке // Известия АБИЯЛИ, т. II, Тбилиси, 1973, с.80-96.

² Хабичев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980, с. 13-108, 117-120, 123-127, 139, 140, 143.

³ Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, 1981, с.79-130.

Аналогичного плана работа, но посвященная морским терминам, проделана О.П.Дзидзария в его монографии «Термины мореходства у абхазов»¹.

Э.К.Килба, посвятившая свою монографию языку батумских абхазов, отметила характерные для него заимствования из грузинского и турецкого языков, среди которых лексемы, отсутствующие в других диалектах абхазского языка².

Проблематика неисконного лексического материала рассматривается и в монографиях В.Х.Конджария. «Очерки по абхазо-абазинской лексике», «Из истории развития абхазского литературного языка (дореволюционный период)»³. «Здесь, наряду с другими вопросами, автором разрабатываются и общетеоретические вопросы заимствования. В последней работе автором приводится экстралингвистическое и внутрилингвистическое обоснование соответствующих заимствований в абхазский язык в указанный период.

---

¹ Дзидзария О.П. Термины мореходства у абхазов. Сухуми: Алашара, 1989.

² Килба Э.К. Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983, с. 30, 31, 66, 69-75, 78, 82, 84-86.

³ Конджария В.Х. Очерки по абхазо-абазинской лексике. Тбилиси: Мецниереба, 1976, с.69-80. Она же. Из истории развития абхазского литературного языка (дореволюционный период). Сухуми: Алашара, 1984, с. 27, 35-37, 45, 57, 58.

Разрабатывающая вопросы заимствования в абазинском языке С.Х.Ионова, отмечает и для абхазского ряд иноязычных основ¹, хотя, новых лексических сопоставлений автор не предлагает. Ее публикации, как и работы Н.Т.Мальбаховой², представляют определенный интерес для разработки фонетики передачи адыгизмов в абхазском языке.

Немало ценного материала по еще слабо разработанным в абхазоведении вопросам конкретных древних заимствований в абхазском языке можно найти и в других работах Г.А.Климова³, А.К.Шагирова¹, а так-

---

¹ Ионова С.Х. Кабардино-черкесские лексические заимствования в абазинском языке. — В кн.: Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с. 26-40; Она же. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке. — В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с.29-42; Она же. К характеристике общей заимствованной лексики абазинского и кабардино-черкесского языков. — В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с.61-74.

² Мальбахова Н.Т. О фонетических заимствованиях в абазинском языке. — В кн.: Родной и русский язык в школах Северного Кавказа, вып.2, АПН РСФСР, М., 1961, с.34-42.

³ Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Наука, 1964; Он же. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Ленинград: Наука, 1971; Он же. К этимологии абхазо-абазинского гды\гди «безрогий». — В кн.: Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с.15-17. и др.

же в работах В.А.Чирикба². Последний автор продолжил линию по обоснованию заимствованного характера лексем на основе фонетики с разработкой вопросов фонетики западнокавказских языков в целом³.

Этой же проблеме древних заимствований в западнокавказских языках посвятил свою статью и Т.Х.Кремшоколов⁴. Однако каких-либо убедительных сопоставлений автором не предложено.

Отдельные абхазские лексемы неисконного характера отмечаются и в работах других зарубежных авторов – Ж.Дюмезиля, А.Койперса и т.д.

При кажущейся многочисленности работ, затрагивающих те или иные вопросы заимствованной лексики абхазского языка, в действительности приходится подчеркнуть наличие небольшого числа публика-

---

¹ Шагиров А.К., Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских (протоиндийских) лексических заимствований в северокавказских языках. – ВЯ. Москва, 1985, №1.

² Чирикба В.А. Общекавказское *lag* \ *leg* (раб. мужчина). – Мацне, №2, серия языка и литературы. Тбилиси, 1980, с.138-141; Он же. К германо-западнокавказским лексическим параллелям. \ Известия т. XVI (серия филологическая) Тбилиси, 1988, с. 121-128.

³ Chirikba V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its phonological System and Parts of its Lexicon and Morfology. – Leiden: Research School CNWS. 1996.

⁴ Кремшоколов Т.Х. Древнейшие абхазо-адыгские лексические параллели. Сборник научных работ аспирантов КБГУ. Вып.III, ч. 2. Нальчик, 1971, с.99-105.

ций, разрабатывающих данную проблематику сколько-нибудь специальным образом. Часть из них (см. вышеотмеченные работы З.П.Костиковой, В.Х.Конджария и Н.Б.Экба) касаются, собственно, лишь употребления и орфографического оформления рассматриваемых лексем. В целом же, не будет преувеличением сказать, что они характеризуются совершенно очевидным практическим аспектом анализа материала и не ставят для нашей темы вопросов определения критериев заимствований, их хронологии, а также принципов их адаптации в рамках лексической системы абхазского языка.

Ввиду сказанного, наиболее интересными нам представляются небольшая статья голландского кавказоведа В.Лукассена «Loans in Abkhaz»¹ и посмертно опубликованная работа Г.Шмидта «Abchasische Lehnwortstudien»². Автор первой из них на основе турцизмов, картвелизмов и русизмов, прослеживает некоторые основные закономерности фонетической адаптации заимствований в абхазском языке и приходит к выводу о том, что эти закономерности проливают свет на особенности фонологической структуры абхазского слова вообще. Вместе с тем, он справедливо отмечает, что более

---

¹ Lucassen W. Loans in Abkhaz.— In: Studies in Slavic and general linguistics. Vol. I. Amsterdam, 1980, p.253-263.

² Schmidt G. Abchasische Lehnwortstudien. — Studia Orientalia, XIV, 4. Helsinki, 1950, 27 s.

широкий охват лексического материала позволит сформулировать соответствующие правила более строгим образом. Как явствует из послесловия издателя, работа Г.Шмидта является, лишь частью задуманного автором труда, посвященного анализу неисконного лексического фонда абхазского языка. Она является своего рода критическим рассмотрением некоторых соображений, выдвинутых предшествующими авторами. На основе этимологического анализа небольшого круга лексем Г. Шмидт ограничивает действительно заимствованные слова от слов, ранее ошибочно признававшихся неисконными. Едва ли не впервые в абхазском языкознании автор попытался преодолеть господство фактологии и интуиции исследователей, характеризовавшие решение вопросов заимствования.

Среди неопубликованного наследия Г. Шмидта, хранящегося в рукописном фонде библиотеки Хельсинского университета, имеется всего 9000 единиц хранения записей абхазского материала (часть его записана на обеих сторонах листов). Здесь хранятся заметки автора по этимологии (шифр Е-3) и списки заимствованных лексем (шифр Е-4). Здесь же сохранились также абхазские материалы другого автора с широким лингвистическим кругозором – профессора Юрьевского (Тартуского) университета Л.К.Мазинга¹.

---

¹ См. Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: 1979.

К сожалению, все эти материалы оказались для нас недоступными.

Завершая вводный раздел, нам остается подчеркнуть, что литература, так или иначе затрагивающая рассматриваемую в работе проблему, в целом характеризуется довольно очевидным фактологическим уклоном и почти не ставит важных для ее успешного решения вопросов методического порядка. Нетрудно увидеть, что именно неразработанность этих вопросов отрицательно сказывается на достоверности значительного числа предлагаемых сближений.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Географическое положение народов Кавказа, постоянно являвшиеся связующим звеном между Азией и Европой, сыграло значительную роль в судьбах этих народов и их языков. Однако, вытекающая из этого проблематика древнейших заимствований в кавказских языках, по сей день остается практически неразработанным направлением кавказоведческих исследований. Не приходится поэтому удивляться тому, что наряду с некоторыми, как правило, соотносимыми с определенной эпохой заимствованиями, источники и экстралингвистический фон которых представляется более или менее определенным, сюда включаются также совокупность предположительно неисконных лексем, неспособные к настоящему времени получить сколько-нибудь убедительного историко-этимологического комментария. В этой главе предметом рассмотрения служат, таким образом, две различные группы лексем, одна из которых допускает сопоставление с материалом конкретного языка-источника, а другая — в лучшем случае — может быть охарактеризована лишь в качестве так называемых миграционных терминов или «бродячих слов» (некоторые из числа последних, по-видимому, допускают их трактовку в качестве звуко-символического материала и, следовательно, самостоятельное происхождение на почве кавказских языков). Первая категория слов рассматривается ниже с соблюдением вероятности для них хронологической перспективы.

Если начать с возможных «доисторических» заимствований в абхазском языке, то в первую очередь, здесь можно будет указать на два лексических параллелизма между абхазским и общеиндоевропейским. (Автор отдает себе отчет в том, что достоверность подобных сопоставлений между языками, разделенными если не большим

пространственным разрывом, то огромным временным — весьма проблематична). С одной стороны, это параллелизм абх.-абаз. асаба «пыль», с и.е. **(bh)sabh* «песок»¹. Абхазское слово известно также и в адыгских языках. Ср. адыгейск. *сапэ*, каб-черк. *сабэ*. Думается, что сопоставления с индоевропейским материалом заслуживает внимание и в том случае, если признать это слово достоянием еще общеабхазоадыгского состояния. С другой стороны, можно предположить сопоставление абх. *а-лыу* «жернов», также отмечаемый и в абазинском языке, с и.-е. **laui* «камень», где можно было бы допустить для абхазского развитие значения «зернотерка>жернов» (жернов, как известно, изобретен был значительно позже).

В данном контексте, можно было бы упомянуть и абх. *агды* (//абаз. *гди* «комолый, безрогий» которое сопоставлено Г.А.Климовым с известным культурным термином, объединяющим индоевропейские и семитские языки. Ср.: и.-е. **ghaid* «козленок» (при лат. *haedus* «козленок, коза») и семитское *gadju* «козленок» (при аккад. *gadu* «козленок»). Автор, однако подчеркивает, что поскольку приведенная «индоевропейская проформа характеризуется аномальной фонологической структурой корня, в то время как соответствующие семитские образования сведены к афразийскому архетипу, индоевропейское слово естественно рассматривать в качестве древнейшего заимствования из какого-то семитского источника, локализовавшегося в пределах Передней Азии»². С этой мыслью, согласуется и тот факт, что и абх. *агды* особенно близко стоит к аккадской форме

---

¹ Джаукян Г.В. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, АН Арм. ССР, 1976, с. 105

² Климов Г.А. К этимологии абхазско-абазинского —гды //гди «безрогий». // Вопросы языковых контактов (северо-кавказский ареал). Черкесск, 1982, с. 16.

слова и могло быть получено по утрате гласного его первого слога. Подобная редукция безударного гласного в середине слова явление характерное для абхазско-абазинских диалектов. Если этот пример корректен, то он может служить подтверждением известной точки зрения о позднем происхождении абхазского лабиализованного *дә* из комплекса *ду*.¹ В последней связи можно напомнить точку зрения Г.Деетерса, остающуюся, впрочем, у самого автора без практического подтверждения, согласно которой древнейшие культурные заимствования в лексике кавказских языков имеют «шумеро-аккадское происхождение».²

Среди других индоевропеизмов можно назвать также

*и.-е. *u(e)loino-* «вино» — абх. *ауы* «вино»; древний индоевропейский диалектный термин **ag^[H]no-* «ягненок, овечка» (ср. греч. *ἄμνος* «ягненок», лат. *agnus* то же, ст.-сл. *агнѣ* то же, семит. *ʾigl* «молодое животное»; аккад. *agalu* «осел» — абх. абж. *а-гыңыс* «годовалый поросенок»). Как известно, у кашков и абешла, во времена проживания их в Передней Азии, было широко развито свиноводство.

И.-е. *mat^[H] - mot^[H]* — «червь» — абх. *а-мат* «змея»³; и.-е. (диалектное) *eliso *|| aliso* «альха» (лат. *alnus*; гот **alisa* «ольха» — абх. *ал* «ольха»;

и.-е. **orb^[H]o-* «обездоленный, лишенный, лишенный имущества» (лат. *orbis* «сирота», арм. *orb, картв.

¹ См. Ломтатидзе К.В. Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазского языка. XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР. М., 1960.

² Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. — Handbuch der Orientalistik, VII. Bd.I. Abteilung, Leiden\Köln, 1963, s.33.

³ Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. 1. (исконный фонд). // Этимология, 1965. Москва, 1967. С. 302.

*oḥoḥ «сирота» — абх. *áiба* < *аибá «сирота». По акцентному рисунку, картвельский источник для абхазского исключается.

Сюда же, возможно, следует отнести и абхазское *а-мза* «луна», при и.-е. *

(ср. др.-инд. *māsa* «месяц, луна», арм. *amis*, греч. *μείς*, ст.-сл. *мѣсеци* то же;

Ср. так же и.-е. *mekʰH* «большой» — абх. *а-маká* «крупный рогатый скот, старый (о животном)».

Что же касается и.-е. *pāus* «судно» (греч. *ναῦς*, греч. гом. *νηῦς*, лат. *pāuis* «судно», груз. *нушы*, *нушьа*, мегр. *нишы*, *нешы* «лодка») — абх. *аны́шьа* «лодка», то мы не исключаем для абхазского мегрельский источник.

Интересными, но требующим дополнительного обоснования соположеньями представляются:

и.-е. *meH-s «луна» (др.-инд. *māsa-* «месяц, луна», арм. *amis*, греч. ион. *μείς*, ст.-сл. *měsēcī* то же — абх. *а-мза* «луна»;

и.-е. *mekʰH-* «большой» — абх. *а-маká* «крупный рогатый скот; старый (о животном)».

Как указывалось выше, вопросы древних, а тем более «доисторических» заимствований в абхазском, все еще остаются, если не «белым пятном» в отечественной лингвистике то, по крайней мере, неподнятой целиной. Сопоставления между материалами, разделенными огромным временным пространством, при современной разработанности абхазско-адыгских языков представляют собой довольно сложную проблему. Тем не менее, несколько определенными рисуются возможные абхазские заимствования из какого-то древнего индоарийского источника, получившие отражения в литературе.

Впервые абхазский материал сопоставил с индоарийским еще в 1887 г. П.К.Услар.¹ Гипотеза о связях индоарийцев с кавказскими народами, поднятая в 1902 году А.Погодиным² более активно стала разрабатываться после появления работ О.Н.Трубачева.³ Данная тематика была продолжена кавказоведами⁴.

В вопросах древнейших заимствований переплетаются проблемы как собственно лингвистические, так и экстралингвистические. В первую очередь, это проблемы этногенеза.

Нельзя сказать, что проблеме этногенеза племен Кавказа уделялось недостаточно внимания. Однако этот узел все еще далек от своего удовлетворительного разрешения. Немалых успехов добились в этой области лингвисты. Сами племенные названия, при их грамотной идентификации являются носителями значительной информации. В этом плане, обращает на себя внимание, работа отечественного лингвиста В.М.Бганба⁵, су-

---

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с.132.

² Погодин А. К вопросу о влиянии индо-европейских языков на кавказские. // СМОПК. 1902. Вып. 31, отд.IV; Он же. Indoarica. в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М. Наука, 1999.

³ Трубачев О.Н. О синдах и их языке. // ВЯ, М., 1976, №4; Он же «Indoarica» // Этимология. 1981. М., 1983.

⁴ Джонуа Б.Г. Климов Г.А. К индоаризмам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т.44, №2. Шагиров А.К., Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских (праиндийских) лексических заимствований в северокавказских языках. // ВЯ, 1985. №1.

⁵ Бганба В.М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов. // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Вып. 1. Сухум, Алашара. 2000.с.46-79.

меншего на основе системного анализа племенных названий Западного Кавказа довольно убедительно выделить абхазо-адыгский этноформант, что стало значительным вкладом в проблему этногенеза Кавказа.

Все абхазо-абазинские племенные названия (абешла, апсилы, саниги, мисимиане, абаза, апсуа) имеют фонетические варианты одного и того же корня *ш, с, с', з*. Им предшествует фонетические варианты классного показателя (*б, п, м*). (Данные звуки и в современном абхазском языке легко взаимозаменяются.)

Сам факт наличия в первом веке до н.э. комплекса согласных *пс* (*пс*) может указывать на развитие силового ударения в данном диалекте, который, происходил благодаря редукции гласного звука по модели *пас>пыс>пс*. В этнониме *мисимиане*, первая гласная (*и*) возможно и есть первая ступень редукции, т.е., абхазская гласная *ы*, которая в силу отсутствия в греческом данного звука, была выражена через гласную *-и*.

Этнонимы могут нести и другую информацию. Широкое расхождение форм этнонимов может свидетельствовать об отсутствии их консолидации, и значительном расхождении диалектов. Судя по имеющимся формам, расхождения пошли значительно дальше, чем современные диалекты абхазского языка. Данные расхождения могли коснуться не только лексики – наиболее подвижной части языка, но и фонетики и морфологии, о чем свидетельствуют как фонетические формы этнонимов, так и этноформанты. Данный тезис подтверждает и топонимика Абхазии. Отдельные области республики имеют характерные только для данной территории топоформанты. Так гидронимы на *псы* локализуются от Сухума на запад (*Хақыпсы, Гэымпсы, Оыпсы* и пр.). От Гульрипшского района и на запад характерен топообразующий элемент *-рыпшь* (*Гэылрыпшь, Дэрыпшь, Цандрыпшь, Гьачрыпшь* и пр.). Элемент *-рхәа* (*Блабырхәа, Кәланьрхәа, Мгәызырхәа* и пр.) характерен для бзыб-

ской Абхазии, преимущественно в зоне калдахуарского говора, лишь два топонима отмечаются в долине р. Кодор. Для бзыбской Абхазии характерен и ареал топонимов на *-зха*, последний выступает со значением «родник; источник» (*Псырзха, Бгарзха, Шамырзха, Мчыизха*).

В свою очередь, в абжуйской Абхазии, от бассейна реки Кодор и на восток распространен топообразующий суффикс *-ал* (*Дал, Цабал, Ткэарчал, Гал* и пр.).¹

Сближение же диалектов стало возможно при экономической и политической консолидации племен, по крайней мере, общий термин *Апсны* "Абхазия", уже был известен, судя по "Ашхарцуйцу"² в V в., что стало основой образования Абхазского царства в VIII в.

Зная этническую принадлежность тех или иных племен, значительно легче выявлять и обосновывать их контакты и результаты этих контактов, — культурные заимствования.

Как отмечалось выше, еще в 1862 году первое сопоставление абхазского с индоарийским было предложено П.К.Усларом. Говоря об абх. *аиха* «металл; топор; железо», он отмечал, что «это слово представляет родство с древним индоевропейским корнем для названия железа».³ При этом имелось в виду, в первую очередь, наиболее близко к нему стоящее др.-инд. *ауа-һ* руда; металл; медь; бронза; железо». Предполагаемая связь слов согласуется с известным экстралингвистическим фактом распространения железа на Северо-Западном Кавказе в период VII-VI вв. до н.э.

---

¹ Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка... с.252-269; См. также. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 378-379; См. также Бганба В.М.

² См. Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по "Ашхарцуйцу" (сравнительный анализ). Сухум, 2000.

³ Услар П.К.Этнография Кавказа ... с.132.

Известно, что при заимствовании какого-либо понятия или предмета чаще всего заимствуется и его наименование. Для абхазов первооткрывателями железа были индоарийцы.

Не менее интересным следует признать и другое заимствование **а-з'(а)*- «коза», вычленяемая из абх. *а-з'а-р* «козлята», (где *-р* – суффикс со значением собирательности), *а-з'ы-с'* «козлята» (где *с'* – словообразовательный суффикс, обозначающий детеныша животного или птицы)¹. Это слово, имеющее адыгские соответствия (адыгейск. *ачъа* каб.-черк. *ажэ<аджэ*, увязывается в первую очередь с др.-инд. *аја-һ* «козел»²

Абх. *а-разны* // *аразны* «серебро», как известно, увязывается в специальной литературе с адыгейск. *тыжьыны*, каб.-черк. *дыжьын* и убых. *дышэаны* той же семантики. Ранее в начале слов здесь усматривали окаменелый классный показатель. Затем было установлено, что слово непосредственно сближается с др.-инд. *arjuna* «белый, светлый», имеющий надежную индоевропейскую этимологию (ср. и.-е. **arǵ-* «белый, светлый» с распространителем *-n*).³ В приведенных индизмах абхазско-адыгских языков отмечаются соотношения абхазского свистяще-шипящего *-з'* с адыгским шипящим *ж*, а в последнем случае также соответствие абх. *-р* – адыг *-т//д*, наблюдаемые и в исконном материале, что должно указывать на древность их заимствования.⁴ В

---

¹ Джонуа Б.Г. Климов Г.А. К индоаризмам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные) \\\ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т.44, №2, с.155.

² Адыгские формы с древнеиндийским сопоставил Ж.Дюмезиль *Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques* \\\ *Annali dell'Institut Orientale di Napoli. Sez. linguist.* 1963. Vol.5. p.17.

³ Lafon R. 'Le nom de l' "argent" dans les langues caucasiques \\\ *Rev. Hittite et Asianique.* 1933. II, fasc. 10. 11, p.95.

⁴ Джонуа Б.Г. Климов Г.А. К индоаризмам в языках... с.156

абхазских лексемах при этом предполагается переразложение исходных основ в силу характерной и для других абхазских заимствований реинтерпретации корневого *a-* в префикс общности.

Следующий параллелизм с древнеиндийским образует абх. *a-kaṭa* "сеть, в частности — рыболовная" абаз. *kaṭa* "сеть; накидка невесты на свадьбе" (последнее значение развилось на базе основного в виду мелкой ячеистости материала накидки). Древнейшим аналогом слова является *kāta-h* «плетенка, циновка»¹, также имеющим достоверную индоевропейскую этимологию.

Следующее сопоставление абх. *a-uasa*, абаз. *uasa* "овца" (ср. адыг. *uasə* "цена"), зависящее от индоиранского **uas(n)a-h*² «цена» и характеризующаяся преодолением нетипичного для абхазо-адыгских языков комплекса *-sn*. Здесь, однако, вызывает вопросы наличие в абхазском слова *a-syis* «ягненок» (последнее *-s* — элемент прибавляемый к наименованиям детенышей животных (мн. число *a-sar*). Наличие общего корня *-sa/ы*, дает основание видеть здесь исконный материал. Начальное *-ua* в *a-uasa*, видимо, окаменелый классный показатель.

Сюда же, по-видимому, можно отнести абх. *æy*, абаз. *ey* «лошадь» (ср. адыг. *шы*, убых. *чы* то же) восходящая, по мнению венгерского ираниста Я. Харматта к протоиндийскому или протоиранскому **asua* «лошадь».³ Кажется неслучайным, что эта основа распро-

---

¹ Дзидзария О.П. Морская лексика в абхазском языке: Авторефер. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984, с.13-14. См. также Шагиров А.К., Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских (праиндийских) лексических заимствований в северокавказских языках. // ВЯ, 1985. №1.

² Шагиров А.К. ЭСАЯ № 1274

³ Harmatta J. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2-nd Millenium B.C. (Linguistic Evidence) // Этнические

странена и в нахско-дагестанских языках, что отмечалось А.Шифнером и позднее – В.Георгиевым.¹ В абхазском отмечается и корень *чыу* // *чоу* «клич для понукания лошади»

Следующее сопоставление – абх. *аса* «меч», адыг. *сэ* «нож» – ср. др.инд. *asi* «меч».

Абх. *айыра* «травяной покров южных склонов гор», ср. др.-инд. *ájra* «пастбище». Данное соположение и целый ряд других носят более проблематичный характер. Например, изолированно стоящее абхазское *акыҭа*, абаз. *кыт* «село, деревня», сопоставимое с др.-инд. *kuta-h* «укрепление, крепость.» Здесь неясным остается отсутствие лабиализации у согласного *к*. В семантическом плане особых затруднений нет, учитывая, что каждый населенный пункт в древности всегда представлял собой укрепление. Еще несколько древних заимствований в настоящее время не представляется возможным точно атрибутировать индийским источником. Мы квалифицируем их условно, в качестве индоиранизмов.

Среди этой категории лексем можно назвать, например абх.-абаз. *шə(ы)* «сто» (ср. адыг. *шъэ* то же). А. Койперс предполагает, что оно заимствовано из какого-то индоевропейского источника сатемного типа,² которым, скорее всего, мог быть индоиранский.³ Однако,

---

проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.) М., 1981. С.79-80.

¹ Георгиев В. Исследования по сравнительному историческому языкознанию. М., 1958, с.151,245; Schiefner A. Ausführlicher Bericht über der General Baron von Uslar's. Abchasische Studien. – Memoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, t. VI. #12, 1863, s.14.

² Kuipers A.N. Phoneme and Morpheme in Kabardian 's-Gravenhage, 1960, p.100.

³ Джонуа Б.Г. Климов Г.А. К индоиранизмам в языках...с.156

прямое сопоставление слова с др.-инд. *śala-m* «сто», предлагаемое Ш.Муфти¹, неприемлемо.

Абхазское *агшәма*, абазинское *пшәма* адыгское *бысым* «хозяин» ранее относимое к осетинизмам (ср. осет. *фысым* // *фусун* «хозяин») по А.К.Шагирову может идти из древнеиндийского *paśumant*².

Абх. *акаркаламышә* «ящерица» близка по своему облику к древнеиндийскому (ср. др.-инд. *kṛkalāśa* «ящерица; хамелен»), со вставкой в абхазском сонорного *м* и неясной лабиализацией в конце основы.

Абх. слово *амарцә* используется как клич предостережения, и побуждения. Аналогичные основы с разной семантикой широко распространены в кавказских языках (адыгейск. *маржэ*, каб. *мардж* призыв, клич, убых. *маджь*, *йэмаджь* «о, боже мой!; увы!» осет. *амарджæ*, *йамарджæ* «поощрительный возглас», груз. *марцъ* «побеждать». Здесь мы так же допускаем возможность заимствования из индоарийского. (Ср. *māṛjana* «очищение; уничтожение». Здесь, по всей вероятности, мы имеем заимствование от боевого клича, идущего от данного слова (ср. также основу *māri* «убить»)).³

---

¹ Mufti Habžoq Sch. Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen. Einleitung und Lautlehre. Heidelberg, 1978, s.33.

² Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М. Наука, 1989, с.157.

³ Шагиров А.К. допускает заимствование из арабского источника (ср. араб. *marjī* «авторитет к которому обращаются», См. Этимологический словарь... Т.1. № 869. Бганба В.М. считает, что к абхазской основе имеет непосредственное отношение осетинского *margæ* с тем же значением, и сарматский боевой клич *marha*. Бганба В.М. О некоторых межабхазо-осетинских (аланских) лексических взаимозаимствованиях. — Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики. Материалы межд. науч. конф.

Абхазская основа *аныха* близка к осетинскому *ны-хас / ныхас / ныхæс* "речь; собрание мужчин аула для беседы; место, где обычно собираются мужчины для беседы". Из осетинского данная основа попала в адыгские (*хасэ* "совет, совещание"), балкарский, (*ныгъыш* "место в ауле, где старики собираются на совет"), грузинский (*нахшьоба* "разговор, беседа"). Осетинская основа восходит к **ни-кāса-*, "являться; сиять. смотреть" др.-инд. *kas'-*¹. Если исходить из того, что по преданиям абхазские святыни имели обыкновение перемещаться с места на место в виде огненного шара или кометы, то абхазская основа по семантике ближе к праформе, чем к современному осетинскому. Возможно, и здесь мы имеем не осетинизм (аланизм) а индоиранизм.

Кто же были эти индоарийцы, где и когда они могли соседствовать с абхазо-адыгскими и другими кавказскими племенами?

В вышеуказанной работе А. Погодина отмечалось, что «не всегда иранские языки оказываются достаточными для объяснения различных арийских элементов хотя бы в аварском языке. Иногда приходится прибегать к помощи санскритского словаря. Во избежание каких-либо недоразумений спешу оговориться, что, приводя санскритские слова, я, конечно, не думаю о непосредственных санскрито-кавказских отношениях. Скорее, думается мне, приходится предполагать, что в Южной России и около Каспийского моря (в эпохе вплоть до н.э. –Б.Д.) еще удерживались некоторые арийские говоры, переходные от индийских к иранским»². Позже О.Н.Трубачев пишет "... нахождение индоарийцев (пра-

---

посв. 100-летию со дня рожд. докт. фиол. наук К.С.Шакрыл. (28-30 мая 1999 г., Сухум). Сухум, 2000. С. 49-62.

¹ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Ленинград: Наука, 1973, с. 219-220.

² Погодин А. К вопросу о влиянии... с.52.

индийцев) в какой-то момент к северу от Черного моря принимается всеми, в то же время во всем индоевропейском языкознании нет положения более абстрактного, чем это. Одно из проявлений схематизма, существующих воззрений на этот счет, мы видим в том, что постулируемое разделение индоарийцев на индоарийскую (праиндийскую) и иранскую ветви где-то к северу от Черного моря явно или неявно мыслится как сопровождавшееся полным уходом всех индоарийцев «до последнего человека» на юго-восток. Так вряд ли было в действительности. В действительности уже а priori следовало допускать сохранение остатков праиндийцев в отдельных районах Северного Причерноморья или даже на положении слоев, компонентов явно неоднородного скифского общества и соответственно – языка».¹

Индоиранцы во времена Страбона (рубеж нашей эры) фиксируются на Северном Причерноморье, и, судя по топонимике, они направились в сторону Каспия и далее в Индию.² Путь отдельных племен на запад мог пролегать вдоль Черного моря. Это один из вариантов возможных контактов. Хотя более вероятным представляется, что упоминаемые в Передней Азии абешла \ апешаллийцы и каски, покинув свои земли, скорее всего в конце VIII в.,³ из-за постоянных набегов ассирийцев, двинулись в сторону Кавказа. Вслед за абхазо-адыгами двинулись картвелы. Теснимые последними абхазо-адыгские пле-

---

¹ Трубачев О.Н. О синдах и их языке. // ВЯ, М., 1976, №4, с. 41

² См. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М. Наука, 1999.

³ Самое позднее упоминание абхазо-адыгских племен в Передней Азии относится к концу VIII в., когда они подверглись опустошительному набегу ассирийского царя Саргона II, (722-705 гг.), причем уже упоминаются только кашки. (См. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. // Вестник древней истории, вып. XIX-XX. М., 1947-1949. С. 305.)

мена постепенно продвигались на запад, оставляя за собой топонимику, которую перенимали картвелы, благодаря чему она и сохранилась на территории Грузии. Первое упоминание абхазов на территории современной Абхазии приходится на I в. нашей эры. К первому веку нашей эры относится и первое упоминание убыхов(?) Публием Овидием Назоном, которых он в форме "пиакх" "Piacchen" (ср. самоназвание убыхов *rākhi \ arjox*) упоминает вместе с гениохами и ахейцами.¹

На данной территории они застали два разных по своей культуре народа. В восточной части – носителей очамчирской культуры, в западной же части современной Абхазии – носителей дольменной культуры. Данные племена были вытеснены а, возможно, и ассимилированы. Существующее в современной абхазской историографии предположение о распространении в Передней Азии и на территории Закавказья родственных абхазо-адыгских племен ничем не обосновано. Собственно, большая разница между различными культурами племен или племенных союзов этого периода на данных территориях свидетельствует об обратном. К тому же наличие такого большого народа с одним или близкими языками непременно нашло бы свое отражение в каком-нибудь источнике.

VIII в. до н.э. во всем Западном Закавказье характеризуется резким увеличением числа населенных пунктов («демографический взрыв»), с развитым керамическим производством, металлургией, ткачеством, и

---

¹ Это единственное упоминание данного племени в подобной форме. Исследователи считали их то скифами, то гетами. (См.: Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории восточной Европы и Закавказья (тексты, перевод, комментарий). М. "Наука", 1985. С. 134, 231.

соляным промыслом.¹ Учитывая, что движение абхазо-адыгских племен шло с Передней Азии, являвшейся центром практически всех технологических открытий того периода, подобные изменения на данной территории закономерны. Сюда же относятся наблюдения, которыми поделился с нами археолог Д.С.Бжания. Культурные пласты поселений VII в. до н.э., по всей территории современной Абхазии, характеризуются следами пожарищ, т.е., данная дата может быть указанием на проникновение на эту территорию новых племен.

На данной территории они, как мы предполагаем, абхазо-адыги застали индоарийские племена, которых они частью вытеснили а, возможно, и частично их ассимилировали. Доводов для принятия данного варианта немало.

Специалисты, занимавшиеся генетической структурой абхазской популяции, на основании изучения распределения эритроцитных антигенов групп крови генетических систем отмечают, что по распределению частот генов m и n системы MNSs абхазские группы сближаются с некоторыми народами Северной Индии.²

Мысль о возможности сохранения отдельных, хотя и ассимилированных групп индоарийцев, на положении социальных слоев, нам представляется наиболее вероятным, тем более, что дольмены, даже после прекращения их строительства эксплуатировались вплоть до средневековья. Многообразие же форм захоронений, которое прослеживается здесь с древнейших времен,

---

¹ Инадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. — Тбилиси, 1968, с.10; См. также Воронов Ю.Н. Древняя Ассилия. Источники. Историография. Археология. — Сухум, 1998, с.15.

² А.А.Воронов, С.М.Далакишвили, Н.В.Саламатина, Р.Е.Феррел. Генетические исследования. Абхазское долгожительство. — Москва. Наука, 1987.С.128.

получит свое объяснение кастовостью, характерной для древних индийцев.

Интересной деталью в этой цепи является то, что эти западнокавказские погребальные сооружения по своей архитектуре и погребально-обрядовым содержанием наиболее близко стоят к дольменам Индии.¹ Причем, начальный этап дольменной культуры в Индии соотносится с конечным этапом строительства их на Кавказе.² Однако, эксплуатация дольменов продолжалась и в более поздние времена носителями иной культуры.³

Еще одним доводом, говорящим о присутствии на данной территории индоарийцев, может быть топонимика.

Как отмечает О.Н.Трубачев, в индоарийской гидронимии часто встречаются в качестве названия понятие «двуречье, междуречье» Ср. др.инд. *Duab* название двуречья Инда и Акесина, *Doab* двуречье, междуречье Ямуны-Джамуны и Ганга. «Образ «двуречья» стойко сохраняется на Северо-Западном Кавказе» ср. адыг. *Тлу-апсы* «две реки, двуречье»; *Дооб* – река у Геленджика, *Дооб* – гора и мыс юго-восточнее Новороссийска.⁴ Здесь же можно привести и абхазские топонимы *Азѡыбжѡа* (<*Аѡзыбжѡа) букв. «междуречье». *Ѡыпсы* название реки букв. «двуречье». Наряду с этим в Очамчирском районе Абхазии есть и река *Дѡаб* – явно одного корня с древнеиндийским *Duab*.

---

¹ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, сс. 293-296.

² Цвинария И.И. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси, 1990, с.66.

³ См. Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и причерноморья. Москва: 1997, с.397.

⁴ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М. Наука, 1999.

По О.Н.Трубачеву одно из племенных названий индоарийцев *дандария* (которую он этимологизирует как *danda* «камыш» + *aria* «ария» – камышовые ария, сюда же тяготеют и острова-косы у выхода из Днепробугского лимана в Черное моря *Dadnarium* современная *Тендера*,¹ ср. с абхазским топонимом *Дранда* с метатезой –р (*Дранда* < *Дандар*). Форма *Дандар* зафиксирована на карте конца XVIII в.² Собственно, данное сопоставление не ново, еще в 1823 С. Броневский,³ а позже К.Д.Мачавариани⁴ и Д.И. Гулиа⁵ связывали топоним *Дранда* с *Тандарами* или *Тиндарами* древних авторов.

Следующий абхазский топоним горный перевал *Санчара́*, ср. санскритское *saṃsarā* «проход»⁶.

Другой известный перевал в Абхазии *Панаа* сопоставим с др.-инд. мифологической фратрией Пандавов.

Прибрежный топоним у западной границы современной Абхазии *Цандрыгшь* состоит из абхазского фамильного ((?)племенного) названия *Цанд* + *рыгшь* – «их территория», т.е., территория *цандов*. Ср. с племенным названием индоарийцев *синды*. В современной Абхазии фамилии *Цанд* нет, однако именно на данной местности проживали дворяне *Цанбовцы* (корень *цан*). Здесь возможно утеря согласного *д*. Выше, в предгорной полосе отмечалось территория абхазского племени *мдаџеи* (< *мдаџаи*), ср. с другим древнеиндийским племенем *мео-*

---

¹ Там же. с.233.

² Кварчия В.Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухуми. – Алашара, 1985, с.58.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с.295.

⁴ Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913, с. 114.

⁵ Гулиа Д.И. История Абхазии. Тифлис, 1925, т.1. С. 48 и сл.

⁶ Данный факт нам любезно сообщил историк Альмир Абрегов.

ты. В абхазском *мдаџеи*, как и в топониме *Дранда*, метатеза согласного (*мдаџаи* < *маџаид*).

Еще одно племенное название индоарийцев *санария*, где во второй части явно выделяется корень *ария*. Первая же часть *сан* возможно связана с героями абхазского эпоса — низкорослыми ацанами (абх. *а-цан*), которые, как отмечается в эпосе, предшествовали абха-зам на данной территории. К данным карликам относит эпос и строительство дольменов, что вполне вписывается по времени в предлагаемую гипотезу (XX-XV вв. до н.э.). Элемент *ария* прослеживается и в ряде других топонимов, которые компактно расположены именно в этом районе.¹ Ср.: *Арџаџшь* название реки, элемент *-џшьы* в абхазских топонимах выступает в значении «край; территория»,² т.е., внутренняя семантика слова «территория, край ариев»; *Ареџџста* название ущелья, вторая часть основы *-џста* «ущелье», т.е., «ущелье ариев»; *Арихџа* название горы, — элемент *-хџа* в абхазском выступает со значением «холм; гора», — здесь «гора ари».

В абхазском эпосе об Абрьскиле герой уничтожает рыжих людей с голубыми глазами — явный отголосок борьбы с каким-то народом.³ Сопоставив это с описанием древними греками жителей Северного Причерномо-

---

¹ См. Бгажба Х.С. Бзыбский диалект... с. 263

² Бганба В.М. К вопросу о древнем абхазо-адыгском этнонимическом типе. //Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Материалы научной сессии, посв. 80-летию проф. Балкарова. Нальчик, 1997, с.53-54.

³ Д.И.Гулиа, Г.Ф.Чурсин а позднее и Г.В.Цулая связывали данный факт с нашествием на Абхазию скифов или сарматов.(Гулиа Д.И. Собрание сочинений. — Т.6 (История Абхазии. Этнография). — Сухуми, 1986, с.95; Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. — Сухум, 1957, с.244; Цулая Г.В. Мифологические тайны пещеры Абрьскила // Труды АБИЯЛИ, — т. XXXIII-XXXIV. — Сухуми, 1963, с.326-327).

рья (которых они часто объединяли под общим термином скифы), как рыжих людей невысокого роста (вспомнив здесь и абхазских мифических карликов *ацан*), мы получим еще одну привязку к данной гипотезе.

Считается, что в самом имени *Абрыскила* (абх. *Абрыскьыл*) мы имеем элемент *абра*, что связывают с абхазо-адыгским словом *абра* в значении особого вида камня. Ср. адыг. *абра-мыва* «абра-камень»,¹ сюда же тяготеет и абх. *абырлаш* «жемчуг» (буквально «абыр светлый»).

Основа *абра* фиксируется в топониме близ Новороссийска – *Абрау-дюрсо*. Последний, почему-то, как в БСЭ², так и в словаре Э.М.Мурзаева³ этимологизируют на абхазском как «провал», хотя, к абхазскому языку данный топоним отношения не имеет. Зато корень *абр* отмечается в индоевропейской среде. Ср. напр. Аbruцкие Апеннины – горы в Средней Италии, от латин. *abruptus* «разломанный, обрывистый».⁴ По мнению фольклориста З.Дж.Джапуа мотив рассеченного камня в эпосе *Абрыскил* по структуре сюжета, восходит к нартскому эпосу, и напоминает картину «игр» с камнями в нартских сказаниях.⁵ Тема «игр» с камнями, в которой эпические герой разрубает мечом или разбивает головой большие валуны, падающие на него сверху, довольно распространенный мотив как нартского эпоса, так и *Абрыскила*. Здесь уместно привести еще один

---

¹ Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976, с 107.

² Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т.1. с.29.

³ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, с.36.

⁴ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с.14.

⁵ Джапуа З.Дж. Абхазский эпос об *Абрыскиле* (Поэтико-воззренческий аспект) // Актуальные проблемы кавказского языкознания и фольклористики (материалы конференции, посвященной 100-летию К.С.Шакрыл. – Сухум, 2001, с. 101-130.

термин, который как будто имеет отношение к исследуемой основе. В абхазском языке наличествует архаизм с темным этимоном *абырцкал* «кожемялка». Сам предмет представлял собой расколотый ствол или бревно, сквозь которого протаскивали сыромятную кожу. Сопоставив все вышесказанное, можно предположить, что в самом имени *Абрыскила* заложена семантика «расколотый» или близкое к нему значение. Возможно, что основа имени *Абрыскил* также идет из индоиранского корня, хотя точно атрибутировать его пока затруднительно.

В эту схему вписывается и общекавказское слово *чарт* «эпические герои – нарты». Если учесть, что этимология, связывающая осет. *nartæ* с древнеиранским *nar*, неприемлема как по семантическим, так и по формальным признакам,¹ то можно поставить вопрос, не идет ли непосредственно соответствующее ему абхазское *нарт* от др.-инд. *nṛta* «мужчины, мужество».²

Все вышеперечисленные примеры дают основание полагать, что на территории современной Абхазии жили индоарийские племена, которые оставили здесь свои следы в археологических культурах, в топонимии и в лексическом фонде абхазского языка.

Возможность исторических контактов абхазов с германцами не подлежит сомнению, поскольку на востоке места обитания готов (остготов) соотносятся в исторических источниках с северо-западным Кавказом. Письменные источники свидетельствуют о присутствии на Северном Кавказе германцев, начиная с 50-60 гг. V в., когда гунны при их возвращении с Дуная в понто-кавказские степи, увлекают за собой на Кавказ крымских готов – тетракситов. Сюда же следует добавить, что

---

¹ См. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь... т. II. № 159.

² Джонс Б.Г., Климов Г.А. К индоаризмам в языках... с. 155.

контакты могли иметь место и с отрядами германских солдат на римской службе, которые дислоцировались и в Абхазии.¹ В абхазском прослеживается небольшая группа слов, германские связи которых не исключены. Одно из них – абх.-абаз. *аигəышə / гəашə* (в абхазском, видимо, из *гəашə*) «топор для рубки кустарника». Вместе с адыг. *уэшъы* // *уэшъ* и убых. *гьашə* «топор» А.К.Шагиров и О.П.Дзидзария считают возможным увязать эту лексему с др.-инд. *vāśī* «топор».² К.Боуда считает абхазскую и адыгскую основы заимствованными из осетинского *wæс* «топор».³ Обратную зависимость видит Б.Х.Балкаров.⁴ Думается, что осетинский источник для названий абхазско-адыгских слов придется исключить. В адыгейском налицо конечная ударная гласная, отсутствующая в осетинском. За этим различием стоит известный в адыговедении процесс передвижения ударения в кабардинском (частично засвидетельствованный и в адыгейском) с конечного открытого слога на второй с конца слова с последующей редукцией безударного *ə*. Наличие начального *гə, гь* в абхазско-абазинском и убыхском затрудняют сопоставление с дренеиндийским материалом. В свете этого В.А.Чирикба, в статье «К германо-

---

¹ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов. // Истроия – археологический альманах (армавирского краеведческого музея). Вып. 4 – Армавир, Москва – 1998.

² Шагиров А.К.; Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских (праиндийских) лексических заимствований в северокавказских языках. // ВЯ, 1985. №1.

³ Bouda Ch. Étymologies oubykh // JA. 1960. T.248, fasc.2, p. 201.

⁴ Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик. 1965. с.58.

западнокавказским лексическим параллелям”¹ допускает германский источник слова: ср. герм. *akus*, *akwesjo*, *akwezjo* “топор” (др.-сакс. *akus*, др.-в.-нем. *ackus*). Исходная для протогерманских форма **agwesi* сопоставляется автором с реконструируемым им протоабхазоадыгским **g°aš°ə*. Не возражая, в принципе, против возможности сближения убыхской и абхазско-абазинской формы с германскими, следует, по всей вероятности, согласиться с А.К.Шагировым и О.П.Дзидзария об ином источнике упомянутых адыгских слов.

Среди одиннадцати сопоставлений абхазско-адыгских слов с германским материалом у В.А.Чирикба в семи случаях привлекается абхазские факты.

Здесь названо, в частности, абх. *алыкə* “засов, запор, деревянная задвижка,” сопоставляющиеся с германскими обозначениями запора, засова: гот. *us-luk*, др.-исл. *lok* «запор; крышка», др.-англ. *loc* «запор; отверстие» и др. Следует заметить, однако, что в индоевропейском корнеслове это германское слово является, по-видимому, изолированным, что ослабляет достоверность конструкции его германского источника, (ср. также сван. *лăкв* «запор, засов»).

Сходным образом можно оценить сопоставление автором абх. *а́мат* < **а-ма́т’ы*, абаз. *ма́т’ы*, и убых. *ан́та* «змея» с гот. *maða*, др.-в.-нем. *mado*, др.-сакс. *matho*, «червь; личинка» (ранее Г.Дюмезиль и Г.А.Климов допускали сопоставление абхазско-адыгского материала с и.-е. **math* «змея, червь», реконструированным, опять-таки, преимущественно на основе германских фактов.²

---

¹ Чирикба В.А. К германо-западнокавказским лексическим параллелям. —

² Dumézil G. *Caucasique du Nord-Ouest et parles scythiques*. *Annali del Institute Orientale di Napoli*. “Sezione linguistica”. V. Roma, 1963, p.18; Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимоло-

Германские связи может иметь абх. *архышьна*, *архнышьна*, абх. (батумск.) *арахышьра*, *анахышьра* (где налицо очевидная контаминация с абхазским глаголом *ахшьра* «вешать»), абаз. *рахчына* «надочажная цепь». Это слово представлено, как известно, не только в адыгских языках (ср. адыгейск. *лъэхъыч*, *лъхъуэнч* при каб.-черк. *лъахъш*, *лъэхъыш*), но и в дагестанских языках, напр. авар. *рахас*, дарг. *рахаз*, гунз. *лахас* «цепь». А.И.Абдоков привлекает сюда и форму *алахац* «огонь» из тайного охотничьего «языка» абхазов. Согласно В.И.Абаеву, осет. *рæхыс* // *рæхус* «цепь, надочажная цепь» восходит к герман. **rak(k)is*, *rahhinza*, в то время как абхазская и аварская формы идут уже из осетинского.² Соответствующее германское слово представлено, в частности, в др.-в.-нем. *rahhinza* «цепь», наиболее близко стоящее к кавказским словам.³ В.А.Чирикба считает посредство осетинского (аланского) для названных здесь кавказских лексем необязательным. Учитывая в абхазско-абазинских формах налицо анлаутного –*н*, осетинское (аланское) посредство должно для него, по видимому, отпасть. Интересный факт отсутствия этого –*н* в соответствующих дагестанских словах, напротив, сближает последние с осетинским. Таким образом, как и в случае с лесемой «топор», в представленном здесь материале следует усматривать разные источники заимствования. Если дагестанские слова восходят к осетинскому, то абхазско-абазинские формы могут быть обязаны непосредственно германскому источнику. Труднее судить о связях абх. (охотн. язык) *алахац*

гии. I (исконный фонд). // Этимология 1965». –М. 1967, с.302)

¹ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь... Т.1. № 817.

² Абаев. В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М. Наука, 1956, с.27.

³ Чирикба В.А. К германо-западнокавказским...

«огонь», тяготеющее к северокавказским формам, однако заимствование его из адыгских исключено, так как адыгский латеральный согласный *лъ* передается в абхазском комплексом *тл*. Не восходит оно и к осетинскому.

Автор сопоставляет далее абх.-абаз. *алымт* / *лымт* «грязь (на теле)» с герм. *lar* «сырой, мокрый»,¹ представленным, в частности, др.-исл. *lerja* «глина, грязь» и возводимым в конечном счете к индоевропейской базе *lat*. «Лишнее» *м* в абхазском может быть наращением. Данная основа широко распространена и в других кавказских языках. В абхазском она вычленяется и в слове *аҭслымз* «песок» (< *а-пс-лымт-с'а).

Другое предлагаемое автором соположение: абх. *аҭарпын*, *аҭарпан*, абаз. *царпына* «свирель» — герм. *harpōn* «арфа» (ср. др.-исл. *harpa*, др.-англ. *hearpe*, др.-в.-нем. *harfa*). Фонетические расхождения форм можно преодолеть, допустив, что в анлауте абхазского слова имеем исконный элемент *ҭа* «рот».

Наконец, точку зрения о германском происхождении абх. *агҭарҭа* «стадо; толпа; много» и абх. *акәыҭа* «конусообразная корзина для ловли рыб» следует, по нашему мнению, отклонить. Первое из этих слов — миграционный термин, широко распространенный во многих языках не только рассматриваемого ареала.² Во втором слове можно распознать идеофон, также выступающий во множестве языков в виде двухконсонантной (*кп*) или трехконсонантной (*кпл*) основы, закрепленной за передачей семантики округлости.³

¹ Чирикба В.А. К германо-западнокавказским... с. 7.

² См. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь... Т.1. с.637.

³ См. Джонуа Б.Г. Дескриптивная лексика абхазского языка. // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Вып. 1. Сухум. Алашара, с.91-100.

Группу лексем, подобную германизмам, могли бы образовать и грецизмы, поскольку факт длительного пребывания греков на территории Абхазии известен. Эти контакты имели место, конечно, не только в эпоху древнегреческой колонизации Причерноморья, но и в период средневековья, и даже в новое время. К сожалению, тема языковых следствий этих контактов по существу пока не дала ощутимых результатов.

Здесь, не мог не сыграть определенную роль, факт, который не раз отмечался исследователями Северного Причерноморья, а именно, колонисты—греки, а затем и римляне всячески ограничивали свои контакты с местным населением. Более того, «... по римским законам браки между гражданами империи и не гражданами были запрещены (на Западе этот запрет какое-то время действовал даже после падения империи), поэтому варвары на римской службе привозили себе жен из Барбадикума...”¹ Контакты, видимо сводились к необходимому обмену товарами. В других кавказских языках, например – в картвельских, грецизмы, в большом числе представлены в виде книжных заимствований.

Число выявленных абхазских грецизмов на сегодняшний день незначительно, к тому же часть из них допускает иные толкования. Оставляя в стороне отдельные топонимические названия греческого происхождения на территории Абхазии (типа Диоскурия, Келасур и др.), упомянем здесь несколько лексем, почерпнутых из лингвистических и этнографических публикаций с соответствующими сопоставлениями.

---

¹ См. напр. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов. // История – археологический альманах (армавирского краеведческого музея). Вып. 4 – Армавир, Москва –1998, с.103.

Прежде всего сюда относится типичный термин морского словаря абх. *акра* “мыс; маяк”, несомненно восходящий к греч. *ακρᾱ*, *ακρῆ* “мыс; выступ; вершина; цитадель.”¹

Абхазское слово *ақырмыт* “кирпич” сопоставляется с греческим *κερομίτις* “глина”, *κερομίδα* “черепица”. Иногда предполагаемый для абхазского слова мегрельский источник *крамити* “кирпич” трудно принять в виду наличия в последнем велярного -к и отсутствия за ним гласных, способных его палатализировать на абхазской почве.² На еще один параллелизм указывает этнограф Е.Аджинджал, согласно которому абх. (арх.) *Ареиааи* название божества, покровителя войны и войска – сопоставляется с греческим *αρεία* “Арес.”³ Турецкий фолклорист О.Буюка (из среды турецких абхазов – О.Бегуа) отмечает в этой связи наличие в прошлом у абхазов божества мудрости и красоты *Атана*, имя которого сопоставляется с греческой Афиной.⁴

Два последних примера вызывают некоторые сомнения. Найти иные материалы, где бы говорилось о наличии подобных божеств у абхазов нам не удалось.

Абхазское *алаба* «палка» сопоставляется с греческим (?) *labar*.⁵ Мегрельское *лабашья* “посох с железным наконечником” идет, несомненно, из абхазского.

---

¹ Дзидзария О.П. Морская лексика в абхазском языке. Сухуми, 1989, с.15.

² Ср. Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка : Исследования и тексты. Тбилиси, 1964, с.232.

³ Аджинджал Ер. Абхазская культура и античная традиция. – Алашара, 1982, №2, с.92.

⁴ О. Büyüka. Abhas Mitolojisi Anas mı? Istambul, 1971, 13,94.

⁵ Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, VII. СПб., 1914, с. 193.

Абхазское *амажаа* <*мажаа "тесто" сопоставимо с греч. *μαζα* «тесто; лепешка». П.Чарая возводит абхазское слово к мегрельскому *ма́жва* «лепешка из муки и меда, приготавливаемая у абхазов»,¹ однако уже сама семантика последнего говорит о том, что оно не может быть мегрельским. Против признания абхазской лексики за мегрелизм говорит и ее ударение.

Абхазское *абыста* и абаз. *ба́ста* (ср. также адыг. *паста*, убых. *бэ́ты, бэ́тэ* «мамалыга» уже неоднократно сопоставлялась с ср.-греч. *pasta* «ячменная каша».² Однако характер ударения в абхазско-абазинской основе может указывать и на другие источники – на адыгский или даже итальянский (генуэзский). Отметим также, что в форме *pasta* слово известно и в некоторых турецких диалектах.

На греческий источник может претендовать и абх. *алапан* «*Pterocoria fraxifolia* при греч. *Λαφύν* «лавр». Ср. также мегр. (неисконное) *лапани* «крылоорешник».³ В греческом более употребительной считается форма *βαφύη* таже повторяющаяся в абхазском в виде *а-дапа* «лавр благородный».

Отметим здесь три явно ошибочных сближения абхазского материала с греческим, встречающиеся в специальной литературе. С одной стороны это абх. *а-гсы* «душа», сопоставляющееся с греческим *ψυχή*** «душа», на деле являющееся исконным достоянием абхазско-адыгских языков (ср. адыг. *псэ, убых пса* то же). К тому же содержащим элемент звукописи. С другой стороны, это старое сопоставление А.Шифнера, усматривающего связь абх. *а-харл* «рубашка», представляющим

¹ П.Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим. – МЯЯ, т.IV.СПб., 1912, с.12.

² См. Шагиров А.К. Этимологический словарь ... Т.2 №1102.

³ Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... с.273.

на абхазской почве весьма прозрачным образованием, с греч. *καρπτος* «лен».¹ В абхазском слово этимологизируется как «надеваемое через голову».

Третьим ошибочным сближением такого рода является предложенное Р.Лафоном сопоставление абх. *папынижь* – сорт винограда, с греческим *αμπελος* «виноградная лоза».²

Абхазское слово – довольно прозрачный по своей структуре композит, членившийся как *Папын ижь* т.е., "виноград Папына", поэтому оно несопоставимо и с фонетически более сходным латинским обозначением виноградной лозы *rampinus*.

Целый ряд абхазских лексем, обнаруживая свой неисконный характер, в то же время не допускает определенной атрибуции к языку-источнику. Нередко – это лексемы, повторяющиеся в разных языковых ареалах (и, в частности, широко распространены в кавказском). До конкретной атрибуции данных основ целесообразно квалифицировать их как миграционные термины. Целый ряд абхазских лексем, обнаруживая свой неисконный характер, в то же время не допускает определенной атрибуции к языку-источнику. Нередко – это лексемы, повторяющиеся в разных языковых ареалах (и, в частности, широко распространены в кавказском). До конкретной атрибуции данных основ мы сочли целесообразным квалифицировать их как миграционные термины. Выше в работе мы указывали на подобные основы (см. напр. *а-лымт* "грязь (на теле)". Этот список можно продолжить. К миграционным терминам мы относим две группы основ. Первая, в которую входят такие основы *а-кэты* "курица", *а-цгэы* "кошка", *а-камырша* "улитка"; *а-*

¹ Schiefner A. Ausführlicher Bericht ... s. 45. "

² Lafon R. Le nom de "l'argent dans les langues caucasiques. – Revue Hittite et Asianique. III, fasc. 10-11, janvier et avril, Paris, 1933.

къала "шалаш", *а-қыта* "село" и др. Ср. например для абх. *а-қыта* "село", фин.-угор. *kota, фин. *kota* "жилище, палатка, юрта, шалаш"; хетт. *kutto*- "стена"; монг. *qona[n]*, "селение"; тюрк. *kota* "дом", груз. *кед-ели* "стена", *а-бра*, *а-пыр-цэ* "грива".

По отношению ко второй группе основ В.И.Абаев отмечал, что они входят в обширную группу идеофонов, в которых определенный круг значений ("круглое", "выпуклое", "вздутое", "выступающее" и пр. выражаются определенными звуковыми комплексами, либо двухсогласными, типа КП, ТП, ЦП, либо трехсогласными, типа КПЛ, ТПЛ, ЦПЛ, КПР, ТПН, ЦПН и т.д. Подобные основы отмечаются в различных языках, не связанных ни генетическим родством, ни ареальными контактами. В абхазском, как и во всех западнокавказских языках, наличествуют как двухсогласные так и трехсогласные типы подобных основ. Причем, в абхазском они часто осложнены фонетическим наращением в виде сонорного звука: *а-мпыл* "мяч", *а-цъыкә* "горб", *а-кәыҭа* "корзина", *а-кәаҭ* "капля", *а-мпыл* "мяч", *а-мпыр* "комок", *а-чыргә* "вымя", *а-мпыш-та* "мочевой пузырь", *а-ҳампал* "конусообразные галушки", *а-кәыкәыл* "род (из выражения *укәыкәыл ахы нцәааит*, букв. чтоб кончился верх твоего кукула)", *кәыкәын* (из *а-хыцәкәыкәын*, где, *а-хцәы* "волосы") - "хохол, чуб", *а-кәымпыл* "шар", *а-кәыкәбаа* "гриб", и т.д. Все вышеперечисленные и другие примеры имеют созвучные и семантически близкие основы во многих неродственных языках. Для последних примеров отметим такие созвучия как: осет. *q°ymbu* "шар", *tumbul* "круглый", мегр. *korul-i* "шар на рукоятке кремневого пистолета", венг. *gomba*, чуваш. *kamra*, словян. *gomba "гриб, губа" и мн. др. Ввиду явной культурной окрашенности данных основ здесь всегда встает вопрос о исконности и заимствованности, т.е. нельзя исключать и возможности их миграционного характера. Так вышеуказанные основы *кәыкәыл* "род (из выражения *укәыкәыл*

ахы нцэааит) и *кэыкэын* "хохол. чуб" (из *а-хыцэкэыкэын*, где *а-хцэы* "волосы") возможно родственны татарскому *какул*, таджикскому *кокил*, киргизскому *кёкул*, монгольскому *гөхөл* и т.п. "чуб, хохол". Обычай оставлять прядь волос на голове был широко распространен по всему миру. В частности во всей восточной Азии от Вьетнама до Чукотки и по всему ареалу распространения тюрков и татар.^{1*} Аналогичный обычай был распространен и у абхазов до начала XX века.

Причем у тюрков и монголов форма пучка волос на голове свидетельствовала о социальной принадлежности его носителя. Семантика абхазского *а-кэыкэыл* "род", по всей вероятности" обязана подобному осмыслению данного хохла.

¹ См. Ахметянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1985. С. 45-56.

АЛАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Реально ощутимую группу заимствований в абхазском составляют аланизмы или древние осетинизмы, которые распространялись в период с IV до XIV столетия – в период могущества алан. В XIV столетии, когда аланы были разбиты монголо-татарами и сузился их ареал распространения, контакты были прерваны.

Выявление аланизмов в абхазском, начатое еще А.Шифнером¹, в дальнейшем были связанными с именами Н.С.Трубецкого, Ж. Дюмезиля и прежде всего В.И.Абаева.² В работах последнего установлена основная часть достоверно определенных аланизмов абхазского. Так как общее число аланизмов незначительно мы приводим здесь их полный перечень:

- абх. *аргама* – осет. *æргом* «явный, открытый»
- абх. *а-уардын* – осет. *вæрдон* «арба»;
- абх. *а-уараш* «брага; пиво» – осет. *вæрас* «брага»;
- абх. *а-кæашт* – осет. *квист* // *кост* «годовалая овца»;
- абх. *а-рахә* – осет. *аргъау* // *рæгъау* «стадо, табун»;
- абх. *а-рныг* «глупый; безумный» – осет. *æр- нæг* «дикий, одичавший»;
- абх. *қәыцъ* (из *а-қәыцьма*), «волк» – осет. *куз* «собака»;
- абх. *цсын* (из *ацсынгъари* наковальня), – осет. *æфсæн* «железо»;

¹ Schiefner A. Ausführlicher Bericht über der General Baron von Uslar's Abchasische Studien. – Memoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, t. VI. #12, 1863.

² В.И.Абаев Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949, с. 309-322.

абх. *а-пшәма* «хозяин» — осет. *фысым // фусум* «хозяин (скота)»; данную основу А.К.Шагиров относит к индоиранизмам (см. главу Древнейшие заимствования).

абх. *а-қды* «бревно» — осет. *къæд // гъæдæ* «бревно; лес»;

абх. *а-хәшә* — осет. *хос // хвас* «лекарство; порох»;

абх. *а-ебыга* — осет. *сæваг* «коса (орудие)».

К аланизмам следует отнести и абх. (батум.) *а-хшьырҕ* — осет. *хсырф // æхсирф* «серп».

Сюда же, видимо, и абх. *рахәым* в составе выражения *сгәы рахәым* «мне не здоровится» сопоставляемое с осет. *æрхум // æрхәйм* «печальный, грустный, удрученный; печаль, тоска».

Абх. *аратын* «кожаный ремень ярма» идет из осет. *рæтæн* «веревка из ремней.» Аланскому источнику, представляется, обязанным и абх. *Ашәы* «Северный Кавказ» и *ашәуаа* «северокавказцы; абазиньы.» Согласно А.Н.Генко: последняя основа «восходит к той эпохе, когда абазинского населения на Северном Кавказе еще не существовало, и имеет в виду древнейшее (а в последствии, во времена, непосредственно предшествующие появлению там абазин, определенное как осетино-иранское) население Кубани и ее притоков»¹. Более конкретно можно сказать, что данное слово находится в прямой зависимости от известного исторического этнонима осетин *ас* (ср. груз. *овси // оси*, др.-русс. *асы, ясы*). Судя по историческим данным, еще на рубеже новой эры, предки осетин проникают в долину

¹ Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. — М., 1955, с.9.

² Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., Наука, 1971. С.103; В.И.Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949, с. 309-310.

Кубани и в степные районы, граничащие с Абхазией, а уже с IV века оказываются в непосредственном контакте с абхазами.¹ После того, как непосредственные контакты между обоими народами прервались, этнонимом *а-шәуаа* абхазы стали называть новых переселенцев на бывшие аланские земли – абазин (ср. также факт перенесения этнонима *ас* «осетин» на пришлое тюркоязычное население Северного Кавказа). Фигурирующее ныне в абхазском языке обозначение осетин *а-уапс* восходит к старому грузинскому *оҭси*.² К аланизмам была отнесена и основа и абх. основа *ақәанда*³, однако, по справедливому замечанию А.К.Шагирова, «Предлагаемое сопоставление уязвимо в фонетическом отношении»⁴. Кроме того, в абхазском есть еще основа с близкой семантикой *ацанда* «тепловатая (о жидкости)», что указывает на членимость основы.

¹ Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., Наука, 1971. С.103; В.И.Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949, с. 309-310.

² Ср. Кварчия В.Е. Об абхазском этнонимах *ауарс* осетин и *аṣ°анәуа* сван. – Вопросы кавказской филологии и истории. К 80-летию док. филол. наук Г.Ф. Турчанинова. Нальчик, 1982, с.47-49.

³ Халбад Т.Х. Об одной абхазо-абазино-осетинской лексической встрече. Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа, XVI (серия филологическая). Тбилиси, 1988.

⁴ Шагиров А.К. Об осетинских (аланских) лексических заимствованиях в абхазском языке // Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики. Материалы межд. науч. Конференции, посв. 100-летию со дня рожд. доктора филол. наук К.С.Шакрыл (28-30 мая 1999 г., Сухум). Сухум, 2000, с.354-355.

В недавно вышедшей работе В.Бганба¹ автор предлагает 30 новых аланизмов абхазского языка. Разумеется, когда речь идет о древних заимствованиях, тем более о таком большом списке слов, они не могут быть равнозначны по своей убедительности. Из предложенного автором списка из тридцати слов как более убедительные нами выбраны три основы:

абх. *аран* «грядка» – осет. *арæн* «межа, граница»;

абх. *агмыг* «неряха; невежда» – осет. *æгмыг* / *æгомуг* «немой, бесловестный»;

абх. *кьараз* форма взаимопомощи во время сельскохозяйственных работ – осет. *кæрази* / *кæразей* «друг-друга; взаимно».

Проблематичным по причинам фонетического порядка представляются встречающееся сопоставления абх. *а-тса, атца*, (бз. *а-цста*) – осет. *æзд(ы)* «свинец». Хотя, при метатезе, что было характерно для ранних заимствований в абхазском (см. главу Древнейшие заимствования) возможно допустить здесь аланский источник. Ср., осет. *æзд* – абх. **дза > тса*. Остальные основы, предложенные В.Бганба требуют дополнительного обоснования или же неверно атрибутированы. К примеру, *амест* явно более позднего происхождения на что указывает звук -е и идет из тюркского, ср. тур. *mest* ««месты (вид сафьяновых сапожек)». Отнесение основы *аазамкьаг* «кувшин нартов» и его фонетического варианта *азамкьаг* к аланизмам нельзя пока считать оправданным. Даже

¹ Бганба В.М. О некоторых межабхазо-осетинских (аланских) лексических взаимозаимствованиях // Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики. Материалы международной научной конференции, посв. 100-летию со дня рожд. доктора филол. наук К.С.Шакрыл (28-30 мая 1999 г., Сухум). Сухум, 2000. С. 49-62.

если опустить некоторые фонетические затруднения как то абхазский палатальный -кь вместо велярного -г в осетинском, нельзя не заметить членимость абхазской основы на его составные. Ср. *џаза* – «вино» + *мкьаџ* «хранилище». Последняя основа отмечается и в других сложных словах *ашэымкьаџ* «жертвенный столик», где в первой части видимо тот же корень что и в *ашэы* «траур»; *аџсымкьаџ* место, огороженное валунами, куда охотники складывали кости съеденной дичи (По поверию, божество охоты оживляло этих животных). Здесь *аџсы* «душа» + *мкьаџ* «хранилище». Т.е. в абхазском языке основа членима, что ставит под сомнение его заимствованный характер.

Абх. *афрат* «молодец; лихой; быстрый» сопоставляется с осет. *фæрæт* «топор». Здесь, для идеосемантики можно было привести русск. *молоток* в значении «молодец», однако в самом осетинском подобное переосмысление не фиксируется. Кроме того смущает и звук -ф. Как известно, данный согласный в абхазском позднего происхождения. Собственно, аланизмы *аџсынъгъари* «наковальня» где в первой части предполагается осет. *æфсан «железо», и абх. *а-џшэма* «хозяин» источником которого называют осет. *фысым* «хозяин скота» (если это не индоиранизм) и *а-хшьыргъ* – осет. *хсырф* // *æхсирф* «серб». указывают, что к периоду заимствования аланизмов в абхазском звук -ф отсутствовал и поэтому он заменялся на -в.

Основы – абх. *адоумага* «великан; страшилище» и абх. *адоуага* то же, сопоставляются В.Бганба соответственно с осет. *(и)дауаг* «божество» и *удгоймаг / адгоймаг* «одушевленное существо». Вторая абхазская основа является фонетическим вариантом первой основы – *адаумага*. Данное слово в абхазском прозрачно, оно идет из *адауы* «великан» и *аумага* «страшный». Кроме

того, в осетинском не произошло переосмысления основы «*дауаг* «божество» > «дев, великан», как это отмечается в остальных иранских языках, а в абхазском мы имеем значение «великан» и т.д.

В этом же сборнике, где была напечатана рассматриваемая работа В.Бганба находится и статья известного кавказоведа А.К.Шагирова¹, посвященная анализу работ в данной области. Здесь автором предлагается в качестве аланизма абхазская основа *асуцал* «бахрома (седла)» – осет *цупал* «гроздь, кисть». Вне всякого сомнения, что основы идут из одного источника, однако, нетипичное для абхазского сочетание в начале слова, скорее всего предполагает хронологический более позднее заимствование.

Заметим, наконец, что в специальной литературе иногда встречаются и некоторые другие абхазско-осетинские сопоставления аналогичного плана, принять которые затруднительно. Так, по семантическим и, отчасти, фонетическим чертам имеются трудности в сближении абх. *а-кæадыр* «седло» с осет. *куыдыр* // *кудур* «обрубок, чурбан»². Что касается абх. *адырды* «веретено», сопоставляемое с осет. *вæрдхарт* «кольцо веретена»³, то в абхазском явно ощутима звукопись.

Отнесение абх. *абрагъ* к осет *абраæg* «абрек», судя по полатальному *гъ* в абхазском, не оправдано. Ранее также указывалось на возможность непосредственной связи абхазского *ақаны* «конопля» с осет. *кæттаг* <

Шагиров А.К. Об осетинских (аланских) лексических заимствованиях в абхазском языке // Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики. Материалы международной научной конференции, посв. 100-летию со дня рожд. доктора филол. наук К.С.Шакрыл (28-30 мая 1999 г., Сухум). Сухум, 2000. С. 351-355.

² Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор... с.313.

*кæн-таг «конопляная нить»¹. Здесь налицо затруднения фонетического порядка, осет. æ- не могло дать в абхазском лабиализацию *қ* (*қә*)

В абхазских аланизмах в целом ряде случаев нетрудно увидеть, что их звуковой облик особенно близко стоит к исторически предполагаемой форме их осетинских прототипов. Так, в них налицо сохранение старых шипящих согласных на месте современных осетинских свистящих: ср. абх. (батум.) *а-шьхырҭ* – осет. *хсирф* «сerp»; абх. *акәашт* – осет. *кост* «годовалая овца». Наблюдается в них и сохранение староосетинского *а* перед сонорными согласными на месте современного *о*:

ср. абх. *аргама* «явно» – осет. *æргом* «лицо; открьй», абх. *ауардын* < *а-уардан – осет. *вæрдон* «арба».

Обращает на себя внимание и довольно точная фонетическая и семантическая передача аланизмов в абхазском языке, что свидетельствует о продолжительных и тесных контактах абхазов с аланами.

В настоящее время невозможно говорить о преимущественной близости абхазских аланизмов к дигорской или иронской форме осетинских лексем.

¹ Абаев В.И. Сложные слова – хранители древней лексики // ВЯ, № 4, с.75-85.

АДЫГСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ.

Сложность сравнительно-генетических исследований кавказских языков и, в частности, выявления в них лексики, связанной отношением заимствования, отмечалась в специальной литературе неоднократно. Резкие расхождения между их основными группами и, напротив, относительно большая близость в рамках многих подгрупп, недостаточная разработка вопросов сравнительной фонетики и моноконсонантность простых основ — вот весьма неполный перечень объективных препятствий, на которые обычно ссылаются кавказоведы-компаративисты. К тому же, следует добавить, что в ходе внутригрупповых исследований компаративисты нередко сталкиваются с фонетическим тождеством наиболее продуктивных аффиксов (а иногда и основ), затрудняющих выявление внутригрупповых заимствований. Не составляют исключения в этом вопросе и факты абхазского языка. В частности, выявление в нем адыгских лексических заимствований наталкивается на все вышеотмеченные трудности. Здесь мы, естественно, оставляем в стороне не требующие каких-либо комментариев случаи, когда лексема, общая для абхазского и адыгских языков, будучи непрозрачной, с точки зрения абхазского, имеет очевидную адыгскую этимологию.

Адыгизмы абхазского языка отмечаются во многих работах. Начало их изучения в абхазских диалектах связано с именами А.К.Шагирова¹,

¹ Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I. А-Н; Т. II. П-І. М. Наука, 1977. Он же. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., «Наука», 1989

Х.С.Бгажба¹, Г.А.Климова². В основном же адыгизмы упоминаются в специальной литературе в качестве сопутствующего материала. В наиболее полном объеме они нашли свое отражение в монографии А.К. Шагирова.³

В этой главе предпринимается попытка их систематизации с соответствующими выводами о характере, а также закономерностях их передачи в абхазском языке. В этом отношении определенную ценность представляют статьи Н.Т.Мальбаховой,⁴ Р.Х.Темировой⁵, С.Х.Ионовой.⁶ К сожалению, отсутствие в названных статьях адыгейского материала сказывается на достоверности предлагаемых соответствий.

При характеристике адыгизмов в абхазском будет

¹ Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследования и тексты. Тбилиси, 1964.

² Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). «Этимология 1966». М., 1969.

³ Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М. — Наука, 1989.

⁴ Мальбахова Н.Т. О фонетических заимствованиях в абазинском языке. — Родной и русский язык в школах Северного Кавказа, вып. 2, АПН РСФСР, Москва, 1961, с.34-42.

⁵ Темирова Р.Х. Фонетическое и морфологическое освоение адыгских слов в абазинском. — Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с. 18-25.

⁶ ИONOBA C.X. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке. — Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с.29-42. Она же. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке. — Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (Северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с. 61-74.

сделана попытка выделить в особую рубрику лексемы, заимствованный характер которых требует дополнительной аргументации.

Естественно, что, прежде всего, приходится остановиться на вопросе о критериях выделения абхазских адыгизмов.

Звуковые соотношения. Здесь наиболее интересными являются нетождественные соответствия. Еще Н.С.Трубецкой отмечал, что имеющиеся в северокавказских равно как и в отдельных североамериканских и африканских языках, глухие латеральные спиранты воспринимаются иноязычными говорящими как *tl, kl, pl, sl, xl*, иначе говоря, глухость и латеральность воспринимается ими как две следующие друг за другом фонемы.¹ По отношению к абхазо-адыгскому материалу данное явление было отмечено впервые Г.Деетерсом и В. Майер-Еплером.² Для передачи адыгского глухого латерала *лъ* в абхазском языке используются три комплекса: *тл, тл, кл*. Подобным же образом воспринимается абхазами и адыгский звонкий латерал *л*, для передачи которого зафиксированы варианты *дл, лд* (последний комплекс результат метатезы сочетания *дл*). Процесс обязан нетипичности для абхазского языка подобного сочетания. Эта же причина обусловила появление вставки гласного в слове *ақалпад* «носок, чулок», ср. абх. *аклапад* при адыг. *лъапад* то же³. Интересна и сама

¹ Troubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues caucasiques septentrionales. —BSLP, 1922, t. XXIII, fasc. 3, # 72. Он же. Основы фонологии.— Москва, Изд. иностранной литературы, 1960, с.71

² Deeters G., Mejer-Eppler W. Die tscherkesischen s-lauten.—ZfPh, 1956, s. 119.

³ Сопоставляемые примеры данной главы взяты, в основном, из работ А.К.Шагирова.

природа передачи адыгских латералов несколькими комплексами. Для обоих адыгских латеральных согласных предполагается наличие двух вариантов передачи в абхазском языке. Комплекс *тл* (ср. абх. фолькл. *апатла* «временное перемирие» при адыг. *пlальэ* «срок; назначенное время») возникает как следствие прогрессивной ассимиляции *т* со стороны *л*. Таким образом, для передачи адыгского согласного *лъ* в абхазском избраны комплексы *тл*, *кл*. Для передачи звонкого латерала *л* здесь существуют также два варианта *дл*, *гл*.

Качество первых согласных этих комплексов оказывается в зависимости от места ударения в абхазском слове. В ударном слоге глухой латерал отражается в виде *тл* (абх. фолькл. *а́тлаш* «сильный, мощный, могущественный» адыг. *лъэш* то же; абх. фолькл. *а́цсауа́тла* «жизнь» – адыг. *псауа́лэ* «хозяйственные постройки»; абх. *апа́тла* «временное перемирие» – адыг. *пlальэ* «срок, назначенное время; абх. *а́тлаџа* (<**а́тлаџа*) «грязь, жижа (на дороге, тропинке)» – адыг. *лъэгъу* «тропа; след». В безударном слоге он передается в виде *кл* (абх. *аклапа́д* «носок, чулок» – адыг. *лъэлэ́д* то же. Подобная же зависимость предполагается и для комплексов, отражающих звонкий латерал. В качестве примера приведем абх. *чы́дла ду* «январь» – адыг. *шы́ла* (*ш*<*ч) «январь». Слов с первым согласным *д*-комплекса в безударном слоге нами не зафиксировано. Поскольку для передачи глухого латерального спиранта имеем сочетание *тл* в ударном слоге и *кл* – в безударном слоге, а для передачи звонкого латерала – сочетание *дл* в ударной позиции, то можно предположить, что при заимствовании основы со звонким латералом первый согласный ожидаемого

комплекса в безударном слоге должен быть *г*, которого, однако, в фактическом материале не встречаем.

К так называемым нетождественным соотношениям относятся и адыг. *х* – абх. *хь*, *қь*; адыг. *ху* – абх. *хə*, *қə*. Как видим, переднеязычный адыгский спирант *х* воспринимается абхазами в ударном слоге как *қь* (*ақьақəа* «жеребец» – адыг. *хáкуа* то же, абх. *асáқь* «засов» – адыг. *сэх*, абх. *ақьабз* «обычай, традиция» – адыг. *хáбзэ* «обычай, традиция; закон; привычка» – в адыгейском также «власть», абх. *ақьы́иа* «честный, праведный» – адыг. *хы́йа* «невинный»). В безударном как *хь* (абх. *адáхь(а)* почетный, лучший (о человеке) – адыг. *дáхэ* «красивый», абх. *Кьахь(ба)* «Кяхба» фамилия ср. каб.-черк. (уст). *ка́хэ* «адыгеец»). Адыгский лабиализованный спирант *ху* передается в абхазском в ударном слоге в виде *қə*: абх. *áқəитра* (<**ақəы́итра*) «иметь право» – каб. *хуыйт* «свободный». В безударном слоге он отражается как *хə*: ср. абх. *ма́хəа* слово из рефрена свадебной песни – каб. *ма́хуа* «день, добрый, счастливый».

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в нетождественных сочетаниях адыг. *ль* – абх. *л̣л*, *қл*; адыг. *л* – абх. *дл*; адыг. *х* – абх. *қь*, *хь*; адыг. *ху* – абх. *қə*, *хə*. Первые согласные комплексов в ударном слоге, по сравнению с находящимися в безударном, артикуляционно сдвинуты вперед.

Для абхазского слова *ақьағьары́иа* «посредник при сговоре» предполагалась форма *ахьағьары́иа* (ср. адыг. *хэгъэре́й* «(каб.) знакомый; близкий семье, дому человек; адыгейск. человек, который ухаживает за гостем»). В данном случае следует учитывать, что в в трехсложных и многосложных основах адыгских языков

Таблица нетождественных соответствий

адыг. согласные

абх. соответствия

	в ударном слоге	в безударном слоге
лъ	ТЛ - зубной	КЛ - переднемягко- небный
л	ДЛ - зубной	(ГЛ -?) переднемягко- небный
ху	ҚУ - переднемягко- небный	ХӨ - заднемягконебный
х	ҚЬ - переднемягко- небный	ХЬ - заднемягконебный

В нетождественном соотношении адыг. гъу – абх. гә, ɔ также прослеживается зависимость рефлекса от ударения. В ударном слоге следует ожидать ɔ (абх. *аоа'жь* «желтый» – адыг. *гъуэж* то же; абх. *аоы'за* «подобный; товарищ, друг» – адыг. *гъу'ыса* «спутник, сопровождающий, сторонник, сообщник»; абх. *аоа'бџа* // *аоа'бжъа* «бурый, коричневый с желтым оттенком» – адыг. *гъуа'пча* // *гъуа'бджа* «темно-серый, с желтым оттенком, выцветший». Напротив, в безударном слоге в абхазском имеем гә (абх. *аџьамы'гәа* «тягость, злосчастье», абх. *амы'гәацәгъа* то же – адыг. *мы'гъуа* «несчастливый, злосчастный»; абх. *агәакьы'иа* (*кама*) вид кинжала – адыг. *гъуч'ы'* «железо, металл (не

драгоценный)», предполагающее в старом произношении форму *гъук'ы'*. Здесь непонятен сам факт передачи адыг. *гъу* – абх. фарингальным *ɣ* при наличии в абхазском тождественным ему звуке *гə*. К числу фактов, подчиняющимся аналогичной закономерности, следует отнести, видимо, и соотношение адыг. *гъ* – абх. *г*. Здесь, в ударном слоге в абхазском следует ожидать *г* (ср. адыг. *бгъэн* «проклинаять, произносить проклятия» – абх. *абгара'* «проклясть, предать проклятию»), в безударном же – *гь* (ср. адыг. *та'гьса* «слабый» – абх. *а-та'гса* «вялый, слабый»; абх. *ады'гья* «адыг» – адыг. *ады'гъэ* «самоназвание адыгов», в более позднем заимствовании под влиянием русского языка имеем форму *ады'га*. Наличие сразу двух форм было использовано для различения слов *адыг* и *адыгеец*. За последней формой закрепилось старое заимствование, а слову *ады'га* придано значение «адыг»; абх. *ада'гья* «гордый; высокомерный; надменный» – адыг. *па'гъэ* то же.

Следует заметить, что в адыгейском языке отмечаются два ударения: силовое (экспираторное) ударение на последнем открытом слоге, и второе – на предпоследнем, которое заключается в продлении слога. В абхазском, судя по материалам, учитывается не динамическое а квантитативное ударение адыгейского языка.

Интересно отметить, что в соотношении адыг. *гъу* – абх. *гə, ɣ*; адыг. *г* – абх. *г, гь*, в отличие от предыдущих нетождественных соотношениях отмечается обратная зависимость от ударения, согласно которой в ударном слоге в отличие от безударного звук артикуляционно сдвинут назад.

Число примеров для последних трех соответствий

ограничено. Кроме того, нет полной уверенности в адыгском происхождении слова *абгара* «проклясть» (единственный пример на данное соответствие). Есть сомнения и по отношению других основ. В.А.Касландзия¹ этимологизирует абхазскую основу *абыза* «подобный, товарищ» как сочетание основ *ы* «два» + *за* «один», т.е., «двое одинаковых». Для идеосемантики предлагается другая абхазо-абазинская основа с аналогичным составом, с разницей лишь в огласовке ср. абаз. *оа'за*, абх. *аоа'за* «двойняшки» в абхазском только по отношению к животным. В абх.-абаз. *аоажь* // *оажь* «желтый» родственным с адыгским признается корень *оа* «сохнуть, засохнуть, высохнуть», но из-за затруднений в объяснении конечного элемента на абхазо-абазинской почве (в адыгских языках – это деривационный суффикс) слово признано адыгизмом.² Однако ср. абх. *агьягья* «округлый, круглый» (где налицо редупликация *гья* «круглый») при *а'гьяжь* «круг, круглый». Не исключено, что элемент *жь* в *аоа'жь* и *агьяжь* является архаичным суффиксом. Что же касается основы *оа'бцья* // *аоа'бцья* «бурый», то не исключено ее заимствование непосредственно из убыхского, откуда, видимо идет и адыгская основа.³

Вне зависимости от отнесенности данных слов к заимствованному или исконному фонду нетождественные соответствия адыг. *гъу* – абх. *га, о* находит свое подтверждение в абазинском материале, где число заимствований из адыгских языков значительно больше. Ср.:

¹ Касландзия В.А. О составе некоторых абхазских слов. // Алашара, 1974, № 5, с. 88 (на абх. языке).

² Шагиров А.К. Этимологический словарь... т. 1, №352.

³ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь... т. 1, №320

каб. *гъуы́дэ* «овод» — абаз. *ѡы́да* то же;
каб. *гъуы́джэ* «зеркало» — абаз. *ѡы́га* то же;
каб. *гъуы́нэ* «край, окраина; граница» — абаз. *ѡы́на*
то же.

Кабардино-черкесская основа *махуа* «день; добрый, счастливый» представлена в абжуйском диалекте абхазского языка двумя словами. С одной стороны, это — *ама́кәа* «хороший (охотничий язык)», с другой — *ма́кәа* // *ма́хәа* — слова из рефрена свадебной песни (наличие двух параллельных вариантов передачи адыг. *ху* в последнем примере, возможно объяснить и неразличением ударения в песенной фразе).

При внесении небольших дополнений в правило, сформулированное на основе отмеченных корреспонденций А.К.Шагировым,¹ мы приходим к следующему выводу: если в общих словах (основах) для адыгских и абхазских языков имеем соотношения:

в безударном слоге — адыг. *лъ* — абх. *л̣*, (адыг. *л* — абх. *гл*), адыг. *х* — абх. *хь*, адыг. *ху* — абх. *хә*;

в ударном слоге — адыг. *лъ* — абх. *л̣*, адыг. *л* — абх. *дл*, адыг. *х* — абх. *кь*, адыг. *ху* — абх. *қә* (для абхазских комплексов достаточно наличия в ударном слоге первого согласного), то в абхазском налицо заимствование адыгского лексического материала.

Акцентология. Наряду с вышеотмеченной спецификой передачи адыгских звуков в абхазском, в зависимости от позиции ударения, при определении неисконного характера того или иного слова, естественно использовать и другую черту ударения абхазского языка. В отличие от адыгских языков, где ударение в приобретенных основах подчиняется

¹ Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982, с.23.

закономерностям акцентологии заимствующего языка, абхазский – строго повторяет место ударения источника заимствования. Данное положение проверено также на материалах абхазских картвелизмов и тюркизмов. Здесь, однако, следует учитывать некоторые обстоятельства:

1) в некоторых основах как исконного, так и заимствованного характера произошла рецессия ударения на префикс общности. В слове *а'кәыитра* «иметь право», где подобный процесс реализован, первоначальное место ударения восстанавливается в композите: ср. *ахақәы'итра* «свобода» при адыг. *хуыйт* «свободный». Для восстановления первичного места ударения в абхазских основах следует перевести слово из общей формы в неопределенную. Ср. *а'кәыитра* «иметь право» – *кәы'итрак* «одно (неопр.) право»;

2) при различии позиций ударения в абхазских адыгизмах и их адыгских прототипах следует учитывать, что во многих основах адыгских языков исторически место ударения фиксировалось на последнем открытом слоге. Частично такое положение сохраняется сегодня в адыгейском литературном языке и его диалектах. Факты же, свидетельствующие о возможности и, тем более, – наличии ударения в первой части, при сложении основ отсутствуют.

Другие фонетические процессы. Здесь следует обратить внимание на следующий процесс. При наличии общих основ с аффрикатами, которые в адыгских языках восходят к заднеязычным *гь, кь, к'ь*, слово в абхазском языке является несомненным адыгизмом. Аналогичные фонетические процессы системного характера в абхазском и абазинском не произошли. Данное правило дает возможность вычленить адыгские элементы даже из сложных основ. Ср. абх. бз. *а-чапырхәа* «короткая

бечевка» состоящая из *чапы* – и абхазской основы *рхәа* «скрученный». Первая часть восходит, в конечном счете, к адыг. *щ/эп/* «конопя» – основной материал для изготовления шпагатов, веревок. В абхазском наличествует и более раннее заимствование *акъапырхәа*. Скорее всего, здесь мы имеем заимствование из абазинского языка.

Морфологическое освоение заимствований в абхазском языке имеет свои особенности. Как было отмечено выше, основы, усвоенные в абхазский язык из адыгских в виде глагола, оформляются суффиксом – *ра*. Ср. адыг. *гуыгъа* «надежда» – абх. *агәыҭра* «надежда; надеяться»; На основе данной закономерности из числа адыгизмов исключается лексема *абора* (<*абаура) «хлев» при каб. *боу* «сарай», закрытый хлев». В качестве его первоисточника иногда допускается славянское *обор(а)* «загон для скота, хлев»¹ Абхазское слово формально ближе к славянскому, однако, источником для абхазского скорее всего послужил какой-то тюркский язык (см. главу Древнейшие заимствования). Последовательность *-ра* относить в нем к суффиксу нет оснований.

Особенности семантики заимствованных слов. Известное положение об обычном сужении объема значения у заимствованных слов хорошо иллюстрируется на материале абхазских адыгизмов. Ср. адыг. *ма'шэ* «яма» – абх. *ама'ша* «могильная яма»; адыг. *д'аха* «красивый» – абх. *ада'хьа* «почетный, лучший (о госте)»; адыгейск. *уэндэ'гъу* «тяжелый, грузный; беременная» – абх. *ауада'о* «тягость». Абхазское исконное слово *ахьамҭа* // *ахьанҭа* покрывает все значения адыгейского слова. Заимствованная лексема

¹ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь ... т.1. №195, т.2. № 292).

выступает в абхазском только в ее абстрактном значении.

В предварительных замечаниях к данной работе мы указывали, что близость абхазского и абазинского языков затрудняют выявлению внутригрупповых заимствований. Сам тезис о заимствовании адыгизмов через посредство абазинского языка носит скорее теоретический характер, чем практический. Однако в некоторых случаях в среде адыгизмов абхазского языка мы имеем отклонения от вышеотмеченных форм и правил заимствований, которые явно указывают на абазинский источник. Так, довольно странно ведет себя акцентологический рисунок предполагаемого абхазского адыгизма *гаехэара* (<**аехэара*ʔ) «хвалиться, хвастаться» – адыг. *шытхуғын* // *шыытхығын* «хвалить». Здесь, вместо ожидаемой формы *аехэара*, мы имеем ударение на последнем открытом слоге. Кроме того суффикс *-н* заменен на его абхазский аналог *-ра*. Ср. так же адыг. *тхэжын* «благоденствовать, блаженствовать, жить в полном довольстве, обильно и вкусно питаться» – абх. *атхагцъра* «обильно и вкусно поесть», и здесь замена *-н* на *-ра*. Подобное этимологическое осознание основ не могло произойти не абхазской почве. Замена могла произойти только на почве абазинского языка. Широко распространенный в среде абазин адыго-абазинский билингвизм, способствовал освоению основ в данной форме, откуда уже они были заимствованы в абхазский язык. Билингвизм абазин способствует образованию сложно-составных калек по моделям адыгских языков. Ср. абаз. *хахэит* «свободный, вольный» построено из абаз. *ха* «голова» и адыг. *хуит* «свобода, воля» В кабардинском имеем *шъхьахуит* «свобода, воля» (при *шъхьа* «голова»). Ср. также а бх. *ахақәитра* «воля, свобода». Абаз. *фәпей* «малыш», состоит из абаз. *фә* «лицо» и каб. *плей* «грязь, нечистоты», ср. абх. *ачақәта-*

пей. Сюда же следует отнести и вышеуказанную основу *ачапырхэа* «короткая бечевка».

Среди абхазских адыгизмов выделяется отдельная группа заимствований, которая фигурирует только в фольклорных текстах.

Ср. адыг. *платла* «срок» – абх.фолькл. *патла* «временное перемирие»;

адыг. *джана* – абх. фолькл. *цъана* «рубашка»;

адыг. *иныжь* – абх. фолькл. *аиныжэ* «великан»;

адыг. *гиата* – абх. фолькл. *гъаџа* «сабля»

адыг. *-хуа* – абх. *-хэа* «сын». Для абхазского ср. *Пшькъаџ-ихэа Манча*. Причем, сама фамилия *Пшькъаџ* этимологизируется на адыгском как «маленький князь».

Причина подобного явления до сих пор не объяснена. Известно, что между Северным Кавказом и Закавказьем постоянно происходили локальные миграционные процессы в обоих направлениях. Можно предположить, что данные основы проникли в абхазскую среду вместе с фольклорными текстами, привнесенными мигрантами–абазидами. Не получив распространение, в языке они тем не менее, в силу консервирующей специфики фольклорных текстов сохранились в них.

Чрезмерная близость языков или даже отдельных его элементов самым серьезным образом сказывается на попытках разграничения генетически общего фонда от заимствованного словаря. В целом ряде основ, таких как: абх.-абаз. *ацагэ* // *цагэа* «тупой (не острый)», адыг. *цакӀуэ* // *дзгуа* то же, убых. *цагэа* то же;

абаз. *цагэа* «курносый; тупоносый», абх. *аџагэа* «куцый; тупоносый», каб.-черк. *пагуа* «курносый; тупоносый»;

абх.-абаз. *аџаса* // *џаса* «ранний», адыг. *пас* // *пасэ* то же;

абх.-абаз. *акьаса* // *кьаса* «поздний», адыг. *чӀаса* («*кӀьаса*») то же;

абх.-абаз. *аҭаца* // *ҭаца* «ус» — в абхазском также и «борода; волосяной покров лица», адыг. *пачIэ* // *пашьэ* «ус, усы»;

абх.-абаз. *аҭсаҭа* // *ҭсаҭа* «благодее́ние, доброе дело, за которое возда́ется на том свете», адыг. *псапэ* то же, прослеживаются одни и те же составные элементы, наличествующие в названных языках.

Адыгское *цакIуа* // *дзагуа* «тупой (не острый)» расчленяется на *ца* // *дза* «зуб, зубец; лезвие, резец» и суффикс *-кIуа*, *-гуа*, возводимый к основе *гуа «маленький». Ср. убых. *агә*, *гәы* то же.¹ Соответствующая абхазо-абазинская основа членится на *ца* «зуб, клык, резец» и несвободный корень *гәы* // *гәа* «тупой» Ср. абх. *ахыгә* *агә* «затупленный» где налицо редупликация корня *гәы*. Ср. также абх. *акьатагә*, *апатагә* «куцый», *акьагә* «короткий, куцый». Мотивом для отнесения абх.-абаз. *цагәа* к адыгизмам послужило предположение, по которой в абхазско-абазинской основе первый компонент следовало ожидать в виде *ц(ы)*, а не *ца*². В отличие от адыгских языков для абазинского, абхазского и убыхского в силу специфики их силового (динамического) ударения очень характерны частичная и полная редукция гласных. Для различия в вокализме в одних и тех же основах ср. абх. *аҭаҭсра* // *аҭьҭсра* «обгонять», *аҭаҭхьа* «ранее», *аҭьҭхьа* «в прошлый раз», *аҭҭхьа* «впереди» (нулевая огласовка). В абхазо-абазинском слове первый элемент выступает с огласовкой на *а* (*ца*). Этимологический и для абхазско-абазинской основы реконструируется гласная *а*. Пока не будут более веских оснований отнесения данной основы к адыгизмам, следует согласиться

---

¹ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь... т.1. № 162, № 447.

² Там же.

с Г.А.Климовым¹, К.С.Шакрылом² и А.И.Абдоковым, склоняющимся к признанию генетической общности данных слов. Заимствованным, однако, необходимо признать абаз. *загәа* «тупой» (<каб.-черк. *дзагуа*), параллельно сосуществующее с формой *цагәуа*³.

Абх-абаз. *аҧагәа* // *ҧагәа* «тупой» расчленяется на *ҧа* «передняя часть, нос» и вышеотмеченный элемент - *гәа*. Ср. адыг. *ла* с тем же значением.

В пользу отнесения абх-абаз. *аҧаца* // *ҧаца* «ус» — в абхазском также и «борода; волосяной покров лица», к адыг. *пачIэ* // *пашьэ* «ус, усы»; послужила отмеченная еще Н.Я.Марром⁴ неопределенность семантики (а точнее, взаимозаменяемость синонимов) адыгизма в абхазо-абазинском *ажакьа* // *жакьа* «борода» и *аҧаца* // *ҧаца*. В абхазо-адыгских языках данная лексема расчленяется на *ҧа* «нос» и *ца* // *чI*, *шы* «дно, низ». Внутренняя форма его «под носом»⁵.

«Неопределенность» семантики слова в абхазском находит свое объяснение в историческом прошлом. Исходя из иллюстрации начала и середины XIX века, а также сообщений различных источников известно, что абхазы усы и бороду не брили, оставляя их как знак чести и достоинства мужчин. С переменой моды бороду стали сбривать, а усы оставлять. Термин *аҧаца* расши-

---

¹ Климов. Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. 1. (исконный фонд). // Этимология, 1965. Москва, 1967, с. 305.

² Шакрыл К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. с.76.

³ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь... т.1, № 447. См. также Ионова С.Х. Кабардино-черкесские лексические заимствования в абазинском языке. // Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с.33.

⁴ Марр Н.Я. Абхазско-русский словарь: Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Ленинград, 1926, с. 26, 77; См. также Шагиров А.К. Этимологический словарь... т.2, № 995.

⁵ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь... т.1. № 995.

рил свое значение и стал выступать и в значении «ус, усы». Подобные явления, происходят в языках довольно часто. Тем не менее, язык попытался все же разграничить эти понятия *усы* и *борода*. Для чего потребовалась еще одна основа. Появилось слово *аҭыхцәы* «борода (арх.)» но было вытеснено заимствованным из адыгского словом *ажакъа* то же. В абазинском разграничение исконной и заимствованной формы завершено. За словом *цца* закрепилось значение «ус, усы», а за заимствованием *жакъа* «борода». Против отнесения абхазо-абазинского слова к адыгизмам говорит и его семантика. Как известно, семантика лексем в заимствующем языке сужается. У абхазско-абазинского слова семантика шире чем у адыгского. При трактовке слова в качестве адыгизма необъясненной остается и передача адыг. *ч/шъ* через абх.-абаз. *ца*. Подобное соответствие засвидетельствовано в генетически общем для рассматриваемых языков фонде¹.

К адыгизмам относят и абх-абаз. *аҭсаҭа* // *ҭсаҭа* «благодетельство, доброе дело, за которое воздается на том свете», при адыг *псапэ* то же. В обеих языковых группах лексема членится на *пса* «душа» и *ца* «нос, передняя часть». По А.К.Шагирову, здесь могло иметься в виду «предстоящее»². Ср. также абх. *иа-пыу* «положенное», т.е., «душе положенное». Учитывая основное направление заимствований из адыгских в абхазский и абазинский языки, отнесение к адыгизмам ряда основ даже при неполной их этимологизации на адыгской почве нередко вполне оправданно. Однако, в каждом конкретном случае необходимо соответствующее обоснование. В нашем случае следует учитывать, что:

---

¹ См. Климов. Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. 1. (исконный фонд). // Этимология, 1965. Москва, 1967, с. 305.

² Шагиров А.К. Этимологический словарь... т.2. № 1012:

1) по своим составным слово одинаково этимологизируется на всех западнокавказских языках;

2) по своей семантике оно может отражать и общие языческие понятия;

3) возможно параллельное развитие лексем, тем более что они состоят из наиболее продуктивных для всех западнокавказских языков основ. Фактов однотипной структуры сложных слов в абхазском, абазинском и адыгских языках немало.

Как известно, одним из критериев отнесения слова к заимствованному фонду является отсутствие коррелятов производящих основ в заимствующем языке. При наличии же подобных элементов отнесение слова к неисконной лексике становится менее вероятным, даже при неполной прозрачности его составных частей.

Подобное положение мы имеем с некоторыми абхазскими основами, отнесенными в специальной литературе к адыгизмам: *а́кәыш* «умный», *а́чыхә* // *ачрыхә* «бледно-синий; светло-серый (об ограниченной поверхности)», *агәжәажәара* «волноваться», *азгәапа* // *ацгәапа* «войлочная подстилка» и др.

Абх.-абаз. *а́кәыш* // *кәыш* «умный» – адыг. *йуышъ* // *йуыш*, в хакучинском говоре *кы/уыш* то же. Для адыгской формы здесь предполагается корневая морфема *йу/кы/у* «рот» и *шъ* // *ш* – словообразовательный суффикс со значением качества, свойства¹. Для первой части абхазо-абазинской основы ср. абх. *а́кәыбча* «умный (о ребенке)», абх. *а́кәыга* «умный; мудрый». Т.е., первая часть абхазо-абазинского слова *кәы* (*а́кәыш* // *кәыш*) имеет свои корреляты совпадающие с ним как по форме так и по содержанию.

Абх. *чыхә* «синий, голубой (об ограниченной поверхности)», *ачрыхә* «бледно-синий, светло-серый (об ограниченной поверхности)» – адыгейск. *кыфы* > *чыфы*

«бледный», каб.-черк. *шъыху* «синий, бледный»¹. В абхазском, судя по вставке -р, основа члениться, что уже ставит под сомнение заимствованный характер основы. Кроме того, первый компонент основы *чы-* встречается и в других терминах цветообозначения. Ср. абх. *ацыгра* «пестрый (местами или же об ограниченной площади)». Здесь *чы-* восходит к корню *чы-* «малость, невеликость», а *гра* - «пестрый»; абх. *ацышәшәыра* «небольшое темное пятно; переносно и «письмо; грамотность (груб.)». Здесь тот же корень *чы-* и плюс *шәы-* «черный». Ср. также абх. *ацышәра* «пачкать; красить (об ограниченной поверхности)» с теми же составными.

Абх.-абаз. *агәжәажәара* // *гәжәажәара* «беспокоиться, тревожиться, волноваться (в абазинском также «спешить») – адыг. *гуызэжъуан* // *гуызэвэн* «беспокоиться, волноваться» в адыгейском, диалектно и в кавказском, слово означает также «спешить, торопиться». В адыгских языках слово этимологизируется как *гуы* «сердце» и *зэжъу* // *зэв* «узкий, тесный»². Первый компонент *гәы* – общая основа для всех абхазо-адыгских языков. Для второй части абхазо-абазинской основы можно предложить корень *жәа* «трепать» или же корень *жәа* из образоподражательной основы *ажәжәахәа* «быстро, наспех».

Абх. *бзамыкә* «глупый, невежа; разиня, простофиля» адыг. *бзэмылу* «не знающий языка окружающих, говорящий на ломаном языке» (о носителях диалектной речи или о тех, для кого данный язык является неродным). На почве адыгских языков А.К.Шагиров разъясняет этот композит как *бзэ* «язык (речь)» и *мылу* (исторический – *мыкъу*) «не разносящийся, не раздающийся»³. Убыхскую форму Ю.Месарош интерпретирует как «чей

---

¹ См. Шагиров А.К. Этимологический словарь... № 1307, № 1561.

² Там же. Т.1. № 262.

³ Там же. Т.1. № 169.

язык не сгибается»¹. Объяснение Ю.Месароша применимо и к абхазо-абазинскому слову. Ср. бза - «язык» + *м* – аффикс отрицания + *кəь* «сгибаться».

Абх. *абыкə, абакə* «толстый (об округлых предметах), бревно, в которое вставлены доски деревянного дома, пилястр» – адыг. *п'къэу // п/кəу* «столб, бревно, свая, стойка» в кабардино-черкесском и *быкьəу*, убых. *быкьəу* «толстый»². Во всех языках здесь явно звуко-символическая основа с общим значением «округлый, выпуклый», распространенная во многих языках Кавказа.

Не до конца ясным остаются этимология и взаимосвязь лексем: абх. *акəастə* «горящая головня» – адыг. *уэстыгьэ // уэздыгьэ* «лампа, светильник», абх. *амахə* «зять» – адыг. *махуыльэ // мальыхэ* то же; абх. *аҭаҭада // аҭҭада* «старик, старец» – адыг. *тхьамада // тхьамата* «тамада, старший (при обращении к незнакомому старику)», в кабардино-черкесском и «свекор» (чаще всего в сочетании с жь «старый»³. Для адыгского слова предполагается заимствование из персидского *damad* «зять, жених, ухажер, тесть» через турецкое посредство, где имеем *damat, damad* «зять» исторический – «зять султана (титул)». Развитие семантики «зять, свекор, старшина» и т.д. В.И.Абаев объясняет народно-этимологическим осмыслением второй части слова как *ada // ata* «отец»⁴. Не объясненным остается согласный *х // хь*, что ставит под сомнение турецкий и персидский источники. Без определения языка – источника говорить о направлении заимствования рискованно.

---

¹ Von Meszaros J. Die Рdkhy. I. Sprache. – Studies in Ancient Civilization, # 9, 1934. The Oriental Institute of the University of Chicago. Budapest. Chicago

² См. Шагиров А.К. Этимологический словарь ... т.2. № 1111.

³ Там же. № 1251.

⁴ Abaev V.I. Contribution a l'histoire des mots. – Mǐlanges linguistiques offerts a Emile Benveniste. Paris, 1975, s. 5-10.

Что же касается абх-абаз. *уар(а)ида* песенный рефрен, при адыг. *уэрэд* "песня" (в кабардинском это слово возможно и в виде *уэред*, то отнесение его к какому-либо определенному языку весьма затруднительно. Не исключено, что здесь следует видеть исконный для всех западнокавказских языков материал. Адыгское *уэрэд* "песня" идет из распространенного песенного рефрена¹. Основа во всех западнокавказских языках довольно отчетливо разложима на *уа* // *уэ* – усиительное междометие, и *раида*, *рада* – аллитерирующее звуко сочетание². На исконность данного рефрена в абхазском языке указывает наличие большого количества вариантов и без усиительной частицы, отсутствующих в своем большинстве в адыгских языках. Ср. *рада*, *раид*, *раида*, *рид*, *радагъышьагъа*, *радагъа*, *рарира*, *рампа*, *рашьа*, *рад*, *реирашьа* и многие другие, что как будто указывает на дальнейшую членимость основы на составные элементы. Впрочем, отдельные формы рефрена могли заимствоваться. Так, в абхазской песне, посвященной приводу невесты, отмечаются следующие рефрены *уа радеда мафа* (бз.), *уа радеда мақаа* (абж.), *уаридада мыгъа*. Ср. адыг. *махуа* // *мафа* «добрый, счастливый» и адыг. *мыгъуа* «несчастливый». Еще в одной архаичной песне зафиксирована неясная фраза *атла цсирири цсикъаана*, используемая в качестве рефрена, которая не расшифровывается на адыгских языках. Судя по комплексу *тл*, здесь должен быть латерал *лъ*, который характерен для адыгских и убыхского. Возможно это убыхская фраза, по крайней мере, часть основы *цсикъаана* напоминает убых. *къаана* «сыновья».

¹ См. Климов. Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. 1. (исконный фонд). // Этимология, 1965. Москва, 1967, с. 300; См. также Шагиров А.К. Этимологический словарь... т.2. № 1282.

² См. Von Meszaros J. Die Pdkhy. I. Sprache... s. 201.

ТЮРКСКИЕ, АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Контакты абхазов с тюркоязычными народами также имеют довольно давнюю историю. Сколько-нибудь реально о них можно говорить с VII в., т.е. со времени возникновения хазарского каганата. Основные потоки миграции тюрков в этот период шли в сторону Кавказа с севера. Хазары уже в VI в. совершили опустошительные набеги на Закавказье.¹ Абхазия, расположенная на одном из важнейших перекрестков миграционных и торговых путей, не могла не быть втянутой в политические, экономические и культурные связи с тюркскими народами. Исторические источники сохранили нам известие о династическом браке абхазского царя Леона I с дочерью хазарского кагана (VIII в). Их сын Леон II, используя поддержку хазар, осуществляет целый ряд политических мероприятий: добивается отложения Абхазии и Лаики от Византийской империи, и провозглашает Абхазское царство (80-90 гг. VIII в)².

Начало тесных контактов абхазов с тюрками восходят к XVI столетию. После завоевания Константинополя (1453 г.), турецкие султаны включили в свои экспансионистские планы и Кавказ. XVI-XVIII века знаменуются в Абхазии господством Султанской Турции. Насаждение мусульманства, военное давление, консервация способа производства на традиционном уровне, разобщение отдельных исторически

¹ Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.: Наука, 1979, с.6, 216, 230.

² Очерки истории Абхазской АССР. Ч.1. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с 67.

сложившихся политических единиц, подкуп местной феодальной знати, развитие работорговли нашли свое отражение в большом числе лексических заимствований из турецкого языка.

Именно турецкая лексика, в том числе диалектная, составили основное количество тюркизмов абхазского языка. Более широко они представлены в бзыбском диалекте. Отчасти это связано с тем, что в бзыбской Абхазии «ислам распространился значительно быстрее и основательнее,¹ а отчасти – с фактом последующего вытеснения части тюркизмов в абжуйском диалекте картвельскими заимствованиями. В самом абжуйском диалекте число турцизмов по говорам в количественном плане также варьирует. Здесь они представлены более широко в речи тех сел, где раньше находились мечети, такие как Джгярда, Члоу, Гуп. Кроме того, в этих селах жили и тюркские этнические элементы, в основном турки, сезонные рабочие и постоянные жители, занимавшиеся табаководством.

Хронологизация турцизмов в абхазском языке составляет сложную проблему, поскольку связи абхазов с Турцией не прекратились и после XVIII столетия, а продолжались вплоть до начала XX столетия. Здесь приходится учитывать и развитие абхазского языка за этот период (XVI – начало XX веков), а также развитие фонетики и семантики слов самого турецкого. Должно быть очевидным, что современный литературный турецкий язык отличается от языка солдат и торговцев, военной и гражданской администрации, турецких переселенцев эпохи XVI-XIX вв., с которыми в основном контактировало на Кавказе местное население.

¹ Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухуми, Алашара, 1976, с. 74.

Отсутствие сколько-нибудь старых письменных памятников абхазского языка, а также диалектных словарей турецкого языка серьезно затрудняют хронологизацию абхазских турцизмов. Исходя из анализа доступного материала мы можем утверждать, что, по крайней мере, целый ряд лексем в абхазском языке идет из средневекового турецкого или же его диалектов: Ср.:

ср.-тур. диал. *kef¹* – абх. *ақьаф* «хорошее расположение духа.» при тур. литературном *koşuif* «самочувствие; здоровье и т.п.»;

ср.-тур. *şoha* – абх. *ачауҳа* «сукно; драп» при современном тур. лит. *şuha*.

Фонетику передачи гласных смотрите ниже.

И, наоборот, такие основы как *ачадыр* «шатер» при совр.тур. *şadır* то же, не могут идти из ср.-тур. *şator* то же.

Сравните так же: ср.-тур. *hasur*, современный тур. *hasar* – абх. *аҳасыр* «цыновка»;

ср.-тур. *beg*, современный тур. *bey* – абх. *абеиа* «богатый» и т.д.

Еще сложнее обстоит дело с отграничением иного тюркского материала от собственно турцизмов, а также с выявлением ранних заимствований из тюркских языков. Здесь наряду с вышеотмеченными факторами, затруднения вызывает фонетическая близость самих

¹ Здесь и далее материалы средне-турецкого языка, а также диалектные данные, взяты из двухтомника Норберта Борецкого «Der türkischer Einfluss auf das Albanische. T.I. Phonologie und Morphologie der Albanischen Turzismen.— Albanische Forschungen, hrg. von G. Stadtmüller. B.XI. Wiesbaden, 1975, 279 S. \ T. II. Wörterbuch der Albanischen Turzismen.— Albanische Forschungen, hrg. von G. Stadtmüller. B.XII. Wiesbaden, 1976, 225 S.

тюркских языков. Древним вкладом в абхазскую лексику мы можем сугубо предположительно назвать, например, абх. *саунау, сауана* (известны и другие фонетические варианты) «божество жерновов и мукомолья» – ср. общетюркское божество воды Сууана (букв. Мать воды). Если соположение корректно, то данное языческое божество не могло быть заимствовано из уже мусульманской Турции.

Проблеме лексических заимствований из тюркских языков Кавказа в западнокавказские посвящена монография М.А.Хабичева «Взаимовлияние языков Западного Кавказа». Автор пишет здесь, в частности, что «как и прежде, в научных исследованиях господствует неверная точка зрения, будто большинство тюркизмов в осетинском, абхазо-адыгских, мегрельском и сванском языках не результат влияния древнекарачаевобалкарского, а наследие турецкого, татарского, половецкого и других языков. Мы не отрицаем определенного влияния турецкого, татарского, половецкого и т.д. языков на лексику языков Западного Кавказа. Однако, изучение заимствований приводит к бесспорному выводу о том, что подавляющая часть тюркизмов языков Западного Кавказа по значению, звучанию, составу грамматических признаков и употреблению восходит к карачаево-балкарскому языку. Поэтому нечего строить догадки о возможном заимствовании слова из какого-то другого языка».¹ Не касаясь вопроса влияния тюркских языков Кавказа на другие западнокавказские языки, можно отметить, что, несмотря на столь категоричный тон автора, предлагаемые им соположения в большинстве своем следует отклонить, а их оставшая часть требует

Хабичев М.А. Взаимовлияние языков Западного Кавказа. Черкесск, 1980, с. 9.

дополнительного обоснования. Сам факт отнесения автором карачаево-балкарских и абхазских связей к древнейшей эпохе весьма сомнителен. В монографии, посвященной тюркоязычным ареалам Кавказа, Н.З.Гаджиева отмечает, что: «Кумыкский и карачаевобалкарский языки по некоторым особенностям более тяготеют к тюркским языкам Поволжья – татарскому и башкирскому. Наличие этих языков на Кавказе во времена хазар и тюркоязычных болгар весьма сомнительно».¹ Среди слов приводимых М.А.Хабичевым, можно выделить несколько групп.

1. Это тюркские основы, акцентологический рисунок которых указывает на посредничество для абхазского нетюркских языков. Ср.:

к.-балк. *бакъсы́м* (арх). «напиток из ячменя» (ср. др.-тюрк. *бухсум* «напиток из проса»), – абх. *абаҭсма́* «буза»;

к.-балк. *тамгъа́* «тавро, тамга; метка, знак», др.-тюрк. *тамкъа́*, тур. *damgá* то же) – абх. *адамы́ҭа* «тамга». Подобный акцентный рисунок в последней основе, скорее должны были дать адыгские языки, где место ударения строго регламентировано (ср. каб.-черк. *дамы́гъэ* то же). Далее здесь можно назвать к.-балк. *къала́* «крепость», с которым автор сопоставляет целый ряд абхазских слов: *ака́ла* «крепость», *акъа́ла* «шалаш», *ақалақъ* (<**ақала́қъ*) «город». Ни одна из этих основ не идет непосредственно из тюркских языков. В последнем случае явный картвелизм (ср. груз. *қала́қхи* «город»). Не идет из тюркских судя по акцентологии и формы *тепсі́* «поднос», *гогу́ш*, *коку́ш* «индюк, индейка», ср. абх. (абж.) *ате́ҭс* «миска», *акә́акәышь* «индюк, индейка». Здесь в обоих случаях для абхазского мегрелизмы. То же самое следует сказать о многих других сопоставлениях.

¹ Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.:Наука, 1979, с.239.

2. Лексемы, фонетический и семантический облик которых прямо указывает на турецкий источник. Ср.:

к.-балк. *джашил* «зеленый», тур. *eşil* то же, – абх. *аиашьыл* (<*аиашьы* л то же. (Фонетику передачи гласной е см. в главе «Картвельские заимствования.»)

к.-балк. *гёген* «медный кувшин», тур. *güçün* то же – абх. *агәыгәым* то же, и др.

3. Лексемы, исконный характер которых в абхазском языке сомнения не вызывают. Назовем здесь в частности, к.-балк. *чага* «мотыга» при абх.-абаз. *аага* то же. В абхазско-абазинском материале внутренняя форма совершенно прозрачна (ср. *а-аа-ра* «мотыжить» + суффикс орудийности *-га*. Ср. далее к.-балк. *чакъынджик* «сорока; галка» автор сопоставляет с абх. *ашшаадыч* «синица». Кроме отдаленного фонетического созвучия, эти лексемы не имеют ничего общего. Абхазское слово расчленяется на *ашша* «сало, жир» + *адыч* «вор, воровка». Внутренняя форма «ворующая сало». К.-балк. *къаура* «сухой бурьян» сопоставлено с абх. *аҳәыира* «бурьян». Абхазская основа этимологизируется как *а-ҳә-ра* «пастись» + *а-йы-ра* «травяной покров».

Сюда же следуют отнести и звуко-символические слова, в частности, термины родства. Отвергая общепринятое положение о широком бытовании в различных языках мира созвучных основ «мать», «матушка», «отец», «бабушка», «дедушка», которое согласно автору, «не может быть принято всерьез» (с. 14), он предлагает для кавказских слов опять-таки карачаево-балкарский источник.

4. Наконец, сюда зачислены и широко распространенные по языкам культурные термины, строгая исконная атрибуция которых затруднительна.

Ср., например, к.-балк. *гыдай* «безрогая коза» –

абх. *агды* «безрогий, комолый». Слово наличествует во многих языках.

К данной группе мы относим и абх. *акáма* «кинжал», породившее так много противоречивых толкований. По Г.Дёрферу, в иранских языках эта лексема заимствована из тюркских или же, судя по ареалу ее распространения, даже из кавказских языков. В балканских же языках она идет из турецкого¹. П.Адриотес считает, что новогреческое *χαμα* восходит к древнегреческому.² Последнее утверждение Н.Боретски считает неубедительным.³ В.И.Абаев предполагает источником для кавказских языков араб.-перс. *qam'a* «кинжал прямой.»⁴ По А.Шифнеру, абхазская основа идет из осетинского *qama*.⁵ А.И.Абдоков пытается дать этимологию на материале адыгских языков, привлекая адыг. *la-* (<*кхъ) в составе слова *уылан* «ранить», а также абх.абаз. *ka-* «резать» + инструментальный аффикс *-ма*⁶. Возражая ему

¹ Deorfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967, S. 406-407.

² Andriotes N.P. Etimologiko lexiko tes koines neollim kes. Athen, 1951.

³ Boretzky N. Der türkischer Einfluss auf das Albanische. T. II. Wörterbuch der Albanischen Turzismen. – Albanische Forschungen, hrg. von G. Stadtmüller. B.XII. Wiesbaden, 1976, S. 74.

⁴ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II, Москва-Ленинград, 1973, с. 261.

⁵ Schiefner A. Ausführlicher Bericht über der General Baron Peter von Uslar's. Abchasische Studien. – Memoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, t. VI, №12, 1863, S. 44.

⁶ Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик.: Эльбрус, 1973, с. 15, 55.

А.К.Шагиров предлагает ориентироваться все же на тюркский материал. Тюркское слово, по А.К.Шагинову, может содержать суффикс *-та*, образующий от глагольных основ различные имена, в том числе существительные со значением орудия действия¹. На тюркском материале данную лексему разъясняет М.А.Хабичев. Здесь им выделяется основа *къам-*, которая, по автору, видимо, связана с др.-тюрк. *qat-* «сваливать; сбивать; ударять», сочетающаяся с имяобразующим аффиксом *-а*. Семантика же слова не отделима от таких слов, как к.-балк. *къама* «тупеть (о лезвии); болеть (о глазах)». В кавказских языках основа, согласно М.А.Хабичеву, заимствована из карачаево-балкарского². К данным материалам он привлекает и груз., мегр. *кама* «кинжал». Думается, что и другая картвельская основа *хами* «нож», имеет сюда непосредственное отношение. Следует добавить также, что в турецком, наряду с формой *qatá*, существует и *qáta* «кинжал»³, что может быть источником для абхазской формы. Нельзя исключать возможность его этимологизации на абхазской почве. К примеру, *ка-* «резать» + *ма* «рука», здесь, внутренняя форма «режущая рука».

Вышеприведенные примеры показывают, как непросто найти порой первоисточник широко распространенного слова. Еще труднее выявить пути миграции слова от языка к языку. Наряду с трудностями фонетического и семантического характера здесь необходимо учитывать и экстралингвистические

¹ Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I, (А-Н). М.:Наука, 1977, № 634.

² Хабичев М.А. Взаимовлияние языков Западного Кавказа... с. 72.

³ Boretzty N. Der türkischer Einfluss ... S. 74.

факторы, т.е., для отнесения основного числа тюркизмов абхазского языка, к карачаево-балкарскому источнику, требуется серьезное обоснование, объясняющее одностороннее заимствование такого числа основ.

Одностороннее заимствование такого числа основ предполагает значительное превосходство престижного потенциала дающего языка. «Престижный потенциал – это относительная способность языка быть активной стороной при контактах с другим языком или другими языками. Легко видеть, что престижный потенциал не определяется внутренними свойствами контактирующих языков и, стало быть, не является узко лингвистическим понятием. Решающими оказываются внеязыковые факторы: культурные, экономические, социальные, демографические, политические, даже чисто военные»¹.

Так, для отнесения к турецкому языку основной части тюркизмов абхазского языка есть серьезные экстралингвистические обоснования. Двухсотлетнее присутствие турков на территории Абхазии, экономические, политические и военные связи, миграционные процессы и смешанные браки, при котором в Абхазию попадало немалое число этнических турок, а в более поздний период, широкая волна армян и греков из Турции привело к повсеместному распространению турецкого языка, при котором (по крайней мере в XIX начале XX вв). основная часть мужского населения Абхазии в той или иной степени владела турецким языком. Что же касается карачаево-балкарского, то его основные, сезонные контакты отмечаются в основном с племенем *ахчыгъсы*,

¹ Абаев В.И. Значение ареальных контактов в истории языка. // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, с. 8.

локализовавшимся на Бзыбском хребте. (Во время махаджирства были выселены в Турцию). Отсюда и карачаево-балкарское *хачипсалы* «абхаз». Каких либо этнолингвистических причин, заметно выделявшим карачаево-балкарские языки, по крайней мере для абхазского, не фиксируются.

Прямо противоположной по своей форме является статья Г.З.Шакирбай «О турецких лексических заимствованиях в абхазском языке»¹. Здесь, в список турцизмов включены наряду с собственно турцизмами и немало основ, предполагающих нетюрское посредство, например, адыгское или картвельское. Работа отличается от всех остальных наличием большого практического материала. Автором привлекается 276 основ и их корреспонденции в абхазском языке. Здесь отмечаются также некоторые вопросы фонетической адаптации звуков.

В качестве подспорного материала абхазские тюркизмы отмечаются во многих работах. Немалое их число, нередко, впрочем без указания не конкретный язык-источник, можно найти в словарях В.И.Абаева² и А.К.Шагирова.³

Как видно из предыдущего материала, одной из трудностей анализа абхазских тюркизмов, как и тюркизмов в других кавказских языках, является проблема разграничения собственно турцизмов, т.е., непосредственных заимствований из турецкого языка и его диалектов, от слов восточного происхождения, попавших в абхазский язык через посредство других

¹ Шакирбай Г.З. О турецких лексических заимствованиях в абхазском языке. — Известия АБИЯЛИ, т. II, Тбилиси, 1973.

² Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка...

³ Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков...

языков Кавказа. В некоторых случаях уже фонетический облик слова может указывать на язык-посредник. Так, например, слово *aḡára* при тур. *para* «деньги, монета», скорее указывает на картвельский источник, где согласно акцентологическому закону грузинского языка ударение падает на предпоследний слог *ḡára*. Напротив, абх. *aṭer(a)zy* «портной», при тур. *terrasí*, диал. *terzí* невозможно вывести из груз. *ṭérzi*, диал. *ṭérzi*, мегр. *ṭérzi* то же. Впрочем, как уже указывалось, иногда приходится считаться с воздействием на формирование конечного облика абхазской заимствованной лексемы обоих языковых сред – турецкой и картвельской.

По отношению к картвельским языкам позиция ударения может указывать на источник заимствования при наличии в турецком слове ауслаутной гласной, которая в отличие от положения в картвельском слове является, как правило, ударной. При закрытом конечном слоге в турецком слове в исходе грузинского и мегрельского слова с исходом основы на согласный добавляется показатель именительного падежа *-и*, и ударение оказывается на втором слоге от конца основы. При данных обстоятельствах позиция ударения уже не сможет послужит критерием отграничения турцизмов, проникших непосредственно из турецкого языка или через посредство картвельских. Имеются сложности подобного плана и с материалом адыгских языков. Фиксированное место ударения адыгских слов совпадает с ударением в турецких основах с закрытым слогом.

Как известно, в связи с сильным воздействием арабского и персидского языков на турецкий и влияние старого письменного языка на разговорный, в старой Турции развились три языковых стиля, неоднородных как по своему фонетическому, так и лексическому облику.

Материалы же по стилям в словарях не зафиксированы. Отсутствуют словари и по большинству диалектов турецкого языка. Все это, а также эволюция фонетического и семантического облика слов в турецком языке затрудняют выявление исходных форм для их абхазских корреспонденций.

В подобных случаях естественно обращаться ко времени их заимствования в абхазский. Исходя из соответствующих форм современного турецкого литературного языка, невозможно, например, объяснить наличие в ряде абхазских лексем сочетания -аа. Ср.:

абх. *амаана* «хитрость; уловка; прием» при тур. *mana* «смысл; значение; толк»;

абх. *азаалымра, азаалымдара* «несчастье; недоразумение», при тур. *zalim* «жестокий; несправедливый; тиранический».

В обоих случаях и в турецком мы имеем этимологически -аа, однако из-за запрета на непосредственное соседство двух гласных, в турецком произошло постепенное ослабление и исчезновение одного из них. Лишь в некоторых основах, а также турецких диалектных формах историческое аа сохранилось. Это, как правило, заимствованные слова и в самом турецком. Так, араб. *zalim* «несправедливый, тиранический; угнетающий; угнетатель; дало в тур. *zaalim* то же, с последующим сокращением одного из гласных. Араб. *san'at* «ремесло, профессия» дало турецкую форму *zanaat* то же. Сюда же относятся и слова типа тур. *kagit* «бумага» при абх. *аџаад* то же. Здесь форма написания и произношения слова в самом турецком разнятся. Вследствие ослабления и последующего выпадения *g* (*гъ*) в основе образовалась заместительная долгота гласного, которая и дала абхазское *аџаад* «бумага».

Следующий тип сочетания -аа в абхазских лексемах обязан переходу ха>аа, как в исконном, так и в заимствованном материале. Ср.:

тур. *sahan* «медное блюдо», при абх. *асаан* «тарелка, блюдо»;

тур. *saat* «часы; время» – абх. *асаат* то же. Формой *saat* турецкий язык обязан процессу ослабления и выпадения *h*. Наличие в прошлом в абхазской формы *асахат* зафиксирована в материалах Н.Я.Марра¹.

Турецкий глухой фарингальный щелевой *h* имеет и другие особенности передачи в абхазском языке. Турецкий *h* в заимствованной лексике объединил собой на письме три согласных арабского и персидского языков, а именно: фарингальный *h*, слабый фарингальный *h* и глубокий заднеязычный *k* (*q*). Позже к ним прибавился и *h* европейских языков². В соответствии с этими произношениями разнятся и способы передачи соответствующего согласного в абхазском языке. Первые два произношения соответствуют в абхазских турцизмах абхазскому *h*. Ср.:

араб. *alla h* «аллах» > тур. *allah* то же > абх. *алах* то же;

араб. *ja hannat* «ад» > тур. *cehennem* то же > абх. *цъаханым* то же;

перс. *gonah* «грех» > тур. *günah* то же > абх. *агәнаха* то же;

араб. *hisabaab* «арифметика, вычисление, исчисление» > тур. *hesab* то же > абх. *ахасаб* то же, и др.

¹ Материалы абхазского фольклора. (Из архива Н.Я. Марра). Подготовлена к печати С.Л.Зухба. Сухуми, 1967, с. 196. (на абхазском языке).

² Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. М., АН СССР, 1955, с. 90.

Турецкому *h*, отражающему арабский и персидский глубокий заднеязычный *k* (*q*), в абхазском обычно соответствует заднеязычный аспират *x*. Ср.:

араб. *kaziina* «казна; сокровище, клад» > тур. *hazine* то же > абх. *ахазына* «прекрасный, прелестный»;

араб. *akirat* «конец, окончательный; загробная жизнь» > тур. *ahret* то же > абх. *ахраҭ* «загробная жизнь»;

араб. *kair* «добро, благо; выгода; польза» > тур. *hayar, haar, hayr, hayr-ə* то же > абх. *ахайыр, хйыр* «благо, польза; будь здоров» и др.

Однако встречаются и исключения из этой закономерности. Ср. араб. *katir* «желание; склонность; расположение к кому-либо» > тур. *hatir* «память; уважение» > абх. *аҭаҭыр* «уважение; почет и пр.» Ср. также адыг. *хьатыр* (*hatar*) «услуга, одолжение», абаз. *ҭаҭыр* «услуга, одолжение», но убых. *хаҭыр* «ради, из-за». Видеть здесь для абхазского материала адыгское посредство затруднительно из-за семантики. В абхазском семантика ближе к турецкому, чем в адыгских. Возможно, что абхазское *x*, вместо ожидаемого *h*, мы имеем как результат обобщения этих звуков в более поздний период в самом турецком.¹

В абхазских турцизмах нашел свое отражение и процесс ослабления тур. *h*, с последующим его выпадением. Среди ранних заимствований фигурируют основы с *h*, выступающие в современном турецком языке с частичной или полной редукцией этого согласного. Ср.:

тур. *tezgâh* (произносится как *tezgâh* с весьма слабым *h*) «верстак, станок; прилавак» – абх. *аҭызгьах* «станок»;

тур. *allah* (произносится почти как *alla*) «аллах» – абх. *алах* то же;

¹ Там же. с.90.

тур. *şehit* «павший на войне» абх. *ашьахит* «святой» и пр.

В слове же *аделуан* «силач, богатырь» при тур. *rehliven* «борец, богатырь», согласная *h* отсутствует, что может указывать на заимствование с частичной или полной редукцией звука из одного из турецких диалектов.

Турецкий согласный *h* не единственный, имеющий несколько вариантов передачи в абхазском. Турецкие согласные, передаваемые на письме как *k* и *g*, имеют в абхазских турцизмах также несколько способов передачи. Данные звуки выступают в турецком в виде двух звукотипов – палатализованного и веляризованного. После гласных переднего ряда *o*, *i*, *ь*, *e*, а также их долгих аналогов, а также если за согласным находится *в*, согласные *k*, *g* произносятся мягче. Иначе говоря, качество согласных находится в зависимости от действия ассимиляции по небности. Определенное число арабских и персидских заимствований в турецком, нарушая это правило, дают палатальные согласные и вне зависимости от наличия подобных гласных перед согласными. Ср.:

тур. *bekmez* «бекмез (вываренный до густоты меда виноградный сок)» – абх. *абаџмаз* то же;

тур. *jelek* «жилет» – абх. *айлаџ* «бюстгальтер».

тур. *nikah* «брак, бракосочетание» – абх.(бз.) *анкьах* «бракосочетание по-мусульмански».

Турецкие основы с согласным *k*, передаются в абхазском чаще абруптивом *к*;

тур. *karviz* «арбуз» – аб.(бз.) *акарпыжә* то же;

тур. *katran* «смола; деготь» – абх. *акатран* «гудрон; асфальт».

Здесь, если за согласными, имеющими в абхазском палатальный или лабиальный варианты, стоит гласная,

способная отдать свой тон согласному, то согласный, в зависимости от соседствующего гласного, палатализуется или лабиализуется. От гласного остается соответственно *a* или *ы*.

При наличии за согласными гласных *o, õ, u, ü* абхазский согласный лабиализуется, а гласные переходят соответственно в *a* (< *o, õ*) и *ы* (< *u, ü*). При этом последняя гласная (*ы*) в безударном положении часто редуцируется. Ср.:

тур. *kuju* «колодец» – абх. (бз.) *акәыйы* «погреб, яма для увлажнения табака»;

тур. *günah* «грех, вина, проступок» – абх. *агәнаха* то же;

тур. *gümrük* «таможенная пошлина» – абх. *агәымрыкъ* то же;

тур. *kurban* «жертва, жертвенное животное, жертвоприношение» – абх. *акәырбан* то же.

В хронологически более поздних турцизмах, усвоенных к моменту становления в абхазском «комбинаторного» гласного *o*, предшествующие согласные не изменяются. Ср.: тур. *koşakağ* «старуха» – абх. (малоупотр.) *акоцъақар* наряду с формой *ақәацъақар* «неопрятный, дряхлый».

При наличии же за подобными согласными гласных *e, i*, согласные палатализируются. От гласных остается *a* (< *e*), *ы* (< *i*). В конце основы данное *ы* выпадает.

тур. *keze* «кисет» – абх. *ақаса* то же;

тур. *kefin* «саван» – абх. *ақафын* то же;

тур. *kira* «сдача в аренду (наем)» – абх. *ақыра* и т.п.

При отсутствии в окружении указанных звуков гласных, способных ассимилировать их на почве абхазского языка, данные согласные передаются без изменения (т.е., не палатализируются и не лабиализуются).

Ср.: тур. *gaz* «керосин» – абх. *агаз* то же;
тур. *kasap* «мясник» – абх. *акасап* то же;
тур. *kantar* «безмен, большие весы» абх. *акантар*
то же.

В большем числе турцизмов в абхазском языке турецкое орфографическое *k* передается в виде фарингального *k̆*. Это, как правило, арабизмы, фонетический облик которых ко времени заимствования в абхазский оставался еще не адаптированным и в самом турецком. Ср.:

араб. *faqir* «бедный, неимущий, нищий» > тур. *fuqara* то же > абх. *афукара* «ничтожество»;

араб. *saqat* «дефективный, негодный» > тур. *sakat* «ошибка, ошибочный» > абх. *асакаҭ* «страдающий хроническим несварением желудка».

Хронологически более поздние заимствования отражают передвижение арабского *q>k* уже на почве турецкого языка. Ср. араб. *qatife* «бархат» > тур. *kagife* то же > абх. *акадифа* то же; ср. более раннее заимствование в убыхском *кадифа* то же.

Турецкое орфографическое *l* объединило в себе палатализованный и велярный звукотипы. Фонематичность палатализованного *l'* сложилась в результате проникновения в турецкий язык большего числа арабских, персидских, а позднее – и западноевропейских лексем с характерным для них палатальным *l'*¹. В современном абхазском языке наличествуют два соответствующих аллофона единой фонемы *л*, однако, в отличие от абазинского, где под

¹ Севортян Э.В. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика. М., 1960, с. 29.

влиянием адыгских и тюркских языков палатальное *ль* появилось значительно раньше, в абхазском этот согласный фигурирует как результат влияния русского языка в XX столетии. Ко времени турецких заимствований в абхазском наличествовал только велярный *л*, и обе эти турецкие фонемы передавались, естественно, этим звукотипом. Ср.:

араб. *malâ'ik* > тур. *mellâike* > абх. *амаалыкь* «ангел»; при абазинском *мальаик* то же;

перс. *lâgân* «медный таз; лохань; таз (анатомич.)» > тур. *legan* «металлический или глиняный таз» > абх. *алагъан* «таз», при абазинском *лъагъан* «таз».

В речи же турецких абхазов данный звук развился значительно раньше и на сегодняшний день его позиция столь сильна, что он вытесняет и велярный *л* исконных основ.

Турецкое *ş* имеет два варианта произношения. Различие их носит только позиционный характер и фонологического значения не имеет. Поэтому обе они являются аллофонами единой фонемы. Позиционные особенности турецкого *ş* в абхазском языке передаются одним палатальным звуком *шь*. Наличествующие в абхазском языке основы с твердым велярным *ш* обусловлены посредством нетюркских кавказских языков. На это указывает и их фонематический облик. Так, абх. *ашаҳаҭ* «свидетель» нельзя вывести из турецкого *şahit* то же. Ср. также абх. *ашас* «заложник» при тур. *şahis* «лицо, особа, личность». В остальных случаях мы имеем абхазские палатализованный *шь*. Ср.:

тур. *arşin* «аршин» – абх. *аршьын* то же;

тур. *döşeme* «пол, настил» – абх. *адашьма* то же;

тур. *çarşaf* «простыня» – абх. (бз.) *ашьаршьаф* то же;

тур. *şehit* «павший на войне» – абх. *ашьаҳиҭ* //

ашьаҳайт «то же, и дух умершего» и пр.

Произношение губно-зубной звонкой щелевой *v* в турецком языке колеблется в зависимости от качества предшествующего согласного и в связи с качеством начального звука следующего слова. После узких гласных *v* может перейти в губно-губной сонорный *w*¹. Наличие в турецком *v* или *w* для абхазского несущественно, так как оба звука в старых заимствованиях передаются последовательностями *уа*, *уы*. Ср.:

тур. *baklava* «баклава (сладость)» – абх. *абақалуа* то же;

тур. *merdiven* «лестница, трап, сходня» – абх. *амардуан* «лестница»;

тур. *pilav* «плов» – абх. *аплау* то же;

тур. *gazavat* «газават» – абх. *казауыт* то же;

тур. *davul* «большой барабан» – абх. *адауыл* «барабан».

В хронологически более поздних заимствованиях турецкое *v* остается без изменения. Ср. тур. *sevre* «платок» – абх. *ачавра* // *ачабра* то же.

Свою специфику передачи в абхазском обнаруживают и турецкие гласные. По Э.В.Севортяну, в современном турецком литературном языке двенадцать гласных. Учитывая и диалектный материал Н.Боретцки насчитывает 17 гласных. Краткие *a*, *e*, *ə*, *o*, *u*, *y* и их долгие варианты. Наряду с ними и три долгих гласных *ī*, *ā*, *ū*, усвоенные вместе со словами из арабского и персидского языков². В абхазском же, в исконном

¹ Севортян. Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. М., АН СССР, 1955, 68-69.

² Boretzky N. Der türkischer Einfluss auf das Albanische. T.I. Phonologie und Morphologie der Albanischen Turzismen. – Albanische Forschungen, hrg. von G. Stadtmüller. B.XI. Wiesbaden, 1975, S. 48-49.

материале наличествовало лишь две гласные фонемы *а*, *ы*, и возможно, двувершинный *аа*. Однако уже к началу XX века в абхазском можно отметить становление еще двух гласных *и*, *е*, чему способствовали картвельские, турецкий, а позже и русский язык. На разных хронологических уровнях, указанные гласные передавались в абхазском по разному. Так, турецкому *е* вне зависимости от открытости и закрытости в абхазском, в старых заимствованиях соответствует *йа*. В более поздних – *е*. Здесь, также как и при заимствовании картвелизмов, если перед *йа* оказывается согласный, из-за запрета *согласный+йа*, полугласный звук выпадает и остается *а*. Ср.:

тур. *kadife* «бархат» – абх. *акадифа* то же;

тур. *demet* «связка, сноп, пучок» – абх. *адамаҭ* «связка табака; папуша»

тур. *kalem* «тростниковое перо, ручка с пером» – абх. *акалам* «ручка; бамбук».

Полугласный *й* возможно обнаружить только если перед *е* стоит гласная или же в начале слова. Ср.

тур. *ermeni* «армянин» – абх. абж. *айерманы* <*айарманы> абх. бз. *аиырманы* то же;

тур. *şeherie* «вермишель» – абх. *ашьяҳариа* то же.

Как было сказано выше, в поздних заимствованиях турецкому *е* в абхазском соответствует *е*. Ср.:

тур. *aferim* «браво, прекрасно, отлично, молодец» – абх. *аферым* «молодец»;

тур. *tel* «волос, волосок; струна; провод; трос» – абх. *аҭел* «провод, проволока; телефон; (уст.) телеграмма»;

тур. *mest* «месты (вид сафьяновых сопожек)» – абх. *амест* то же;

тур. *maden* «металл; руда, минерал, рудник» – абх. *амаден* «руда; полезные ископаемые».

Подобное же наблюдаем и при передаче турецкого. Здесь в старых заимствованиях данный звук передается в абхазском в виде *йы*, и при стечении согласный+*йы* полугласный выпадает и остается *ы*, в более поздних же остается без изменений. Ср.:

тур. *kâfir* «неверующий; немусульманин» – абх. *ақъаафыр* то же;

тур. *yetim* «сирота» – абх. *айа́тым* то же;

тур. *çiğ* «ситец» – абх. *ачы́т* то же;

тур. *tespih* «четки» – абх. *а́теспы́хә* то же;

тур. *fide* «рассада» – абх. *афуда* «табачная рассада»;

тур. *din* «религия» – абх. *адин* то же;

тур. *zift* «смола; деготь» – абх. *азиф́т* «смола, на табачных листьях»;

В ряде примеров можно зафиксировать переходный этап, с передачей некоторых гласных по образцу старых заимствований, а других без изменений. Ср.:

тур. *zifir* «смола, осаждающаяся в курительной трубке» – абх. *азифы́р* // *азы́фыр* то же¹.

тур. *milet* «нация» – абх. *амила́т* то же, в бзыбском диалекте имеется и форма *амиле́т*,

тур. *aferim* «браво; молодец» – абх. *аферы́м* то же. Здесь -е уже передается без изменения, а *i* в виде *ы*.

Формы заимствования турецких гласных могут служить одной из вех временной классификации турцизмов в абхазском языке. При этом, однако, следует учитывать те изменения, которые происходили в самом турецком. Так абх. *ҳалуа* может идти как из ср.-тур. *Helva*, так и из совр. тур. *halva* «халва».

¹ См. Шакирбай Г.З. О турецких лексических заимствованиях в абхазском языке. – Известия АБИЯЛИ, т. II, Тбилиси, 1973, с. 94.

В абхазских турцизмах нашло, по-видимому, свое отражение и колебание в произношении турецкого гласного *i*, при котором в конце слова, а также в некоторых арабизмах и персизмах данный гласный слышится как *e*. Ср. тур. *dimi* «бумазея; фланель» – абх. *адима* то же. Здесь *e > ъа* в соседстве с согласным *й* выпало.

Турецкие гласные *o*, *ö* в ранних заимствованиях передавались в виде *ѣа*. В более поздних гласным *o*. При наличии сочетания *согласный+ѣа*, полугласный выпадет и остается гласный *a*. Ср. тур. *döşme* «пол, настил и пр.» – абх. *адашьма* то же. Данное сочетание (*ѣа*) выявляется если перед ним нет согласного. Ср. тур. *ortak* «компаньон; соучастник; вторая жена» – абх. (малоупотр.) *ауартак* «компаньон (в сельском хозяйстве)».

В более поздних заимствованиях *o* передается без изменений.

тур. *boş* «незанятый; пустой; бессодержательный» – абх. (бз) *абошь* «без дела; свободный»;

тур. *tor* «кусочек материи; стопка; рулон бумаги» – абх. *атол* «рулон; пачка; кipa»;

тур. *okka* «мера веса, равная трем фунтан» – абх. *аока* то же.

В зависимости от фонетического окружения в слове и хронологии заимствования существуют несколько способов передачи и турецких гласных *u*, и *ü*. После согласных, не имеющих противопоставлений по лабиальности, гласные *u*, *ü* переходят в абхазских турцизмах в *ѣы*. Здесь также полугласная в соседстве с согласным выпадает и остается *ы*. Ср.:

тур. *namus* «честь, достоинство, репутация» – абх. *анамыс* то же;

тур. *tütün* «табак» – абх. *атытын* то же;

Сильная степень лабиализации абхазских велярных согласных *ḍ, m* привела к появлению нового типа оформления заимствований из турецкого языка. Следует отметить, что корней с этими лабиальными согласными (*ḍ, m*) в абхазском языке вообще очень мало. Для *ḍ* отмечают *адәы* «поле», *ардәына* «дрозд», и *адәқъан* «магазин, лавка». Нередко все эти основы считаются неисконными и демонстрирующими позднейшие преобразования исторического *ду, дү*. В абхазских турцизмах мы имеем только один пример лабиализации *ḍ*, это вышеотмеченный *адәқъан*. В остальных случаях или закономерно ожидаемое *үы* или же налицо отсутствующая в других заимствованиях передача в виде *ыү*. Ср.:

тур. *duşman* «враг, неприятель» – абх. *адышьман* «неприятель»;

тур. *dünya* «мир, вселенная» – абх. *адыуней* то же;

тур. *tüccar* «купцы, торговцы» – абх. *а́тыуцъар* «купец».

В абхазских турцизмах отмечается и довольно редкий в абхазском языке процесс прогрессивной ассимиляции (лабиализация турецкими гласными *и, ü* последующих согласных). Ср.:

тур. *karviz* «арбуз» – абх. (бз.) *акарпыжә* то же;

тур. *bogaz* «бухта» – абх. *абағәаза* то же.

Турецкий согласный *у* передается в абхазском полугласным *й*. Ср.:

тур. *kâhya* «управляющий» – абх. *ақъахйа* то же;

тур. *ziyan* «вред, ущерб, убыток» – абх. малупотр. *азйан* то же;

тур. *hayat* «добро, благо, полезный» – абх. *хайыр / хйыр* то же.

Среди других фонетических процессов можно отметить:

видоизменение огласовки (процесс нерегулярен). Ср.:
тур. *haz* «оброк» – абх. *аҳаза* то же;
тур. *fəɾən* «печь» – абх. *афрына* то же;
тур. *usta* «мастер» – абх. *ауаста* то же.

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Исторические контакты между абхазскими и картвельскими племенами восходят, как известно, к глубокой древности. Так, в одной надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I (XI в. до н.э.) племена абешла, которые исследователи увязывают с абхазо-абазинами, фигурируют рядом с древнегрузинскими племенами зевахами (джавахами), таохами и другими. Вхождение в разные периоды в единые политические образования (Колхидское царство, Лазику, Абхазское царство), миграция политической и этнической границ, способствовали взаимопроникновению элементов языка.

Постоянный приток переселенцев из Грузии в Абхазию, попытки заселения Абхазии картвелоязычными народами с целью ассимиляции его населения, привело к тому, что коренное население Абхазии к концу XX в. оказалось в меньшинстве.

Судя по всему, в разные исторические эпохи абхазы контактировали с разными картвельскими племенами. Говоря о заимствовании в грузинском абхазского элемента ца- (речь идет о грузинском провербе -ца) А.С.Чикобава высказывает предположение о том, что данный проверб усвоен в грузинский непосредственно из абхазского языка, причем раньше VI в. н.э., в виду того, что в VII в. н.э. абхазский язык непосредственного контакта с грузинским не имел, поскольку их разделяла занская (мегрело-чанская) языковая среда. Вместе с тем, если исходить из современного территориального распределения картвельских языков, то нетрудно увидеть, что ареалы чанского и абхазского непосредственного контакта не имеют. Между тем, абхазские элементы представлены, по мнению

А.С.Чикобава, и в чанской речи.¹ Немалое число абхазизмов отмечаются и в мегрельском. Тот факт, что заимствование коснулось не только лексики, наиболее подвижной части языка, но и морфологии и синтаксиса, говорит о значительном влиянии абхазского языка на картвельские. Однако, отмечая в грузинском факт влияния в виде префиксов, нет ни одной работы, в которой выделялись бы древние абхазизмы в грузинском. Имеющаяся же общая лексика такие как картвельское *анцл, «бузина» абх. *а-мцырбгы* (где *бгы* «лист»; картв. *-*еҭ* топонимический суффикс абх. -*ты* то же и продуктивный корень со значением «место» (*а-тыл*); картв. *мгел «волк» абх. *а-бга* то же; картв. *мсхал «груша» абх. *а-ха* то же; картв. *мцер* «насекомое; муха» абх. *а-мц* «муха»; картв. *прин абх. *а-пырра* «летать»; картв. *лх* «теплый» абх. *алха* то же; картв. *ца* «штука» абх. *цы* «зуб» а также нумератив; картв. **ц'вид* «воск» абх. *а-цәа* то же; картв. *цоу* «сосать» абх. *а-цәа-ра* то же; картв. *камл*, «шкура (овцы, козы)» абх. *а-хамы* «шуба»; картв. *корц «мясо» при наличии еще одного корня с таким же значением *леҭв абх. *а-кәац* «мясо» и многие другие признаются общими элементами праязыкового состояния кавказских языков. Есть основание предполагать, что значительная часть этих основ является заимствованной в картвельские из абхазского.

Говоря о лексических картвелизмах в абхазском, естественно различать грузинские заимствования, с одной стороны, и мегрельские, с другой. Что же касается

¹ Чикобава А.С. О значении преверба *ца-* в грузинском языке. // Известия НИЯМК, т. I. Тбилиси, 1937. с. 149-168. Он же. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. // Выездная сессия Груз. филиала АН. СССР в г. Сухуми 26-29 сентября 1940 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1940, с. 10-11.

абхазско-сванских лексических встреч, то в настоящее время данный вопрос остается совершенно неисследованным. Имеющийся же материал больше указывает на адыгско-сванские встречи. Причем, если абхазский оказал серьезное влияние на грузинский и мегрело-чанские языки, то подобное же влияние адыгского на сванский.¹

В хронологическом плане картвелизмы абхазского языка распространяются неравномерно. Их можно разделить по нескольким слоям. Так, в число наиболее рано усвоенных можно отнести лексемы *адгыл* «земля», *аган* «сторона», *акалҭ* «подол», *агьама* «вкус», *абцъар* «оружие» встречающиеся помимо абхазского языка и в тапантском диалекте абазинского, поскольку переселение тапантцев на Северный Кавказ датируется, в основном, XIV в.²

К следующему хронологическому пласту (до XVII столетия включительно – время переселения абазин ашхарцев) относятся такие лексемы, как *акакан* «грецкий орех», *акакач* «полевой цветок» *ауарба(жә)* «орел», абж. *қо*, абаз. ашх. *қа* «да», *абағыр* «воробей». Даже допуская, что отдельные абазинские группы до переселения жили севернее абхазских, и ряд заимствований, даже весьма раннего периода, могли до них не дойти, общее число картвелизмов в абазинском (около десятка)

¹ См. А.Чикобава. К вопросу о контакте языков по материалам картвельских бесписьменных языков// Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, с. 10-17.

² Самое раннее упоминание абазин на Северном Кавказе приходится на конец XIV в. См. Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ. // Археолого-этнографический сборник. Том IV. Грозный, 1976. С. 116.

свидетельствует о слабом влиянии картвельских на абхазский язык.

К третьему хронологическому срезу можно отнести период от XVII до эпохи махаджирства (1840-1877 гг.) В это время в абхазский проникли такие картвелизмы, как *ақалақь* «город», *амаҭа* «внук», *апату* «уважение», *асакаса* «носилки», *ахандеира* «трудиться», *аҭан* «брод», *аҭауад* «дворянин», *ацас* «обычай», *аззеи* «воспитатель(ница) по аталычеству», *асаркья* «зеркало» и другие, зафиксированные в фольклорных текстах, записанных у турецких абхазов. При наличии более полных текстов речи турецких абхазов, возможно, сюда же можно будет добавить еще несколько основ, однако число их вряд ли будет большим.

К числу наиболее поздних (четвертый срез) относятся картвелизмы, заимствованные уже в XX столетии, и, следовательно, отсутствующие как в абазинских диалектах, так и в речи турецких абхазов. Основной приток их, по всей вероятности, приходится на период с конца XIX века до середины XX, и прежде всего, судя по анализу периодической печати, на 30-50-е годы XX в, и в немалом количестве. Возможно в самурзаканском диалекте абхазского языка, непосредственного соседа мегрельского языка, число их и в более ранние времена было значительно больше.

Причину массового заимствования за столь короткий срок мы видим в первую очередь в ассимиляторской политике Грузии по отношению к абхазам. Это массовые и хорошо организованные миграционные процессы с конца XIX в. до 90-х годов XX в. (Период с 1937 по 1953 гг. достаточно полно

¹Сагария Б.Е., Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953 гг. Сухум, Алашара, 1991.

освещен в сборнике «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953 гг.»).¹ Это насильственная грузинизация абхазов самыми дикими формами, как то насильственное насаждение лексики грузинского языка, что легко отметить в абхазской периодической печати и учебниках того периода, закрытие абхазских школ и перевод их на незнакомый для населения грузинский язык. Репрессии и гонения против всего и всех, что так или иначе было связано с языком, историей и культурой абхазов, вплоть до запрещения говорить на родном языке.

С развенчанием культа личности Сталина усиливается позиция абхазского языка в республике. С этого периода новых заимствований из картвельских языков уже не фиксируется. Более того, в 60-е годы пошла как бы «откатная волна», выражавшаяся в освобождении языка от картвелизмов. При наличии у картвелизмов абхазского языка синонимов исконного характера в литературе, периодической печати используются исконные основы. При наличии синонимов, параллельно восходящих к картвельскому и турецкому источнику к норме тяготеют турцизмы. Новые заимствования из картвельских, особенно - в окказиональном употреблении в этот период были возможны преимущественно на рубеже абхазских и картвельских языковых областей в южной Абхазии.

Известно, что заимствование иноязычного слова в языке обуславливается новизной перенимаемого предмета или понятия, его нераспространенностью, а также табуированием старого слова.

Картвелизмы в абхазском языке зачастую отра-

¹Сагария Б.Е., Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953 гг. Сухум, Алашара, 1991.

отражают не совсем новые реалии, а разновидности старых, отличающиеся от имеющихся вещей как формой, материалом, так и назначением. Наряду с заимствованиями подобного плана в абхазском отмечается большое количество картвелизмов, являющиеся синонимами к исконным словам. Последнее указывает на высокую степень давления грузинского языка на абхазский. Сначала подобные синонимы могут полностью совпадать по значению. Со временем, в зависимости от степени иноязычного влияния, их сферы и частотность употребления сужаются или расширяются с последующим вытеснением одного из них. Иначе говоря, избыточность выразительных средств нарушает семантическое равновесие, и во избежание этого явления происходит вытеснение или дифференциация одного из конкурирующих элементов в языке.

Иногда по существу почти вытесненное исконное слово можно обнаружить среди архаизмов, или в составе сложного слова. Так, для передачи понятия «земля, земная твердь, место, почва» в абхазском языке употребляется картвелизм *адгыл*. Этот же термин отмечается в абазинском. Исконным словом для обозначения данного понятия могла служить основа *а-нышә* «почва» (ср. абаз. *нышә* «почва, глина» если допустить, что его семантика в прошлом была намного шире. Допускается также, что для понятия земля использовался корень *цә(ы)л*. Так, этнограф Ц.Бжания заметил, что в большей части названий пахотных орудий присутствует корень *цә(ы)л*, который обычно связывали до него со словом *а-цә* «бык». Однако семантические затруднения, вызванные отождествлением этих корней при разложении на составные части, заставили его связать данный корень со словом *а-цәа* «кора; кожа;

верхний слой». Этот же корень, можно отметить в словах *нырцә* «по ту сторону водного пространства», *аарцә* «по эту сторону водного пространства», где *ны-*, *аа-* – превербы направления, соответственно «туда», «сюда» а *-р-* (*а-р-ра*) сегодня выступает со значением «переправляться через водное пространство», т.е. буквально «земля по ту сторону водного пространства», и «земля по эту сторону водного пространства». (Для аналогии ср. адыг. *аdryшы* \ *аdryч* «противоположная сторона реки», расчленяемая на *адра* «другой» и *шы* \ *ч* «земля». Это дает основание усматривать за корнем *цәы-* в прошлом более широкую семантику.

В семантическом плане картвелизмы в абхазском языке испытывают минимальные изменения. Это объясняется устойчивыми контактами между данными народами, при которых семантические и фонетические отклонения в заимствованном слове могли постоянно корректироваться со стороны языка источника. Этому способствовал и бытовой билингвизм, особенно в приграничных районах. Существующие незначительные изменения в семантике сводятся к двум основным случаям – к сужению значения слова, с одной стороны, и к смещению последней, с другой.

1. Сужение значения.

Сокращение смыслового объема слова картвелизмов в абхазском происходит, как правило, за счет заимствования многозначного слова в одном из его значений. Это должно быть естественным, поскольку внедрение слова в новую среду происходит через его первоначально окказиональное употребление в семантически однозначном контексте. Ср. груз. *лари* «струна; тетива; шнур» – абх. (абж) *алар* «плотничий шнур»; ср. также: груз. *чвенеба* «показ, демонстрация; показание» – абх. *ачанаба* «показание»; груз. *მოტყმა*

«причитание; передышка» – абх. *амыткәма* «причитание»; картв. *кочоби* «плошка; горшочек» – абх. *ақәаҭаб* «плошка».

Сужение значения заимствования в абхазском может идти и по линии специализации лексемы, т.е. употребления слова для обозначения конкретного предмета или явления, в отличие от его обобщающей семантики в картвельских. Ср.: груз. *қваби* «пещера; котел» – абх. *ақәаб* «медный котел» (в отличии от *ачуан* «чугунный котел»); мегр. *гваргвали* «ручка корзины» – абх. *ағәаргәал* «деревянный крюк для подвешивания остродонной корзины».

Потребность в конкретизации обозначения однотипных реалий является одной из важных причин заимствования. Именно благодаря этой потребности, в абхазском языке встречаются такие заимствования, как абх. (абж) *абарбал* (< картв. *борбали*) «колесо» в отличие от бзыб. *акәыр* «колесо (букв. катящееся)»; *агьажь* «круг; колесо»,

Избежание в таких случаях образования производных от исконного слова объясняется тем, что заимствованные основы отвлеченны и точны, т.е., не вызывают посторонние ассоциации. Подобным же образом складывается в языке и судьба заимствованных основ при их созвучии исконному материалу. Созвучие их с известными основами вызывает к жизни широкий спектр смысловых ассоциаций и приводит к народной этимологизации.

Потребность заимствования вызывается также и наличием целой совокупности узких по своей семантике наименований, требующих обобщающего термина.

II. Смещение значения.

Одной из причин смещения значения заимствования может быть неполное освоение понятия

слова, ср. груз. *зизаи* «кормилица» – абх. *аззеи* «воспитатель (по аталычеству)»; груз. *суст* «слабый; недостаточный» абх. (абж) *асуст* «хилый».

Другой причиной этого явления может оказаться дальнейшее развитие данного понятия. Ср.: груз. *шыинакма* «домашний раб» – абх. (бз) *ашьнакәма*, (абж) *ашьнакма* «сословие низшего дворянства». Изменение семантики последнего слова в абхазском протекало, вероятно, в следующей последовательности: «телохранители владетельных князей» > «социальная прослойка, ищущая дворянство» > «сословие низшего дворянства».

Высокая частотность употребления слова ведет к уменьшению его экспрессивного оттенка. Данный процесс является одной из причин заимствования иноязычной лексики подобного плана: Ср., мегр. *цьима* «брат» – абх. *цьым* междометие, выражающее недовольство (абх. основа видимо взята из мегр. сочетания *цьима гурел* с аналогичной семантикой; груз. *цьандаба* «ад, преисподняя» абх. *цьандаба* то же, при наличии турцизма *цьяханым* с тем же значением.

Определенная структурная близость картвельских и абхазского языков способствует быстрому вхождению слова в лексико-семантическую систему заимствующего языка, почти без изменения его стилистического статуса. Другим важным фактором, способствующим слабому изменению семантики слова, является уже отмечавшаяся выше непрерывность контактов абхазов с картвелами.

И, наконец, широко распространенный мегрело-абхазский билингвизм в приграничных районах, и вышеотмеченные ассимилятивные процессы, протекавшие в Абхазии содействовали как количественной, так и качественной стороне освоения

кارتвелиზмов в абхазском языке.

Иногда в абхазских диалектах отмечаются параллельные заимствования нескольких картвелизмов с одним и тем же значением. В данном факте можно усматривать отражение отсутствия достаточной степени концентрации общественной жизни в старой Абхазии. Ср., напр.: мегр. *коха* – абх. (абж) *акѣаха* «кислый соус из алычи»;

мегр. *кварцахи* / *корцахи* – абх. (абж) *акѣарцахь* «кислый соус из алычи»;

груз. *сацебели* – абх. (абж) *асыцбал* / *асызбал* «кислый соус из алычи». Наряду с этими лексемами в абхазском употребительно и исконное *ацѣыцѣыра* с тем же значением. Ср. также: мегр. *хорхи* «пила» – абх. (абж) *ахѣархь* то же; груз. *херхи* «пила» – абх. (бз) *ахьархь* то же.

Параллельно с первичной фонетической и грамматической ассимиляцией слова происходит процесс его вхождения в лексико-грамматическую систему заимствующего языка. Заимствования вступают в структурные связи с другими словами согласно имеющимся в абхазском языке схемам. Естественно при этом, что модели лексических связей слова, имеющиеся у него в картвельских языках, не заимствуются. Так для образования от картвелизма *агьама* «вкус» лексемы «вкусный» требуется присоединение прилагательного *абзиа* «хороший»: *агьама бзиа* букв. «вкус хороший». Хотя выражение «мне по вкусу» *исызгьамоуп* букв. «то мне по вкусу» или же *игьамадоуп* «безвкусный», можно выразить без дополнительных слов. Лексема «вкусный», строящаяся на базе заимствования *агьама* «вкус», образована, таким образом, по схеме исконного образования *аѣынкылара бзиа* «вкусный, приятный (о напитках)». Ср. груз. *гемриели* «вкусный, лакомый».

Классификация заимствованной лексики по языкам-источникам заимствования является одной из сложных задач рассматриваемой проблематики. Одна из трудностей, в частности, вытекает из обилия тюркизмов (для абхазского, в своей значительной части — турцизмов) вследствие чего тюркизмы могут проникать в тот или иной язык с самой неожиданной стороны. Близость, а порой и тождественность фонетического облика слова, иногда сводит на нет попытки проследить внутригрупповые заимствования среди кавказских языков. Не всегда оправдывает себя часто используемая в абхазоведении практика, при которой, в случае, если в бзыбском диалекте имеется несовпадающая с абжуйской исконная или заимствованная основа, то абжуйскую форму выводят из картвельских языков.

Наличие хотя бы небольшого расхождения в семантике или в фонетическом облике помогает установить источник заимствования для абхазских слов. В качестве фонетического фактора, способствующего выявлению картвелизмов в абхазском языке, может служить их характерная специфика. Так, например, окончание именительного падежа на гласный *-и*, характеризующее картвельские основы с консонантным исходом, обуславливает палатализацию в абхазском предшествующего согласного. Ср. мегр. *саки* — абх. (абж) *асакь* «мешок». Если бы данное слово было заимствовано из средне-греческого *sakkos*, как это предполагалось¹, то в абхазском ожидалось бы форма *асакә*. При перс. *šârx* «колесо» имеем абаз. *чарх*, убых. *чарх*, адыг. *шьэрэх*, *шэрх* то же, в абх. *ачархь* «точильный камень- колесо» с палатальным *-хь* (ср. груз., мегр. *чархи*).

¹ Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследования и тексты. Тбилиси, 1964, с.205.

На основе данного правила из числа картвелизмов можно, по-видимому, исключить абх. (абж) *ауаҭах* «комната» (груз. *оҭахи*). Ср. тюрк. *otak*.

С другой стороны, адекватной атрибуции заимствований языку-источнику способствует в нашем случае несовпадение акцентных рисунков картвельских и тюркских языков. В тюркских основах, за редким исключением, ударение падает на последний открытый слог, в картвельских же на предпоследний. Абхазский язык заимствует основы без изменения их места ударения. Ср.: тур. *para* «деньги, монета» при груз., мегр. *para* «деньги» – абх. *аpara* то же;

тур. *taşa* «очажные щипцы», при мегр. *maşa* то же – абх. (абж) *аmaşa* то же, однако абх. (бз.) *а-маша* то же.

тур. *kaba* «бешмет» при груз. *каба* то же – абх. *акаба* то же.

Здесь следует учитывать, что при вытеснении в абхазском языке картвельской основой турцизма возможна контаминация основ, при которой мы получаем новую форму слова со старой акцентной характеристикой. Ср.:

тур. *ütü'*, мегр. *унто* – абх. *ауанта* «утюг» ;

тур. *çakə'*, мегр. *цаква* – абх.абж. *ачақы'*, *ацака* «перочинный нож».

Факт наличия согласных вставок, имеющих в двух приведенных примерах, также является спецификой мегрельского языка.

В фонетическом плане преобладает закономерная передача звуков по степени их сходства. Сказанное в первую очередь относится к заимствованиям среднего и позднейшего периодов.

Фонетические изменения картвелизмов в абхазском обуславливаются различием состава

фонетических систем данных языков, а также рядом других особенностей заимствующего языка. Следует, прежде всего, сказать, что основные особенности в передаче картвельских слов в абхазском оказываются связанными с вокализмом, поскольку вместо обычных пяти картвельских гласных абхазский вокализм насчитывал до конца XIX в. всего две фонемы *a* и *ы*. Что же касается инвентаря согласных, то здесь, при всех количественных отличиях систем консонантизма обоих языков, положение значительно проще, поскольку все согласные картвельских языков находят себе прямые корреляты в абхазском. (Исключение составляет картвельское губно-зубное -*в*. Абхазское -*в*, отмечаемое лишь в одном корне *ва* «бок; сторона», как известно, новообразование). Изменению фонетического облика картвелизмов здесь способствует, таким образом, отсутствие фонем *e*, *o*, *u*, *y* и, напротив, наличие ряда палатализованных и лабиализованных согласных, а также специфика отдельных фонем (например, *в*) и фонетических процессов, характерных для абхазского языка. Поэтому, нижеследующие закономерности преобразования картвельских по происхождению слов на абхазской почве сформулированы в виде правил отражения гласных.

Наблюдаются следующие регулярные фонетические огласовки картвельских заимствований в абхазском:

Передача гласного *и* в абхазском.

Картвельское -*и* передается в абхазском дифтонгоидом *йы*.

В зависимости от окружения его в абхазском языке, данный комплекс ведет себя по разному.

1. Гласная *и*, стоящая за велярным согласным, имеющим в абхазском и палатализованный вариант, способствует его палатализации, т.е., полугласная *й* отходит к согласному в виде палатальности и остается гласная *ы*.

груз. *адгили* «земля» – абх. *адгыыл* то же;

мегр. *қырса* «рождество» – абх. (абж.) *қырса* то же;

мегр. *қнисте* «английская булавка» – абх. (абж.) *ақьныста* то же.

2. Гласная *и*, стоящая за согласным, не имеющим в абхазском палатальный вариант, или же за палатальным согласным, передается в абхазском в виде *ы*. Здесь, вне всякого сомнения, мы так же имеем сочетание *йы*, однако, в силу запрета на сочетание согласный+полугласный в пределе слога *й* выпадает и остается только гласный *ы*. Ср.:

мегр. *қварили* «каплун» – абх. *ақәарыл* то же;

мегр. *цъинцъи* «корень; дно» – абх. *ацъынцъ* «отечество»;

мегр. *қнисте* «булавка» – абх. (абж) *ақьыныста* то же.

3. Если данное сочетание *йы* приходится на конец основы, то *ы* в абхазском выпадает регулярно. Это характерно и для исконных основ.

мегр. *сали* «клин, спица колеса» – абх. *асал* «клин»;

груз. *барди* «куст, чилига» – абард то же;

груз. *борбали* «колесо» – абх. (абж) *абарбал*;

груз. *лари* «струна; тетива; шнур» – абх. *алар* «плотничий шнур»;

4. Картвельское *и* в исходе глагольных основ не

отпадает, а переходит в *-еира*:

груз. *пар̄хали* «барахтаться» – абх. *а̄пар̄халéира* то же;

груз. *порт̄кали* «болтать» – *апат̄калéира* то же;

груз. *банд̄али* «ходить (шататаясь)» – абх. *абандалéира* то же.

(Во всех случаях последовательность *-éира* перетягивает на себя ударение). Для последнего процесса допускается элемент аналогии; ср. *анéира* «приходить (туда)», *алéира* «падать» и др.

5. В анлауте абхазских слов, где появляется префикс *а-*, полугласный *й* переходит к префиксу, образуя новый дифтонгоид, а второй член ожидаемого дифтонгоида *йы*, безударный *ы*, выпадает. В случае же, если данный *ы* находится под ударением, то он сохраняется.

Ср. мегр. *исири* «осока» – абх. *айсыр* то же;

мегр. *инч̄џи* «плесень вина» – абх. (абж.) *айынч̄џ* то же. Здесь *ы* являясь подударным не выпало;

мегр. *ианари* «ианварь» – абх. (абж.) *йанар* то же.

Передача гласного *е* в абхазском языке

Картвельское *е* – передается абхазским дифтонгоидом *йа*.

1. Здесь так же, как и при передаче гласной *и*, при стечении согласного и полугласного, последний выпадает и остается второй член дифтонгоида (в данном случае *а*).

груз. *челти* «плетенка из прутьев» – абх. *ачалт* то же.

груз. *цеси* «правило; обычай» – абх. *ацас* то же.

В ряде случаев данная гласная *a* в безударной позиции может редуцироваться. (картв. *e* > абх. *a* > *ы* > $\emptyset$). Ср.: груз. *сацебели* – абх. *асацбал* // *асызбал* (<*асацабал); груз. *мизези* «причина» – абх. *амзыз* то же (<*амызаз). То же произошло и со словом *амаркатыл* <*маркатал < мегр. *маркатели* «ножницы».

В слове *амзыз* произошло передвижение ударения на префикс. Причину рецессии ударения в абхазском К.В.Ломтатидзе усматривает в стечении двух *a*. «При стечении двух морфем *a* - пишет автор – не образуется *a+a*, остается один *a*. Такой *a* часто является носителем ударения (поскольку при таких сочетаниях вероятности больше быть подударным одному из компонентов). Этим и объясняется в ряде случаев тот факт, что в заимствованных словах с начальным *a* (например из грузинского языка) вместо ожидаемого ударного второго слога (как это установлено), ударным становится первый (с начала) слог, поскольку в подобных случаях с гласным *a* основы сливается другой *a*, префикс так называемой словарной (а также определенной) формы. Например, в слове *адгыл* (ср. груз. *адгýли*) «земля; почва», ударение следовало бы иметь на иррациональном гласном *ы*, однако ударение в словарной форме в абхазском языке перемещается на гласный *a*¹».

Иную причину данного процесса предполагает Н.Аршба, считая, что рецессия на префикс произошла здесь вследствие приобретения данным префиксом функции общности².

¹ Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов (с текстами): Резюме на русск. яз. – Тбилиси, 1954, с. 295-296.

² Аршба Н.В. О гласной фонеме «*ы*» в абхазском языке. – Известия АБИЯЛИ, т.V, Тбилиси, 1967, с.111.

Оба указанных предположения, на наш взгляд, все же не объясняют причины рецессии. Первое было бы допустимо, если бы сложение *a+a* и ударение совпадали бы в одном слоге. Но поскольку они находятся в разных слогах, данную гипотезу трудно принять. Подобное сложение двух *a* отмечается и при словосложении внутри основы, однако зависимости сложения двух *a* и передвижения места ударения не прослеживается.

Для второго предположения, предложенного автором с долей сомнения, трудно обосновать причину, которой объяснялась бы сила префикса или его морфологической функции (общности), способная перетянуть на себя ударение.

Исторически (в абазинском это и ныне так) данный префикс являлся показателем категории определенности, который, в свою очередь, восходит к указательному местоимению. Можно предположить, что, являясь носителем логического ударения, префикс определенности содействовал рецессии ударения на самого себя, где и закрепилось ударение для многих основ с утерей префиксом функции определенности. Логическое ударение, как отмечал А.Н.Генко «...отличается, помимо своей экспираторной сильности, в частности и той неизменно сопутствующей ему особой интонацией, которая сопровождает собственное ударение; этим логическим ударением выделяются те слова (а иногда и части слова) в предложениях, на которые почему-либо обращено говорящим внимание».¹

Процесс преобразования исторического префикса определенности в префикс общности, по всей вероятности, произошел не так давно. Еще в настоящее время в абхазском языке имеется ряд основ, ударение

Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. – М., 1955, с.203.

ударение в которых в зависимости от места его постановки выполняют функцию определенности или неопределенности. Т.е., налицо следы затухающего процесса. Ср.:

ауаа́ы «человек (неопред. форма);

áуаа «человек (опред. форма). Ср. *Уи áуаа* *дсымбеит*. «Того, определенного человека его-я-не-видел».

Та же закономерность остается в силе и для заимствованной лексики:

ахаба́р «весть, известие (неопред. форма)»

áхабар «определенная, известная весть, известие (опред. форма)». Ср.: *уи áхабар смахаит* «той, определенной вести я-не-слышал»;

а́тауа́д «дворянин (неопр. форма)»;

áтауад «дворянин (опред. форма)».

Наличие, хотя и небольшого количества подобных слов, а также вышеприведенное предположение Н.В.Аршба, вынудили ее сделать вывод, что процесс рецессии ударения на префикс действует и сегодня.¹ Предположение, выдвинутое нами, сводится к тому, что с переходом, в недалеком прошлом, исторического префикса определенности в префикс общности прекратился и процесс рецессии на данный префикс. Основы, характеризующиеся перемещающимися ударениями, среди которых есть и основы, у которых при переходе ударения на префикс формы определенности оно ощущается слабо, являются рудиментами завершившегося процесса, т.е., закрепления ударения на префиксе.

Наше предположение подтверждается тем обстоятельством, что с момента первых фонетических

¹ Аршба Н.В. Рецессия ударения в абхазском языке. Известия АБИЯЛИ, VI, Тбилиси, 1977, с. 113

записей абхазского материала П.К.Усларом¹ и Н.Я.Марром² рецессия на ударение не наблюдается. Другим его подтверждением служит то, что в абазинском, где префикс определенности не преобразовался как в абхазском в префикс общности, рецессия ударения на *a* в словарной форме заимствований не происходит. Здесь в словарной форме мы имеем *адгы́л*, где с переходом в форму определенности ударение перемещается на префикс *адгы́л* «земля».

2. Если в заимствованном слове гласный *e* следует в абхазском за велярным согласным, то гласный, отдавая свой тембр согласному способствует его палатализации. Сам же редуцируется до *a*. Гласный *a* (<*e*) в конце основы не отпадает. Ср.:

груз. *цкепари* «тесло; плотничий топор» – абх. (бз) *ацкьяпар* то же;

груз. *кьети* «дубина» – абх. *акьат* «шест»;

мегр. *гергоба* «ноябрь» – абх. *гьаргæба* то же;

груз. *сарке* «стекло; зеркало» – абх. *асаркья* то же;

груз. *сахе* «образ; внешний вид» – абх. *асахья* то же.

3. Картвельское *-e* в конце основы передается в абхазском как подударный *-éy*.

Н.Я.Марр пишет о данном соответствии (впервые отмечено П.Чарая³) что «...поскольку оно представлено

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык: с приложением статей. I. О распространении грамотности между горцами: 2. Предложение об устройстве горских школ: 3. О составлении азбук кавказских языков. Тифлис, 1887.

² Марр Н.Я. Абхазско-русский словарь; Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Л., 1926.

³ Чарая П. Об отношении абхазского языка ... с.16

словами *аззеи* и *агэаргэарай*, надо отметить, что абхазское заимствование в данном случае воспроизводит форму именительного падежа *зизаи*, *горгореи* диалектное *зизеи*, *горгореи*»¹.

Груз. (имер) *горгоре* «маленькое колесо» – абх. *агэаргэарей* / *агэаргэалей* «тележка»;

груз. *бжье* «кислый; уксус» – абх. *абжьей* «уксус»

мегр. *багыре* «воробей» – абх.(абж.) *абагрей*, наряду с формой *а-багыр* то же;

мегр. *зизе* «кормилица» – абх. *аззей* то же.

Данный процесс мы объясняем иначе. Процесс образования гласного *е* в абхазском, как известно, идет из дифтонгоида *ай*, *йа*. Сам процесс имеет следующие ступени *ай* / *йа* > *ей* / *йе* > *е*. В данных примерах мы имеем промежуточный вариант *ей*, т.е. в ранних заимствованиях *е* передовалась как *ай* / *йа*, в более поздних как *ей* / *йе*, и лишь в позднейших, когда образовалась в абхазском языке гласная *е*, мы имеем передачу *е* > *е*.

4. В позднейших заимствованиях *е* передается без изменения.

Груз. *бери* «старик; монах» – абх. *абер* «монах»;

груз. *мелани* «чернила» – абх. *амелан* то же.

Следует заметить, что из всех новообразованных гласных *е* появилась раньше всех.

Передача гласного *о* в абхазском языке.

Передача гласного *о* в заимствованной лексике обнаруживает свои особенности. При передаче его в ранних заимствованиях данная гласная всегда

¹ Марр Н.Я. Из лингвистической поездки в Абхазию: к этимологическим вопросам. – ИАН, 1913, с. 22-23.

разлагалась на дифтонгоид *уа*. Далее в зависимости от окружения, данный дифтонгоид ведет себя по-разному.

1. Если гласная *о* (или точнее, дифтонгоид *уа*) следует в абхазском за велярным согласным, имеющим и лабиализованный вариант, то он способствует лабиализации согласного, и от него остается гласный звук *а*, т.е. *о>уа*, *у* – отходит в качестве лабиализации к согласному и остается *а*.

мегр. *коха* «кислый соус из алычи» – абх. (абж) *акәаха* то же;

мегр. *гергоба* «ноябрь» – абх. (абж.) *гьаргәаба* то же.

2. Если за гласным *о* следует согласный, не имеющий лабиализованного варианта, то получаем *согласный+а*.

Здесь так же мы имеем *согласный+уа*. Однако в силу имевшегося запрета на сочетание *согласный + у* в пределах слога, сонорный *у* вытесняется и остается только гласный *а*.

груз. *ძონი* «брод» – абх. *аҟан* то же;

груз. *მოჯა* «внук» – абх. *амаҟа* то же;

груз. *сомехი* «армянин» – абх. *ашәамахь* то же.

Данный гласный звук *а* в дальнейшем может редуцироваться до *ы*, или даже до ноль звука.

груз. *მოტკმა* «плач; причитание» – абх. *амыткәма* «причитание». (<*аматкәма);

груз. *ლომი* «лев» – абх. *алым* то же, (<*алам);

3. Гласная *о* в начале основы передается в виде дифтонгоида *уа*. Ср.: мегр. *охваме* «охваме» – абх. *ауахәама* то же.

груз. *ოქსი* «осетин» – абх. *ауаҟс* то же;

груз. *ода* «тип жилого дома» – абх. *ауада* «комната;

квартира»;

груз. *орби* «орел» – абх. *ауарба(жə)* то же;

мегр. *охваме* «церковь» – абх. *ауахəама* то же;

мегр. *орқи* «пар» – абх. (абж.) *ауарқь* то же.

Здесь полугласный звук *у* не имеет непосредственного контакта с согласным, благодаря чему и сохранился.

4. Гласная *о* в поздних заимствованиях передается без изменения.

Выше мы отмечали, что адекватности передаче картвелизмов в абхазском языке способствовали постоянные контакты, при котором семантические и фонетические отклонения в заимствованном слове могли постоянно корректироваться со стороны языка-источника. Прекрасной иллюстрацией данной мысли служат поздние заимствования.

груз. *моҭа* «внук» – абх. *амоҭа* то же. Более раннее заимствование мы имеем в форме *амаҭа* то же;

мегр. *ҭорцьо* «голавль» – абх. абж. *аҭорцья* то же. Более раннее заимствование в том же диалекте *аҭəрцья* то же.

Передача гласного *у* и согласного *в* в абхазском языке.

Звуки *в* и *у* в заимствованиях передаются как дифтонгоид *уы*. Наличие гласного *ы* объясняется тем, что в абхазском полугласная *у* без сопровождения гласного не реализуется.

1. Данное сочетание ведет себя так же как и вышерассмотренный дифтонгоид *уа*, т.е. если данное сочетание стоит за велярным согласным, имеющим и лабиализованный вариант, то мы получаем лабиализованное согласный + гласный. С той лишь

разницей, что остается не гласная а, а ы.

мегр. *квиркве* «июнь» – абх. *кәыркәа* то же;

мегр. *квинче* «чиж» – абх. *акәынча* «пеструшка»,
более поздняя форма *акәинча*;

мегр. *кварцахи* «кислый соус из алычи» – абх. (абж) *акәарцахь* то же. Здесь стечение а+ы дало а.

2. Если за звуками в, у следует согласный, не имеющий лабиализованного варианта, то получаем согласный + ы.

груз. *пативи* «уважение» – абх. *апатыу* то же. Безударное ы в исходе основы регулярно отпадает.

При стечении данного ы с гласным основ а всегда получаем а. Ср. мегр. *цъвари* «крест» – абх. *ацъар*. Здесь мы имеем следующий процесс: разложение картв. в на уы на абхазской почве. Далее запрет на сочетание у с согласным, что приводит к его вытеснению. Оставшийся гласный ы в соседстве с гласным основы а, из-за известного запрета на сочетание ы + а, также выпадает. Следует отметить, что запрет на сочетания согласный + полугласный регулярно прослеживается и в заимствованиях из других языков. В современном абхазском языке данный запрет отсутствует. Процессу преодоления данного запрета способствовала полная редукция огласовок классно-личных показателей *й, ў*.

3. Картвельские в, у в начале основы или в окружении гласных дают в абхазском уы. Однако если за данным уы стоит гласный а, то сочетание уы+а закономерно дает уа.

груз. *шьевардени* «сокол» – абх. *ашъауардын* то же;

груз. *тавади* «князь» – абх. *аҭауад* то же;

Картвельские заимствования (т.е., грузинизмы и мегрелизмы) в абхазском языке многочисленны и носят

в тематическом плане самый разнообразный характер. Естественно, однако, что их удельный вес в самурзаканском, абжуйском и бзыбском диалектах не одинаков. В первом из них, в течение особенно длительного времени контактирующем с картвельскими языками, и в прошедшее столетие вследствие миграционных процессов попавший в мегрельскую языковую среду, заимствований значительно больше.

Впрочем, абхазско-мегрельский билингвизм, распространенный в данном регионе, далеко не всегда дает возможность отграничить подлинные заимствования от окказионального употребления картвельских слов. Чтобы дать некоторое представление, об общем объеме картвелизмов в абхазском языке, можно, например, сказать, что в абхазско-грузинском словаре С.Н.Джанашия, отражающем их неполным образом, содержится примерно 200 картвелизмов.

В абжуйском диалекте картвелизмов меньше чем в самурзаканском, но значительно больше, чем бзыбском, что объясняется более западным расположением бзыбского диалекта. В самом бзыбском диалекте отмечаются картвелизмы, которых нет ни в самурзаканском, ни в абжуйском диалекте абхазского языка (такие как *ауард*, *ахьархь*, *Хьачхьама* и пр.) т.е. заимствование шло не через посредство соседних абхазских диалектов а непосредственно через носителей картвельских языков, которых в немалом количестве переселяли в бзыбскую Абхазию в свое время князья, дворяне и церковь. Так, значительная часть такого сословия как *ашьнакма*, являлись выходцами из Мегрелии или Грузии.

Подавляющее большинство заимствованного из картвельских языков основ составляют имена существи-

тельные. Число глагольных основ незначительно. Назовем здесь несколько из них:

абх. *анатра* (<груз. *натвла*) «крестить»;

абх. *абандалеира* (<груз. *бандали*) «ходить шатаясь»;

абх. *апатхалеира* (< груз. *патхали*) «барахтаться»;

абх. *ахандеира* (<мегр. *хандели*) «трудиться»;

абх. *апаткалеира* (<груз. *порткали*) «болтать» и другие.

Абхазские картвелизмы охватывают многие сферы общественной жизни человека. Принадлежа к так называемой «культурной лексике», они по существу не затрагивают основного словарного фонда языка. При этом особенно значительным оказывается удельный вес картвелизмсв в обозначениях хозяйственных реалий.

В абхазских картвелизмах, наряду с исконно картвельскими основами, значительное место занимают слова тюркского, персидского, армянского происхождения, проникшие в абхазский через картвельское посредство.

Отметим, что нам не удалось зафиксировать сколько-нибудь убедительных абхазско-сванских лексических соположений. Отмечаемые некоторыми исследователями соположения являются основами миграционного характера, широко распространены по языкам и направление их заимствования остается совершенно неясным.

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

О непосредственном влиянии русского языка на абхазский можно говорить лишь с XIX в. после присоединения Абхазии к России (1810 г.), хотя отдельные русизмы могли проникать и в более ранние периоды. В любом случае говорить о каких-либо относительно древних заимствованиях непосредственно из русского языка, по крайней мере, до XVII века нет основания. Отсутствие письменных памятников данного периода на абхазском языке не дают возможности достаточно точно паспортизировать наиболее ранние заимствования. Такими основами могли быть, в первую очередь, предметы торговли. Так основа *асамцал* «курок» идет из русск. *самопал*, данный вид оружия стал проникать в Абхазию в XVII в. К ранним заимствованиям, предположительно, можно отнести и абх. *акасы* – русск. *косынка*. В любом случае число подобных основ незначительно.

Ранее предполагалось, что абхазская основа *абора* «хлев» старое заимствование русского диалектного *обора* с тем же значением. Однако, учитывая, что сама основа восточного происхождения, первоисточник здесь араб. или перс. *anbar* «хранилище», (основа в разных фонетических вариациях широко распространена и в тюркских языках). Скорее всего, абхазская основа идет из тюркского.

С утверждением русской администрации в Абхазии в XIX в. наступает первый этап массовых заимствований из русского языка в абхазский. Данный этап

¹ Конджария В.Х. Из истории абхазского литературного языка (дореволюционный период). – Сухуми, Алашара, 1984. С.36.

характеризуется только устными заимствованиями. С появлением письменности и развитием школьной сети, и в первую очередь благодаря периодической печати (газета «Ацсны»), стали появляться и письменные заимствования. В.Х.Конджария, изучавшая историю развития абхазского литературного языка, отметила, что основы, вошедшие в абхазский через письменный язык передавались транслитерационным путем, а через устный – транскрипционным.¹ Подобная передача стала возможной только после освоения населением Абхазии русским языком. В ранних заимствованиях формы слов во многих случаях далеки от своего оригинала. Ср. русск. *благочинный* – абх. *абаҭаҭачын* то же; русск. *дуэль*, абх. *адиуал*; русск. *мировой посредник* – абх. *амромпастанык* и пр.

Со временем, благодаря постоянным контактам, формы основ изменялись в сторону приближения к языку-источнику. Ср. русск. *солдат* > абх. ранее заимствование *асалант*², более позднее заимствование *асолдат* то же.

Самые ранние русизмы являются устными заимствованиями. В более поздний период преобладают письменные заимствования – общественно-политическая терминология, проникавшая из языка прессы. Основное отличие устных и письменных заимствований заключается в фонетической передаче звуков при устных заимствованиях и зависимость абхазской формы от письменной формы русского слова.

При устных заимствованиях русские согласные л,

¹ Конджария В.Х. Из истории абхазского литературного языка (дореволюционный период). – Сухуми, Алашара, 1984. С.36.

² В подобной форме слово зафиксировано в фольклорных записях А.К.Хашба в 1928 г. (См. Хашба А.К. Избранные работы / Сост. ред. и предисл. Х.С.Бгажба. – Сухуми, 1972. С.95-96.

т чаще передавались абхазским придыхательными *т*, *т* чем абруптивами *п*, *т*, а русское *к* – наоборот, абруптивом *к*¹.

Ср. русск. *капитан* – абх. *акапдан* то же;

русс. *солдат* – абх. *асалдаҭ* то же;

русс. *конфета* – абх. *акамфеҭ* то же.

Еще одной особенностью русизмов абхазского языка является наращение гласного *а* в конце основы за согласным *-к*:

русс. *ларёк* – абх. *аларка* (35.45.4)² то же.

русс. *участок* – абх. *аучаска* (35.6.2) то же;

русс. *подарок* – абх. *ападарка* то же;

русс. *посёлок* – абх. *апаселка* то же.

Данный процесс распространяется и на личные имена. Ср.:

русс. *Славик* – абх. *Славика* то же;

русс. *Котик* – абх. *Кѣатика* то же;

русс. *Толик* – абх. *Толика* то же.

Можно предположить, что в аоследнем случае мы имеем влияние русского уменьшительного суффикса *-ка*.

Другой русский уменьшительно-ласкательный суффикс *-чка* вместе с именами собственными стал также широко использоваться в абхазском языке, особенно в бзыбском диалекте. Ср.:

русс. *Сонечка* – абх. *Сончка*;

русс. *Ванечка* – абх. *Уанчка* // *Ванчка*;

русс. *Ирочка* – абх. *Ирчка*;

Причем, данный элемент не воспринимался как суффикс и заимствовался вместе с именем.

¹ См. Бгажба Х.С. Абхазские лексические заимствования... С. 68.

² Здесь и далее цифры в скобках за примерами указывают на год, номер и страницу газеты «Аҭсны ҟаҭшь».

Позднее в бзыбском диалекте он был заимствован как десемантизированный элемент имен и стал прибавляться только к женским именам.

Ср.: абх. женск. имя *Арда* – *Ардачка*; *Адица* – *Адичка*.

К мужским именам стал прибавляться суффикс -чик. Ср.: *Нурчик*, *Зурчик* и пр.

Аналогичные процессы известны и с другими элементами, заимствованными из турецкого (*беи*), татарского (*гьери* – < гирей – титул ханских князей) и адыгских языков (*-кәа*, *-хәа* «сын»). Данные элементы прибавлялись только к мужским именам. Ср. *Баҭал*, *Баҭалбеи*, *Баҭакәа*; *Чагьам*, *Чагьамхәа* и пр.

Имена собственные хорошо отражают культурное влияния на язык. Так для Абхазии в 18-19 вв. характерно большое количество имен из восточных языков, проникшие в основном из турецкого и адыгские имена с окончанием на *кәа*, *хәа*. С конца 19 в. отмечаются имена собственные, идущие из русского языка. С 30-х по вторую половину 50-х годов отмечается рост грузинских имен, которые потеснили русские имена. В конце 50-х годов отмечается небольшой всплеск русских имен. Затем, с 60-х годов стали преобладать абхазские или же восточные имена, воспринимаемые как исконные.

Другой спецификой передачи ранних русизмов является упрощение основ, в основном за счет выпадения глухого звука из комплекса согласных.

Ср. русск. *верста* – абх. *аверс* то же;

русс. *участок* – абх. *аучаска* то же;

русс. *цемент* – абх. *ацамет* то же.

Упрощение происходило в основах с согласным -щ, который передается в абхазском в виде -шьч. Ср.:

русс. *сдельщина* – абх. *азделчина* то же;

русс. *щётка* – абх. *ачотка* // *ачоткь* то же;

русск *штукатурка* – абх. *ач(ы)катур* то же.

Известно, что в более ранних заимствованиях в абхазский язык, если за велярными согласными, имеющие и палатализованный ряд, следовали гласные *е, и*, то согласные палатализовались и от гласных оставались *а (<е), ы (<и)*.

Ср. русск. *дороги* – абх. *адрогьқәа* (35, 7, 1) (с выпадением безударного *-ы <*адрогьықәа*) то же;

русск. *шифон* – абх. *ашьыфон* то же;

русск. *машина* – абх. *амашьына* то же.

Если за велярными согласными, имеющими и лабиализованный ряд, следовали гласные *о, у*, то согласные лабиализовывались и от гласных оставались *а (<о), ы (<у)*. Данные процессы носили регулярный характер. В русизмах абхазского языка подобные преобразования были характерны вплоть до 50-х годов XX столетия.

русск. *кустарь* – абх. *акәыстар* (35, 31, 1) то же;

русск. *гулять* – абх. *агәлеира* то же.

русск. *культурник* – абх. *акәылтурник* (35, 31, 2).

Лабиализации не подвергались лишь согласные *т, ш, ж* хотя они и имеют лабиализованный ряд. Причина здесь в высокой степени лабиализации у данных согласных. Появление *тә, жә, шә* в заимствованиях вообще довольно редкое явление.

Ср. русск. *тунель* (разг. *тонель*) – абх. *атонел* (35, 240, 2) то же;

русск. *журнал* – абх. *ажыурнал* то же;

русск. *парашют* – абх. *апарашут* то же.

Согласный *-в* в абхазском языке новообразование и поэтому во всех заимствованиях до середины XX в. данный звук передавался в виде *-уы*, в поздних же заимствованиях мы имеем уже передачу аналогичным абхазским звуком *-в*, развившим на базе родного языка.

Ср.:

русск. *товар* – абх. *атауар* то же;

русск. *водка* – абх. *ауатка* то же;

русск. *ведро* – абх. *ауедра* то же (в всех примерах из-за запрета на сочетание двух гласных *ы* выпадает).

К периоду с 30-х по 50-е годы XX столетия приходится появление, а точнее, заимствование мягкого *ль* в абхазском языке. По всей вероятности массовый билингвизм абхазов (абхазско-мегрельский и абхазско-турецкий, где наличествует данный звук), подготовил почву для появления данной фонемы и в абхазском. Однако, утверждение его пришлось на период массовых заимствований из русского языка. Уже в 30-х годах появляются варианты с написанием с мягким *-ль*.

Ср. русск. *сельпо* – абх. *аселпо* (35, 20, 4), *асельпо* (35, 249, 3) то же.

русск. *посольство* – абх. *апосолство* (35, 111, 1), *апосольство* (35, 21, 3) то же.

Аналогичное заимствование уже из турецкого языка отмечается в речи турецких абхазов. Более того, здесь палатальный звук *-ль* стало теснить, в определенных позициях, и *-л* в исконных основах.

Остальные палатальные согласные, при отсутствии их аналогов в абхазском в ранних заимствованиях веляризировались.

Что же касается гласных *о*, *е*, то они, по всей вероятности к периоду 30-х годов уже имели более прочную позицию в заимствованиях чем *и*, *у* и не разлагались на свои составные части (*о < уа*; *е < ѱа*), от которых они образуются в исконном материале. (Как известно, и сегодня в исконном материале данные гласные *е*, *о*, *у*, *и* еще не имеют статуса фонем).

Отмечаемый в абхазском языке процесс отнесения начального корневого гласного к аффиксу общности

отражается и на русизмах. Ср.:

русск. *анонимно* – абх. *нонимла* то же;

русск. *автобусом* – абх. *втобусла* то же;

русск. *алфавит* – абх. *аҭсуа лфавит* «абхазский алфавит».

Новые общественно-политические реалии, появившиеся в Абхазии с приходом русской администрации, а позднее и установление Советской власти, послужили причиной наплыва большого числа лексических заимствований. Большой наплыв русизмов, с одной стороны, и отсутствие квалифицированных кадров в достаточном количестве, способствовали введению в язык (в основном прессы) немалого числа основ без попыток перевода или же соответствующей фонетической адаптации (напр. *аконтора, аотделение, асубботник, аистория*)¹. Число подобных основ было столь велико, что язык не в состоянии был переработать их за короткий срок. И, поэтому, они в большинстве своем довольно долго функционировали у основной массы населения на правах варваризмов. Позже, благодаря общеобразовательным школам, школам-ликбезам для взрослых и периодической печати, часть данных основ стали менять свой статус в сторону их полного освоения. Для другой же части были подобраны соответствующие эквиваленты из абхазского языка, где довольно часто использовалось и расширение значения исконного слова.

В целом, 30-40-е годы XX в. характеризуются как период широкого освоения русского языка, в первую очередь городским населением. Однако, именно в этот период усиливается новая экспансия грузинского языка. Формы давления, а точнее попытка ассимиляции носили

¹ См. Конджария В.Х. Из истории развития абхазского литературного языка. с.30.

грубый, беспрецедентный характер. Сначала по приказу из Тбилиси закрывается абхазский сектор педагогического техникума, где готовились кадры для абхазских школ. Закрываются средства массовой информации и школы на абхазском языке. И без того немногочисленная интеллигенция подвергается репрессиям. В некоторых районах у лиц абхазской национальности изымают паспорта и возвращают их в течение нескольких суток с внесением изменения в графе «национальность». Здесь вместо записи «абхаз» или «абхазка» появились «грузин» и «грузинка». Ставился и вопрос о выселении абхазов с данной территории, как это было с другими народами Кавказа, однако, понимая, что освоить всю освобождающую территорию грузины не в состоянии, было решено огрузинить абхазов. Судя по материалам, основным препятствием, наряду с сопротивлением самих абхазов данному процессу, был русский язык. Широкая популярность его в среде абхазов тормозило работу ассимиляторов.

Одним из решений данной проблемы виделось в насильственной замене собственно русских основ и интернационализмов, проникших через русский язык в абхазский, на грузинские основы. Большое число подобных замен было произведено в общественно-политической и учебной терминологии.

Чем сильнее было давление со стороны Грузии на Абхазию и абхазский язык, тем сильнее абхазы тянулись к России и к русскому языку. Это в свою очередь вызывало ревность грузин и новые еще более изощренные попытки ассимиляции, как то насильственные переселения части грузинского населения из Западной Грузии в Абхазию. С 50-х годов, после развенчания культа личности И.Сталина, с

восстановлением абхазских школ и средств массовых информации, значение грузинского языка падает. На первое место выходит русский язык – ставший языком межнационального общения и информации. Именно данные факторы стали основой для широкого абхазо-русского билингвизма в абхазской среде. Получая всю культурную информацию через посредство русского языка, и, не имея иного доступа к ней, абхазский язык стал усваивать интернациональную лексику в его русской форме.

К концу XX в. позиция русского языка усилилась настолько, что стала теснить абхазский язык. О степени давления на абхазский язык свидетельствует не только билингвизм абхазов, но и заимствование других согласных русского языка. Если к периоду 50-х годов, т.е. за полвека, был заимствован только один согласный *-ль*, то за следующие полвека были заимствованы большое число палатальных звуков русского языка. Ср.:

Русск. палатальный согласный *ль* – абх. *пъ*.

русс. *пьионер* (орфографический *пионер*) – абх. *апьионер* (орф. *апионер*) то же;

русс. *пьианино* (орфографический *пианино*) – абх. *апьианина* (орф. *апианино*) то же;

русс. *пьерфект* (орфографический *перфект*) – абх. *апьерфект* (орф. *аперфект*) то же;

русс. *спьичка* (орфографический *спичка*) – абх. *аспьичка* (орф. *аспичка*), ср. старое заимствование *аспычка* то же;

русс. *бь* – абх. *бъ*

русс. *бьюрократ* (орфографический *бюрократ*) – абх. *абьюрократ* (орф. *абиурократ*) то же;

русс. *бюджет* (орфографический *бюджет*) – абх. *абюджет* (орф. *абиуцъет*) то же;

русск. *бьинт* (орфографический *бинт*) – абх. *абынт* (орф. *абинт*) то же;

русск. *быльет* (орфографический *билет*) – абх. *абылет* (орф. *абилет*), ср. старое заимствование *аблет* то же;

русск. *фь* – абх. *фь*

русск. *фьедьерация* (орфографический *федерация*) – абх. *афьедьерациа* (орф. *афедерация*) то же;

русск. *фьельетон* (орфографический *фельетон*) – абх. *афьелетон* (орф. *афельетон*) то же;

русск. *фьилтр* (орфографический *фильтр*) – абх. *афьилтр* (орф. *афилтр*) то же;

русск. *фьерма* (орфографический *ферма*) – абх. *афьерма* (орф. *аферма*), ср. старое заимствование *аферма* то же;

русск. *вь* – абх. *вь*

русск. *вьентильяция* (орфографический *вентиляция*) – абх. *авьентильиация* (орф. *авентильяция*) то же;

русск. *пьерфект* (орфографический *перфект*) – абх. *апьерфект* (орф. *аперфект*) то же;

русск. *Вьетнам* – абх. *Вьетнам* то же;

русск. *вексель* (орфографический *вексель*) – абх. *авьексель* (орф. *авьексель*) то же;

русск. *вьельярный* (орфографический *велярный*) – абх. *авьельиартә* (орф. *авелиартә*) то же;

русск. *ть* – абх. *ть*

русск. *тьельефон* (орфографический *телефон*) – абх. *атьельефон* (орф. *ателефон*) то же;

русск. *тьема* (орфографический *тема*) –

абх. атьема (орф. атема) то же;
русс. тьехникум (орфографический *техникум*) –
абх. атьехникәым (орф. атехникуым) то же;
русс. тьирье (орфографический *тире*) – абх.
атьирье (орф. атире) то же;

русс. дь – абх. дь
русс. дьекада (орфографический *декада*) – абх.
адьекада (орф. адекада) то же;
русс. дьекорация (орфографический *декорация*)
– абх. адьекорация (орф. адекорация) то же;
русс. дьельегация (орфографический *делегация*)
– абх. адьельегация (орф. аделегация) то же;
русс. дьялог (орфографический *диалог*) – абх.
адьялог (орф. адиалог) то же;
русс. дьюративный (орфографический
дюративный) – абх. адьиуративтә (орф.
адиуративтә) то же;

русс. съ – абх. съ
русс. съемьинар (орфографический *семинар*) –
абх. асьеминар (орф. асемьинар) то же;
русс. сьимвол (орфографический *символ*) – абх.
асьимвол (орф. асимвол) то же;
русс. сьюжет (орфографический *сюжет*) – абх.
асьиужет (орф. асиужет) то же;
русс. сьериа (орфографический *сериа*) – абх.
асьериа (орф. асериа) то же;

русс. зь – абх. зь
русс. зьебра (орфографический *зебра*) – абх.
азьебра (орф. азебра) то же;
русс. музей (орфографический *музей*) – абх.
амузьеи (орф. амузеи) то же;

русск. *Зымбабве* (орфографический *Зимбабве*) – абх. *Зымбабве* (орф. *Зимбабве*) то же;

русск. *рь* – абх. *рь*

русск. *ряд* (орфографический *ряд*) – абх. *арьиад* (орф. *ариад*), ср. старое заимствование *арад* то же;

русск. *резюме* (орфографический *резюме*) – абх. *арьезьиуме* (орф. *арезиуме*) то же;

русск. *ребус* (орфографический *ребус*) – абх. *арьебус* (орф. *аребус*) то же;

русск. *мь* – абх. *мь*

русск. *миллиметр* (орфографический *миллиметр*) – абх. *амьиллиметр* (орф. *амиллиметр*) то же;

русск. *минимум* (орфографический *минимум*) – абх. *амьинимум* (орф. *аминимум*) то же;

русск. *мюзикл* (орфографический *мюзикл*) – абх. *амьиузыкыл* (орф. *амиузикл*) то же;

русск. *нь* – абх. *нь*

русск. *нюанс* (орфографический *нюанс*) – абх. *аньиуанс* (орф. *аниуанс*) то же;

русск. *никель* (орфографический *никель*) – абх. *аньикель* (орф. *аникель*) то же;

русск. *Нью-Йорк* (орфографический *Нью-Йорк*) – абх. *Ньиу-иорк* (орф. *Ниу-иорк*) то же;

При заимствовании русской основы с палатальным согласным, аналог которого наличествуют в абхазском (*гь, кь, хь*), в старых заимствованиях и в устной речи подставляются абхазские палатальные согласные. Ср.:

русск. *хина* (*хинин*) – абх. *ахьи́на* то же;

русск. *кьино* (орф. *кино*) – абх. *акьино*, орф. *акино*.

В поздних заимствованиях в абхазском сохраняется форма написания, как и в русской основе.

Иное положение мы имеем при заимствовании русских палатальных шипящих *шь, жь*. Если в ранних заимствованиях имело место подстановка исконных палатальных согласных, (*ашьнел* «шинель»; *ажьест* «жесть»; *амашьи́на* «машина»; *ашьи́фон* «шифон»), то в поздних, они также передаются в абхазском в виде палатальных согласных, однако здесь не происходит подстановка исконных палатальных *шь, жь*. Исконные палатальные шипящие имеют более сильную степень палатализации, чем у русских звуков. В подобных основах заимствуются русские звуки *шь, жь*. Ср.:

русск. *жюри* (орф. *жюри*) – абх. *ажьиури* (орф. *жиури*) то же;

русск. *жыраф* (орф. *жираф*) – абх. *ажьираф* (орф. *ажираф*) то же;

русск. *парашьют* (орф. *парашют*) – абх. *апарашьиут* (орф. *апарашиут*) то же.

У поздних русизмов абхазского языка имеется еще одна особенность, не отмечаемая в других заимствованиях. При наличии сложной основы, состоящей из русского корня и интернациональной части, русская часть переводится, а интернациональная остается без изменения. Причина подобного явления кроется в «узнавании» русской основы в связи с широким распространением абхазо-русского билингвизма у абхазов. Ср.:

русск. *кинокартина* – абх. *акиносахья*; русск. *телевидение* – абх. *ателехуацшра* и пр.

Основная часть русизмов современного абхазского языка – интернациональная лексика. Наибольшее

число их вошло в абхазский язык в советский период. Учитывая, что связи с внешним миром были ограничены и шли только через русский язык, а также то, что последний был языком межнационального общения, число подобных заимствований велико. Наряду со словами, заимствовались и служебные элементы (ателе-; акино-; авто- и пр.).

Влияние русского языка отмечается не только в лексике и фонетике, но и в синтаксисе. Последнее проявляется, прежде всего, в «появлении новых конструкций: новых оборотов, словосочетаний, изменении обычного порядка слов в предложении. Под непосредственным влиянием русского языка возникли такие конструкции с инверсивным строем предложения, которые главным образом встречаются в переводной литературе»¹ и прессе.

¹ См. Конджария В.Х. Из истории развития абхазского литературного языка. с.45.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексика абхазского языка содержит в своем составе значительное число слов иноязычного происхождения. Заимствованный материал может быть распределен по нескольким пластам, различным по их времени и источнику.

Если оставить в стороне отдельные труднообъяснимые словарные параллели абхазского языка реконструируемыми индоевропейскими архетипами, то наиболее древний, но незначительный слой такой лексики составляет слова индоиранского происхождения, реальным источником которых могла быть речь древних обитателей территории Абхазии.

Следующим, в хронологическом плане (последние века до н.э.), являются немногочисленные абхазские грецизмы.

Для эпохи IV-V вв. н.э. реальным представляется проникновение в абхазский отдельных германизмов (ср. пребывание остготов на Северозападном Кавказе).

Отдельную группу образуют и аланизмы (древние осетинизмы) абхазского языка, заимствованные до XIII века (число убедительных соположений не превышает двадцати единиц).

В словарном составе абхазского языка наиболее мощный пласт образуют слова тюркского происхождения, значительную часть которых составляют собственно турцизмы (к которым присоединяются слова арабского и персидского происхождения), проникавшие в абхазский язык с середины XVI до конца XIX вв. Общее число последних, учитывая архаичные слова и лексемы, остающиеся в пассивном запасе словаря, составляет около 300-350 единиц.

Другим широким по своему объему пластом заимствований в абхазской лексике являются картве-

лизмы (т.е. грузинизмы и мегрелизмы). Здесь, как и в предыдущем пласте, наряду с собственно картвельскими лексемами отмечается ряд слов, в конечном счете, арабского, персидского, турецкого, армянского и пр. происхождения. Общее число картвелизмов в абхазском языке около 250 – 300 единиц. В абжуйском диалекте вместе с основами, находящимися в окказиональном употреблении, их больше чем в бзыбском. Однако число старых картвелизмов в абхазском весьма незначительно. Основной их приток приходится на XIX-XX вв. В частности, немалая их часть проникла в период с 20-х по конец 50-х годов XX века.

Менее значительный пласт составляют адыгизмы абхазского языка (выявлено около 60 основ), проникавшие сюда с XVII по конец XIX столетия. Значительная часть из них, как предполагается, могла проникнуть через посредство абазинского языка. Еще ограниченнее оказывается группа абхазских аланизмов (староосетинизмов).

Исследование заимствованной лексики имеет различные аспекты. Здесь приходится учитывать как собственно лингвистические, так и социологические, историко-этнографические и пр. моменты. В работе, рассмотрение заимствований проводится, в основном, с помощью описательного и сравнительно-исторического методов. При диахроническом анализе заимствованной лексики большое внимание уделяется фонетическим критериям. Это позволило, в целом ряде случаев, пересмотреть квалификацию ряда слов ранее отнесенных к заимствованной или исконной лексике.

В работе, наряду с выявлением лексико-фонетических критериев выделения заимствования, характерного для абхазского языка, нашли отражение вопросы, имеющие определенную ценность для изучения семасиологии и общих закономерностей про-

цесса заимствования. Например:

широкие и устойчивые контакты содействуют сохранению основного семантического значения заимствуемого слова;

структурная близость заимствованных слов со словами заимствующего языка способствует вхождению слова в лексикс грамматическую систему без особых его изменений;

основной причиной параллельных заимствований в языке является отсутствие достаточной концентрации общественной жизни у носителей заимствующего языка и т.п.

Процесс адаптации основ иноязычного происхождения в абхазском определяется двумя основными признаками – формальными и функциональными. Формальный признак находит свое выражение в адаптации, идущей по линии максимального приближения фонетической и морфологической характеристик материала к соответствующим системам реципиента. С одной стороны, это избегание нетипичных комплексов, разложение гласных *o*, *e*, адыгских латеральных согласных и согласного *в*, прогрессивная и регрессивная лабиализация согласных, регрессивная палатализация согласных под воздействием гласных *e*, *и*, разная субституция отдельных фонем, находящаяся в зависимости от позиции ударения в слове, редукция безударных гласных, рецессия ударения на аффикс общности. С другой стороны, это отсечение элементов, несущих нерелевантную для абхазского языка семантическую или грамматическую нагрузку, в частности, картвельского суффикса номинатива.

Формальный признак получает свое отражение в семантических изменениях заимствованной леммы (сужение значения за счет заимствования слова в одном из его значений и дифференциации с исконными синонимами, специализация лексики, наращение но-

вых элементов, стилистическая ассимиляция). Развитие комбинаторных возможностей заимствований, реализуемых в их сочетаниях с исконными основами, также можно рассматривать как аспект семантической адаптации заимствований в абхазском языке.

Особое внимание в работе уделяется фонетике передачи иноязычных слов, что служит своего рода критерием отграничения материала, связанного отношением заимствования, от исконного. Этот критерий способствует более точному определению непосредственного языка-источника для абхазских форм. Наиболее типичным при этом оказываются передача гласных *o*, *y*, и согласного *v*, комплексами *ya*, *uy*. При наличии же перед данными фонемами велярного согласного имеет место его лабиализация и сохранение последнего гласного. Подобным же образом способствуют палатализации и гласные *e*, *i* заимствованных лексем.

Вводятся коррективы и дополнения в правило, сформулированное А.К.Шагировым для передачи в абхазском специфических адыгских согласных.

Наряду с традиционными критериями заимствованных основ, практикующимися в кавказоведении, в работе впервые вводится в обиход принцип определения и конкретной атрибуции заимствований в абхазском языке на базе акцентологического критерия. Замеченная специфика изучаемого языка, сохранять позицию ударения языка-источника позволила выявить целый ряд лексем, ошибочно трактовавшихся ранее в качестве заимствований.

Благодаря особенностям акцентологии абхазского языка, удалось выявить и ряд новых слов иноязычного происхождения, а также более строго обосновать их заимствованный характер, ранее принимавшийся предположительно. С учетом закономерностей акцентологии обосновывается и специфика как

ранее отмеченных, так нововывявленных форм передачи специфических звуков адыгских языков, в частности, глухого и звонкого латерального л, а также спирантов х, ху, гъ и гъу. В качестве критерия используются и другие фонетические процессы воздействующего языка. В работе формулируется и ряд других фонетических критериев, способствующих разграничению словарного состава абхазского языка на исконный и заимствованный фонды.

Наряду с общепринятым подразделением иноязычных слов на вошедшие в активный запас языка или на пассивный, для абхазского характерна и особая группа слов, функционирующая исключительно в языке фольклора.

Морфологическое освоение является необходимым условием вхождения иноязычных лексем в абхазский словарь. С грамматической точки зрения среди заимствований заметно преобладают имена существительные. Отмечается также некоторое количество глаголов и междометий. Имена оформляются аффиксом общности а-, глаголы – в форме масдара – суффиксом –ра. Небольшая часть основ, воспринятые как междометия, а также географическая номенклатура, морфологически не оформляется.

В работе кратко обосновывается как экстралингвистические, так и внутрилингвистические причины лексических заимствований в абхазский язык.

Разработанный материал показывает, что в хронологически различных заимствованиях отмечаются закономерно различающиеся способы формальной адаптации лексем.

В конечном счете, количество заимствованных основ нашло свое отражение и в качественной стороне языка. Широкая волна турцизмов, картвелизмов и русизмов способствовали проникновению в систему абхазского языка новых звуков.

СОКРАЩЕНИЯ

абаз. — абазинский
абж. — абжуйский
абх. — абхазский
абх.-абаз. — абхазо-абазинский
ав. — аварский
адыг. — адыгский
адыгейск. — адыгейский
аккад. — аккадский
араб. — арабский
бз. — бзыбский
герм. — германский
гот. — готский
греч. — греческий
груз. — грузинский
гунз. — гунзибский
дарг. — даргинский
др.-англ. — древеанглийский
др.-в.нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-исл. — древнеисландский
др.-русск. — древнерусский
др.-сакс. — древнесаксонский
и.-е. — индоевропейский
каб. — кабардинский
каб.-черк. — кабардино-черкесский
картв. — картвельский
к.-балк. — карачаево-балкарский
лаз. — лазский
лат. — латинский
мегр. — мегрельский
осет. — осетинский
перс. — персидский
сван. — сванский
ср.-перс. — среднеперсидский
ср.-тур. — среднетурецкий
тур. — турецкий
тюрк. — тюркский
убых. — убыхский

ЛИТЕРАТУРА

- Abaev V.I. Contribution a l' histoire des mots. – Mǔlanges linguistiques offerts a Emile Benveniste. Paris, 1975.
- Andriotes N.P. Etimologiko lexiko tes koines neollim kes. Athen, 1951.
- Boretzky N. Der tǔrkischer Einfluss auf das Albanische. T.I. Phonologie und Morphologie der Albanischen Turzismen.– Albanische Forschungen, hrg. von G. Stadtmǔller. B.XI. Wiesbaden, 1975, 279 S..
- Boretzky N. Wǔrterbuch der Albanischen Turzismen T. II.– Albanische Forschungen, hrg. von G. Stadtmǔller. B.XII. Wiesbaden, 1976, 225 S.
- Bouda Ch. Ыtymologies oubykh // JA. 1960. T.248, fasc.2, p. 201.
- Bouda K. Das Abasinische, tint unbekannte abchasische Mundart. – Ztitschrift der Deutschen Morgenlǔndischen Gesellschaft. Bd.94, H.2 (Neue Folge, Bd. 19). Berlin-Leipzig, 1940.
- Bǔjuka O. Abhas Mitolojisi Anas mi? Istambul, 1971.
- Chirikba V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its phonological System and Parts of its Lexicon and Morfology. – Leiden: Research School CNWS. 1996.
- Deeters G., Mejer-Eppler W. Die tscherkesischen s-lauten.–ZfPh, 1956, s. 119.
- Deorfer G. Tǔrkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III. Tǔrkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967, S. 406-407.
- Dirr F. Die Sprache der Ubychen. Sonderdruc aus Caucasica, fasc. 4 und 5. Ltipzig, 1928.
- Dumǔzil G. Caucasique du Nord-Ouest et parles scythiques. Annali del Institute Orientale di Napoli. "Sezione linguistica". V. Roma, 1963, p.18;
- Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. – Handbuch der Orientalistik, VII. Bd.I. Abteilung, Leiden\Kǔln, 1963, s.33.
- Harmatta J. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2-nd Millenium B.C. (Linguistic Evidence) \ Этноческие проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.) М., 1981. С.79-80.
- Kuipers A.N. Phoneme and Morpheme in Kabardian 's-

Gravenhage, 1960, p.100.

Lafon R. 'Le nom de l'argent' dans les langues caucasiques // Rev. Hittite et Asianique. III, fasc. 10-11, janvier et avril, Paris, 1933.

Lomtatidze K.V. Die Spiranten f und f° in Lehnwörter der abchasisch-adyghischen Sprachen. – In: Sprache in Geschichte und Gegenwart. Jena, 1980.

Lucassen W. Loans in Abkhaz. – In: Studies in Slavic and general linguistics. Vol. I. Amsterdam, 1980,.

Mufti Habŋoq Sch. Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen. Einleitung und Lautlehre. Heidelberg, 1978,

Schiefner A. Ausführlicher Bericht über der General Baron Peter von Uslar's. Abchasische Studien. – Memoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, t. VI, №12, 1863.

Schiefner A. Ausführlicher Bericht über der General Baron von Uslar's Abchasische Studien. – Memoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, t. VI. #12, 1863, s.14.

Schmidt G. Abchasische Lehnwortstudien. – Studia Orientalia, XIV, 4. Helsinki, 1950.

Trubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues caucasiques septentrionales. – BSLP, 1922, t. XXIII, fasc. 3, # 72.

Von Meszaros J. Die Pdkhy. I. Sprache. – Studies in Ancient Civilization, # 9, 1934. The Oriental Institute of the University of Chicago. Budapest. Chicago.

Абаев В.И. Значение ареальных контактов в истории языка. // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, с. 8.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; т. II. М.-Л., 1973; т. III. М.-Л., 1979; т. IV. М.-Л., 1989.

Абаев В.И. Сложные слова – хранители древней лексики. – ВЯ, № 4, 1973, с.78;

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949, с.312-316.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М. Наука, 1956, с.27.

- Абдоков А.И. Внутригрупповые заимствования в абхазско-адыгских языках. – V региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. (Проблемы языковых контактов на Кавказе). Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973, с.1.
- Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик.: Эльбрус, 1973, с. 15, 55.
- Аджинджал Ер. Абхазская культура и античная традиция. – Алашара, 1982, №2.
- Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., Наука, 1971
- Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухуми, Алашара, 1976, с. 74.
- Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П. Абхазский язык. (Фонетика и морфология). Курс лекций с использованием лекций проф. К.В.Ломтатидзе. Сухуми, 1966, (на абх. яз.).
- Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. – Тбилиси, 1979.
- Ахметянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1985.
- Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик. 1965. с.58.
- Бгажба Х.С. Абхазские лексические заимствования из русского языка.–Известия АБИЯЛИ, III, Тбилиси, 1974, с.66-74.
- Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследования и тексты. Тбилиси, 1964.
- Бганба В.М. К происхождению абхазских топонимов. – Алашара, №1, 1998. С.115-121 (на абх. яз.).
- Бганба В.М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов. \\\ Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Вып. 1. Сухум, Алашара. 2000.с.46-79.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с.295.
- Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (сравнительный анализ). Сухум, 2000
- Воронов Ю.Н. Древняя Ассирия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998, с.15.
- Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.: Наука,

- 1979, с.6, 216, 230.
- Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.:Наука. 1979, с.239.
- Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта.– М., 1955.
- Генко А.Н. Абхазский вокализм.–Известия АН СССР, VII серия, отд. гуман. наук. № 1, Л., 1928.
- Генко А.Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. – Труды АБНИИ, т. 28, Сухуми, 1957.
- Георгиев В. Исследования по сравнительному историческому языкознанию. М., 1958, с.151,245.
- Грамматика кабардино-черкесского языка. М.. Изд. АН СССР, 1957, с. 30.
- Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Сухуми: Алашара, 1968.
- Гулиа Д.И. История Абхазии. Тифлис, 1925, т.1.
- Джанашия Н.С. Абхазский культ и быт. Христианский Восток. IV, вып. 3, Спб., 1917.
- Джанашия С.Н.О форме названия верховного абхазского бога. – Труды, т. III. – Тбилиси., 1959.
- Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, АН АрмССР, 1976, с.105.
- Джонуа Б.Г. Дескриптивная лексика абхазского языка. \ \ Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Вып. 1. Сухум. Алашара, с.91-100.
- Джонуа Б.Г. Климов Г.А. К индоаризмам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные) \ \ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т.44, №2. Шагиров А.К., Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских (праиндийских) лексических заимствований в северокавказских языках. \ \ ВЯ, 1985. №1.
- Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
- Дзидзария О.П. Морская лексика в абхазском языке. Сухуми, 1989, с.15.
- Дзидзария О.П. Термины мореходства у абхазов. Сухуми: Алашара, 1989.
- Дирр А.М. Материалы к изучению языка и быта абхазцев.–

- СМОМПК, вып. XI, отд. 4. Тифлис, 1915.
- Инадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тбилиси, 1968, с.10;
- Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 378-379.
- Ионова С.Х. К характеристике общей заимствованной лексики абазинского и кабардино-черкесского языков. – В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с.61-74.
- Ионова С.Х. Кабардино-черкесские лексические заимствования в абазинском языке. // Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с.33.
- Ионова С.Х. Кабардино-черкесские лексические заимствования в абазинском языке. – В кн.: Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982.
- Ионова С.Х. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке. – В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с.29-42;
- Ионова С.Х. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке. – В кн.: Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с.29-42.
- Ионова С.Х. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке. – В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (Северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с. 61-74
- Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов. \\\ История – археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 4 – Армавир, Москва –1998.
- Касландзия В.А. О составе некоторых абхазских слов. // Алашара, 1974, № 5, с.88 (на абх. языке).
- Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, 1981, с.79-130.
- Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах *ауаџс* «осетин» и *ашъ-аныуа* «сван». – Вопросы кавказской филологии и истории. К 60-летию доктора филологических наук Г.Ф.Турчанинова. Нальчик, 1982, с.84.

- Кварчия В.Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухуми. – Алашара, 1985, с.58.
- Килба Э.К. Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси : Мецниереба, 1983, с. 30, 31, 66, 69-75, 78, 82, 84-86.
- Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, VII. СПб., 1914, с. 193.
- Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. 1. (исконный фонд). // Этимология, 1965. Москва, 1967, с. 305.
- Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). «Этимология 1966». М., 1969.
- Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л.: Наука, 1971
- Климов Г.А. К этимологии абхазско-абазинского –гды //гди «безрогий». // Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с. 16.
- Конджария В.Х. Очерки по абхазо-абазинской лексике. Тбилиси: Мецниереба, 1976,
- Конджария В.Х. Из истории развития абхазского литературного языка (дореволюционный период). Сухуми: Алашара, 1984.
- Костикова З.П. Источники образования учебно-педагогической терминологии абхазского литературного языка. –В кн.: Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967.
- Костикова З.П. Развитие терминологии абхазского литературного языка в советскую эпоху. Преимущественно на материале учебно-педагогической терминологии. Автореф. канд.дисс... М., Наука, 1974.
- Костикова З.П. Роль иноязычного влияния на формирование и развитие учебно-педагогической терминологии абхазского языка: Научная сессия, посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы: Тезисы докладов. Сухуми, «Алашара», 1967.
- Кремшоколов Т.Х. Древнейшие абхазо-адыгские лексические параллели. Сборник научных работ аспирантов КБГУ. Вып.III, ч. 2. Нальчик, 1971.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. \\\ Вестник древней истории, вып. XIX-XX. М., 1947-1949. С. 305.)

- Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. С абхазскими и абазинскими текстами. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз., резюме на русск. яз.)
- Ломтатидзе К.В. Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазского языка. XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Ломтатидзе К.В. О древних названиях месяцев в абхазском и абазинском языках. Ежегодник ИКЯ, т. II, Тбилиси, 1975, с. 40-46.
- Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Мальбахова Н.Т. О фонетических заимствованиях в абазинском языке. – В кн.: Родной и русский язык в школах Северного Кавказа, вып. 2, АПН РСФСР, М., 1961.
- Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, сс. 293-296.
- Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ, V, Спб., 1912.
- Марр Н.Я. Абхазско-русский словарь: Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Л., 1926.
- Материалы абхазского фольклора. (Из архива Н.Я. Марра). Подготовлены к печати С.Л. Зухба. Сухуми, 1967, с. 196. (на абхазском языке).
- Мачавариани Г.И. К вопросу о субстрате в западно-картвельском (занско-сванском) лингвистическом ареале. – Ежегодник ИКЯ. Т. XV, Тбилиси, 1966, с. 165-168 (на груз. яз. резюме на русск. яз.).
- Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913, с. 114.
- Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 67.
- Погодин А. К вопросу о влиянии индо-европейских языков на кавказские. \СМОМПК. 1902. Вып. 31, отд. IV.
- Севортян Э.В. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. – Исследования по сравнительной грамматике тюркских

- языков. Ч.1. Фонетика. М., 1960, с. 29.
- Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. М., АН СССР, 1955, с. 90.
- Сердюченко Г.П. Словарные расхождения в диалектах абазинского языка (с параллелями из абхазского). ЯСКД, т. II, М.-Л., 1949.
- Темирова Р.Х. Фонетическое и морфологическое освоение адыгских слов в абазинском. – В кн.: Вопросы языковых контактов (северокавказский ареал). Черкесск, 1982, с. 18-25.
- Трубачев О.Н. «Indoarica» \ Этимология. 1981. М., 1983.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М. Наука, 1999.
- Трубачев О.Н. О синдах и их языке. \ ВЯ, М., 1976, №4,
- Трубецкой Н. Основы фонологии.– Москва, Изд. иностранной литературы, 1960, с.71
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с.132.
- Хабишев М.А. Взаимовлияние языков Западного Кавказа. Черкесск, 1980, с. 9.
- Хабишев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980.
- Цвинария И.Н. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси, 1990.
- Циколия М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. – МЯЯ, т. IV, Спб., 1912.
- Чикобава А.. К вопросу о контакте языков по материалам картвельских бесписьменных языков// Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
- Чирикба В.А. К германо-западнокавказским лексическим параллелям. \ Известия т. XVI (серия филологическая) Тбилиси, 1988, с. 121-128.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕСКИКА В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Формат 84 x 108 1/32. Тираж 300. Физ. печ. л. – 10
Газетно-типографский комплекс
Республики Абхазия
г. Сухум, ул. Званба 9.